

МЕДИА ГРУППА МЕЖДУНАРОДНЫХ
ЛИТЕРАТУРНО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ
«ИНТЕЛЛИГЕНТ»

От имени Центра культурного и гуманитарного образования, Объединения русских литераторов Эстонии и от себя лично позвольте выразить Вам искреннюю благодарность и признательность за Ваш поистине подвижнический труд по поддержке деятельности Международного медийного проекта «Интеллигент». Нам, русским писателям, поэтам, литераторам, живущим в Эстонии, нравится Ваш журнал и высоким профессиональным уровнем, и широтой эстетических взглядов, и ощущением культурного единства Русского Мира. Каждая публикация в журнале «Интеллигент» – подтверждение нашей нерушимой связи с родной русской культурой и литературой. Это лишний раз подтвердила презентация журнала «Интеллигент» в Таллине 27 апреля. Некоторые члены Объединения русских литераторов Эстонии уже опубликовали свои произведения на страницах Вашего издания. Для других – это цель и стимул для дальнейшей работы.

Ваш журнал – реализация важнейшего принципа Программы поддержки соотечественников за рубежом, сформулированной Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным. Согласно этой Программы – ощущение духовной связи с исторической родиной и ее культурой – главная цель и задача политики, проводимой по укреплению Русского Мира.

Дай Вам Бог здоровья и сил для исполнения вашей высокой и благородной миссии. Хочется надеяться, что и окружающие Вас люди осознают всю степень важности и ответственности, которую Вы взяли на себя, бескорыстно помогая соотечественникам сохранять свой язык и оставаться людьми русской культуры, независимо от страны проживания.

Мы же, в свою очередь, постараемся исполнить завет А.А. Ахматовой и «сохраним тебя, русская речь, Великое русское слово».

С уважением,

Владимир Брагин, доктор филологии, профессор Евроакадемии,
Председатель Правления Центра культурного и гуманитарного образования,
член Правления Объединения русских литераторов Эстонии

Учредители и редакторы медийной группы «Интеллигент» выражают свою искреннюю признательность всем представителям, кто проводил презентации наших изданий. Мы благодарим Сергея Киреева за презентацию в Новой Зеландии, Марину Викторову за её осеннюю презентацию на радио в Таллине, Майю Шварцман за презентацию в Бельгии, Екатерину Асмус за её презентации на радио в Санкт-Петербурге и в Нью-Йорке. Мы благодарны Андрею Насонову за презентацию в кафе «Набоков» в Краснодаре, Наташе Крофтс и Залману Шмейлину за презентацию на национальном радио в Мельбурне, Светлане Савицкой за презентации в Испании, в Болгарии и в Индии. Признательны Вячеславу Барыбову за презентацию в Омске, Ирине Анастасиади за презентацию в Греции, Олегу Борушко за презентацию в Англии, Наташе Лайдинен за презентацию в Москве. Мы благодарим всех авторов, которые проводили презентации изданий медийной группы «Интеллигент» в разных регионах России и за рубежом, а их очень много и всех сложно перечислить, но главное все мы совместно создавали этот проект и сделали его одним из самых престижных проектов в современной Р.Ф.

Поздравляем сотрудников, авторов и читателей изданий «Интеллигент» с наступающим 2017 годом! Желаем всем здоровья, успехов и творческого вдохновения!

В подготовке номера принимали участие:

**Светлана
САВИЦКАЯ**

**Майя
ШВАРЦМАН**

**Вера
ЗУБАРЕВА**

**Залман
ШМЕЙЛИН**

**Александр
МАТУСЕВИЧ**

**Юрий
ТУБОЛЬЦЕВ**

**Татьяна
ДУНАФ**

**Екатерина
КАРГОПОЛЬЦЕВА**

**Людмила
ЛАВРОВА**

**Александр
СЫРЧЕНКО**

**Виталий
КУЗНЕЦОВ**

**Зиновий
КОРОВИН**

**Сергей
ГОРА**

**Ирина
ТАЙМАНОВА**

**Инна
КОСТЯКОВСКАЯ**

**Екатерина
АСМУС**

А так же участвовали Александр Соколовский и Вячеслав Барыбов

СИМВОЛ ОСТРОВА

СИБИРСКИЙ ЛЕС КАК МЕТАФОРА РОДИНЫ

Роман «Последний Остров» Василия Тишкова уникален системой художественных образов.

Среди художественных книг, написанных в XX веке и продолжающих появляться в наши дни, и посвященных сибирской жизни, роман Василия Тишкова «Последний остров» занимает особое место. Эта книга стоит несколько особняком благодаря системе своих персонажей. Герои Тишкова, Сибиряки: нравственный эталон русского народа.

«Запомни, Аленка, у тебя в кармане адрес. По нему тебя отвезут к хорошим людям. Ну, будь здорова! И живи сто лет.» Солдаты ушли по лесной дороге. И Аленка услышала: «Это - сибиряки».

Разрывы зенитных снарядов пугали все меньше, а вскоре и вовсе сменились ровным перестуком вагонных колес. Их везли долго. В дороге их нагнала настоящая весна. Девочка ехала в страну, где жил до войны солдат, спасший ее на Ладого. Страна та называлась Сибирью» (С. 16)

Для кого написан этот роман?

Роман Тишкова о Сибири и о Сибиряках - особенный. Обычно, главные герои классической литературы, - люди взрослые, успевшие позабыть о школьной скамье. Известная литературоведческая аксиома гласит, что, погружаясь в пласт художественного повествования, читательвольно или невольно ассоциирует себя с кем либо из персонажей, примеряет на себя поступки и мысли персонажей. На неосознанном эмоциональном «вживании» в роль вымышленного героя основан эффект «саспенса» кинематографа, о котором пишет (см. «Кино между адом и раем») сценарист Александр Митта. Это наблюдение справедливо не только для драматургических жанров, но и для эпических, к которым относится и жанр романа. Отсюда, закономерный вопрос: для кого же написан роман В.Тишкова, если его главные персонажи- подростки? Учитывал ли автор психологический эффект идентификации читателя с кем- либо из персонажей, другими словами, создавал ли он свое произведение для подростков?

Маловероятно. Перед нами - не детская литература, как невозможно к детской литературе отнести «Мои университеты» М. Горького, «Детство, Отрочество, Юность» Л.Толстого, «Кашееву цепь» М.Пришвина, «Жизнь Арсеньева» И.Бунина, «Сладкую каторгу» Н.Ляшко и другие произведения, ведущими персонажами которых - взрослеющие юноши. Книга «Последний остров» В.Тишкова, конечно же, может быть рекомендована для прочтения школьникам, но при этом, ее нельзя относить к «детской литературе», как большинство художественных произведений, которые принято считать «литературой для детей», основанных на

приключенческом развлекательном, дидактическом, познавательном сюжете, и соответствующей этому, системе персонажей. Вообще, рассуждая о «школьной литературе», можно выделить две больших группы «детских книг», это книги которые пишутся непосредственно для детей, нередко, взрослые писатели создают их для собственных детей, («Малыш и Карлсон» Л. Астрид, сказки В.Катаева, сказки А.Толстого, «Незнайка» Н.Носова, «Алиса» Л.Кэрролла, фэнтези Д.Толкиена, «Гарри Поттер» Д.Роулинг, «Волшебник изумрудного города» А.Волкова). Другие же книги изначально пишутся для взрослых, но могут быть разрешены для школьного прочтения. Стоит ли подчеркивать лишний раз тот факт, что развитие человеческой личности происходит лишь в том случае, если ребенок читает книги второго типа? Взрослые книги, выстраивают в сюжете драматичную «взрослую» проблематику. Это: ответственность за жизнь другого человека, умение принимать решение, умение преодолевать свои слабости усилием воли, умение рисковать ради достижения той или иной цели.

Увы, сегодня, даже наблюдая сорокалетних лысеющих и сидящих «юношей» с эгоцентрично - детским взглядом на жизнь, можно легко поставить диагноз: они читали в школьные годы лишь книги, написанные изначально для детей, и, возможно, продолжают их читать, не желая бороться со своим инфантилизмом: удовольствие стало самоцелью жизни.

В одной из недавно защищенных диссертаций, по теме детской литературы, (Е.Ю.Дворак, «Русское детское фэнтези...», 2015), был сделан важный вывод:

если в фантастике показан мир зрелых личностей, которые ставят перед собой определенные цели и добиваются их, то в фэнтези такого нет: персонажи ищут себе на голову приключений ради самих приключений, ради удовольствия, (как, например, «Хоббит» Дж. Толкин), и в этом нет ни масштабной, социально значимой цели, ни умения, словами Р.Киплинга «заставить сердце, нервы, тело тебе служить, когда в твоей груди уже давно все пусто, все сгорело, и только воля говорит «иди»! Глядя на великовозрастных «Толкиенистов» или почитателей Гарри Поттера, можно с уверенностью сказать: эти люди воспитывались не на взрослых книгах, разрешенных для школьного прочтения, а на детских книгах, написанных непосредственно для детей. Потому они, несмотря на свои седины, смотрят на мир глазами ребенка.

Великовозрастных детей, воспитанных на зарубежном фольклорном «фэнтези» и развлекательном сюжете «квест» искренне жаль: даже покупающих модные айпад и айфоны, отдыхающих на престижных курортах: они живут не в реальном мире, а в искусственном, созданном писательской фантазией: персонажи этого мира нередко взяты из фольклора «Хоббит» Д.Толкиена, «Волшебник страны Оз» - Л.Фрэнк) но не из мира реальных людей. В этой литературе нет очень важного для воспитания личности: нет типизации литературного характера, и дети, воспитанные на такого рода сюжетах, потом вырастают социально дезадаптированными, они стараются спрятаться от реальности в компьютерные игры, интернет, кино.

Важнейшее отличие «воспитательной» детской литературы от «развлекательной», в том, что первая учит человека самостоятельно принимать решения в жизни, а не ждать готового решения, как это характерно именно для модного сегодня развлекательного жанра «квест» и «фэнтези». Именно поэтому, рассуждая об воспитательной роли книг, очень важно, чтобы наши школьники читали не развлекательные «книжки для детей», а взрослые книги, разрешенные в школьной программе, потому что только на взрослой проблематике и на реалистичном материале и происходит развитие и формирование человеческой личности. Даже если книжные герои - подростки, то перед ними должны вставать проблемы взрослого мира. Помните, у В.Высоцкого, в «Балладе о борьбе»: «Жили книжные дети, не знавшие битв, изнывая от мелких своих катастроф... а в борьбу не вступил с подлецом, с палачом, значит в жизни ты был ни при чем... Если жизнь прорубая отцовским мечом, ты соленые слезы на ус намотал, если в жарком бою испытал что почем, значит, нужные книжки ты в детстве читал».

Книга В.Тишкова - о детях, но она не детская. Ее можно отнести как раз к той категории книг, которые, рассказывая о жизни подростка и его душе, опираются на проблематику, характерную для «взрослой» литературы. В этом ее своеобразие и ее уникальность. Стилистика книги такова, что ее впору читать зрелому человеку: нет в ней того развлекательного сюсюканья, что стало сегодня своеобразным «брендом» детской прозы. С первых же страниц романа В.Тишкова обращает внимание на богатство лексики и чувственную завершенность художественного образа:

«Он (т.е. Мишка - прим. А.Г.) рассмелся радостно, глянул на свой двор, в мягкой росистой свежести. Роса блистала на прошлогодней траве, на заборе, и была она крупная, прошитая солнцем как серебряные колокольцы, ими острожно позванивают утренние лучи. А в тени роса таилась еще темной роздымью и походила на росыши камушков дымчатого шпата. Но скоро и здесь появится солнце и росинки дымчатого шпата станут совсем хрустально прозрачными» (С.30).

Роль личного опыта. Почему эта книга была написана?

Любопытен авторский угол зрения: сибирская деревушка в годы Отечественной войны, показана через судьбы подростков. Книга во многом автобиографична, и персонажа Мишку Разгонова писателю выдумывать «из воздуха» не пришлось.

Автобиографические книги, создаваемые писателями XX столетия, были всегда художественно богаче, достовернее, сильнее тех, что не имели под собой эмпирического писательского опыта. Так, Николай Ляшко («Сладкая каторга»), в детстве работал карамельщиком на кондитерской фабрике, Аркадий Сахнин («Машинисты») - в железнодорожном депо, Всеволод Кочетов («Журбины») - на судовой верфи. Детские впечатления - самые сильные, и остаются на всю жизнь в нашей памяти. Это отчасти объясняет драматургический размах романа «Последний остров».

Тематически, роман В.Тишкова апеллирует к двум ключевым художественным образам: это образ войны и образ сибирского леса. Образ войны в произведении присутствует опосредованно: перед нами - русский тыл, до которого долетает лишь эхо войны, - прожорливого чудовища, забравшего из деревни мужчин, уносящего жизни лучших сельчан, постоянно угрожающего новыми «похоронками». Военные события, танковые бои и взрывы снарядов, остающиеся для «Последнего острова» фоновым лейтмотивом, автором «выводятся за кадр», и мы видим войну не глазами ее участников, как это принято в «военной прозе», а глазами тыловинов. Ощущение близко проходящей линии фронта есть, пожалуй, лишь в начале романа: в Ленинградском эпизоде, в котором читатель знакомится с маленькой Аленкой, которой грозит голодная смерть...

«Я жить хочу», - чуть слышно прошептала Аленка. - «Всем помирать неохо-

та. Так-то вот, большеглазая. Что же мне делать с тобой прикажешь?» - «Принеси яблочко! - Ишь ты, ночка ясная. Яблочка ей захотелось!». Семеныч болезненно улыбнулся и тоскливо сказал: «Я уж и забыл, каковы они на вкус, эти яблоки-то. Ну ладно, чего-нибудь съедем. А ты поднимайся, коли жить-то взаправду охота. Ко мне пойдём». Они спустились на первый этаж. Семеныч жил в профессорской квартире. «Недавно я сюда перебрался. Книжки этот профессор шибко любил, царствие ему небесное. Две комнаты ими завалены. Старинные книжки. Цены им в мирное время нет. А сейчас у всех одна забота, - что поесть и как обогреться. Вот и принимаю великий грех на душу», - Семеныч перекрестился, набрал стопку книг и понес к «буржуйке». (С.12)

Некоторое время спустя, мы видим, правда, сюжетную линию «второго плана», посвященную пленным немцам, но в ней нет уже той остроты, как в «Ленинградском» эпизоде с Аленкой, ведь теперь опасность угрожает уже не ведущим персонажам романа, а их антагонистам, - пленным немцам зависимым от сибиряков. «Военные» эпизоды жизни сибирского тыла - краткосрочны и не являются сюжетно образующими: сцены вручения похоронков, проводов Жултайки на фронт идут «вторым планом» по отношению к основной сюжетной линии, - это повседневная жизнь сибирской деревни на Лосином Острове.

История схватки юного лесника Мишки Разгонова с браконьерами и его болезни, сцены деревенского быта, трагедия случайно убитого олененка, продажи в голод суягной овцы за долги, пожара, устроенного колхозником Антиповым, звучат гораздо ярче и пронзительнее «военного эха». Именно поэтому, на мой взгляд, отечественное направление «деревенской» прозы ближе к этому роману, нежели направление «военной прозы». Перелистывая страницы романа, мне неоднократно приходил на ум «Стародуб» В.Астафьева, в то время как классики «военной прозы», как «ранние»: Б.Васильев, В.Некрасов, Г.Бакланов, А.Бек, так и «поздние»: Ю.Бондарев, К.Воробьев, В.Быков, В.Гросман, Г.Владимов, невольно остались за пределами моего читательского внимания.

Невозможно сравнивать «Последний Остров» и с детской литературой о войне и ее отголосках, написанной специально для школьников в типичном приключенческом духе, как, например повесть «За все хорошее смерть» Максуда Ибрагимбекова, повествующая о том, как дети выскокого аула, играя, случайно нашли пещеру, оказавшуюся бомбоубежищем, когда-то принадлежавшим немцам, из любопытства забрели в нее и ... попали в ловушку...

Лейтмотив романа: созидательный образ Лосиногостровского Острова - разрушительный образ войны

Художественной доминантой романа В.Тишкова является образ Лесного таежного Острова: подобно зеленому оазису, с живой водой, находящемуся по-

среди безжизненной пустыни, Лосиный Остров становится метафорой спокойствия, защищенности, благополучия и справедливости. На этом островке есть даже чайки: символ морских просторов и свободы.

«Но почему чайки на озерах живут? - не унималась Аленка. (...) «Вот пристала, - буркнул Мишка, - Я ведь не дед Яков, - все знать. Живут и живут. Егорка, откуда у нас чайки взялись?» - «Чайки? Так они всегда на озерах гнездились», - «Вот. Теперь понятно? Живут и живут себе. Наверное, здесь когда-то море было, и чайки с тех пор прилетают к нам по привычке. Понравилось им у нас. Кормятся озерной рыбой, а самим невдомек что моря-то давно нет», - «Моря нет, зато озер и лесов полно. - Сонно пробурчал Егорка» (С.164)

«Теперь она (т.е.Аленка - прим АГ) видела малую толику здешней жизни, но отдохнувшая душа помогала думать свободно, а те малые малости, происходящие вокруг нее, становились событиями, оставляющими в терпетном сознании те самые изначальные тропки к познанию окружающего мира, где не должны рваться снаряды, не должны умирать люди, где все живое должно жить и расти только по законам природы. Таким местом настоящему стало для Аленки лесничество на Лосином острове. Этот большой зеленый остров спокойным взгорьем как бы плыл над всеми другими лесами, озерами, пашнями и дальними деревнями. Может быть это плыли облака в синем небе или их отражение в озерах, может быть, ощущение высоты самого острова или игры ветра в кронах деревьев. Но движение было его чувствовало тело, душа, и разум, не противились обманному впечатлению, наоборот, включались в эту удивительную игру воображения с действительностью» (С. 137)

Можно утверждать, что роман построен на антитезе: «мир Острова» - «мир войны». «Война сделала Аленку сиротой но она и подарила ей родину, вот эту среди озер и лесов в деревне Нечаевке. Как нечаянный интерес нагадала судьба а может и больше - целую жизнь» (с.338)

К художественному концепту «Остров» я отнесла бы такие понятия как: лесничество, природа, семья, дом, созидание, развитие, защищенность, справедливость. Этот Концепт Острова раскрывается в финале произведения в метафору Малой Родины:

«Вздыхнул уставший больше других, дед Яков, расправил грудь, пригладил белую бороду, строго оглядел сызмальства знакомые уголья. И с понятием одобрил завещание соседа, почему именно здесь облюбовал Иван Степанович для себя последний приют. Отсюда в миражной сини просматривались дальние дали с озерами, лесами пашнями проселками в луговинах, большими и маленькими деревнями. И было ощущение застывшего в бесконечности мгновения полета над всей этой родимой землей. (С. 364).

Концепту «Острова» противостоит «Концепт Войны»: к нему относятся по-

нения разрушения, страха, разорения, распада, подлости. Концепт войны раскрывается в сценах о пленных немцах.

«Катерина вздохнула и принялась убирать со стола. А Мишка слушал и не слушал. Чего это мать разговаривает не по делу, чего это она за словами от Мишки прячется? «Сынок, ты сегодня опять на обход? «- «А то как же? - Не сразу да и то ворчливо ответил Мишка. - На Лосиный остров бежать надо. За ним ведь немцев-то поселили. Самые-пресамые лучшие рощи теперь на столбы пойдут. Подчистую выпластают. Чтоб они сдохли, паразиты. Тут за своими-то глаз да глаз нужен, а теперь еще забота- лучший, строевой лес собственноручно отводи на погибель». (С.35)

Любопытно, что образ немца как врага для Мишки приобретает контекст «враг леса», а, поскольку Лосиный Остров- это концепт Малой Родины, то вот таким образом мы и видим логическую связку: немец - враг леса- враг Родины.

К концепту войны логически примыкает весь художественный пласт эпизодов, связанных с разрушением, ложью, беспринципностью, цинизмом, корыстью: это и браконьеры, готовые заживо утопить маленького живого свидетеля своей удаливой охоты на лося, это и хитрый колхозник Егор Антипов, желающий обманывать всякую политическую власть и из всякой политики искать себе выгоду, это галерея «антигероев».

Борьба героев и антигероев у В.Тишкова прописана достаточно четко: мы не увидим противоречивых характеров, в которых черного и белого намешано поровну: перед нами - герои с уже сложившейся личностью, которая будет реагировать на обстоятельства достаточно предсказуемо: поступки детерминирует нравственный стержень, либо его отсутствие. Заметим: понятие «нравственности» синонимично «заботе о людях», «ответственности за ближнего». Этим и отличаются положительные герои романа от своих антигероев, рассматривающих людей как некий инструмент для достижения личной выгоды.

Эта мысль отчетливо звучит в сцене сна Мишки, при этом он видит себя лидером: «Мишка плакал от великого горя, - с самых первых шагов своей новой жизни он начал верить, ведь люди при помощи огня как раз и уничтожили все живое на Земле. Так что же на самом деле такое огонь, - смерть или жизнь? И как ему теперь поступать дальше, всю ли правду говорить? И что есть на самом деле правда, где она кончается и где начинается ложь? А главное сейчас сводилось к самому простому, - надо в первую очередь покормить и обогреть ребятишек, дальше будет видно, сама жизнь подскажет. Он начал делать самое необходимое, а ребятишек приспособил творить посильное. Всех накормил Мишка, всех уложил спать в чистом и просторном доме, а сам поздним вечером сидел на мостках у озера и смотрел на звездное отражение в воде» (С.196).

Антитеза «Остров», «Созидание», «Справедливость» - «Война», «Разруше-

ние», «Подлость», развивается в лейтмотив, который я бы назвала: «законы природы» - «законы людские». (Имеются ввиду, конечно не все люди, а «кричащие по - разбойничьему», ибо сам образ деревни Нечаевки - позитивен).

В этом идейно-художественном пласте сюжета, как и характерно для деревенской прозы, законы природы становятся нравственным камертоном для мира людей (Вспомним: «Царь рыбу» и «Сон о белых горах» В.Астафьева, ключевую идею «Прощания с Матерой» В.Распутина). В этой системе координат, люди, оторвавшиеся от природы, старающиеся ее «использовать» и ориентированные на социальное превосходство, на власть, на управление себе подобными априорно становятся отрицательными персонажами.

«Многие Нечаевские побежали на хутор. А там творилось что-то странное. Никто никого не звал на помощь, не спасал вещицы, напротив, хуторяне прятались по своим углам, а возле пылающих пристроев и занимающегося чадным костром высокого щеголеватого дома стоял с ружьем пьяный Антипов и кричал по-разбойничьему: «Не подходи! Всех порешу!» (...) . Над усадьбой взвился дымный всполох, похожий на огромного красно-черного петуха. Того самого петуха, что был фамильным гербом Антиповых. Стреляющие искрами головки накрыли все подворье, враз занялись огнем сарай, баня, навесы даже ворота. Антипов не выдержал самосожжения, выскочил на улицу, упал в траву и стал кататься гася форменный китель». (С. 326- С. 328)

Метафора нравственности - символ Оленя

К концепту Острова (лесного острова, лосиного острова), примыкает группа символов и эпизодов, к которым следует в первую очередь отнести образ Оленя и эпизод случайно подстреленного Олененка. Чтобы понять этот репрезентативный для романа символ, вспомним отношению к Оленю в Сибири и у тех народов, что жили на территории нынешней России и сохранили в себе память предков. Олень в фольклорной системе координат древних народов Сибири и Дальнего Востока символизировал священное животное, несущее на своих рогах Солнце, и тем самым, ведающим важнейшим для Земли: сменой Дня и Ночи. Это представление об Оленях сохранилось в фольклорной культуре селькупов (название народа означает «лесные люди»), которые проживали в тайге, и у которых олень почитался священным животным наряду с другим «хозяином леса» - медведем.

Здесь стоит вспомнить об эпосе селькупов, или «лесных людей» в которых фигурирует непобедимый и неустрашимый охотник Итте. Животные в древнем сибирском фольклоре обладали человеческими чертами, и напротив, люди понимали язык животных. Так в цикле северных поэтических преданий об охотнике Итте есть эпизод, в котором охотник Итте решается добыть Оленя (или лося, марала, сохатого - варианты легенды). Но в дороге - охотиться вместе с ним увязывается

черт, у которого душа черна и греховна, и потому черт прилипает к смолотому кедру, с которого течет смола. Неустрашимый охотник Итте продолжает охоту, и, поскольку душа его чиста, а сам Олень является небесным созданием, то во время охоты Итте незаметно вместе с Оленем оказывается на небе, и от его стрел зажигается созвездие Большой Медведицы, а Олень превращается в созвездие Ориона. Этот поэтический эпос сибирского народа дошел и до наших дней и был письменно зафиксирован учеными сравнительно недавно.

Еще аргумент в пользу весомости символа оленя. Отмирающие и вновь вырастающие у оленя рога навели селькупов на аналогии с умиранием и воскрешением природы, с циклом жизни-смерти-жизни, посвящая Оленя в священные животные. Древние народы Тувы, Хакасии, Эвенкии, горного Алтая верили, что олень - солнечное животное. Сохранились наскальные рисунки - петроглифы, в которых олень несет на своих рогах солнечный диск. У тюркских народов на Алтае и Сибири в системе мировоззрения тенгрианства бытует предание, что Олень служит шаманам, возит волшебные сани, и обеспечивает переход людской души из мира «небесного» в мир «земной», грешный. Таким образом, идея справедливости, отраженная в стихотворении маленького Мишки Разгонова, ложится на этот фольклорный контекст как нельзя лучше. На с.338 романа «Последний остров» читаем:

«Ты помнишь свой первый день в Нечаевке? (Спрашивает Мишка Аленку-прим А.Г.) - «Ну, конечно. И первый день и второй и третий», - «В тот день убили олененка. И убил-то его хороший человек, ненароком. А у меня сложились стихи. (...) Добычу свежевать готовясь / Охотник брел из-за куста / Был выстрел тот в людскую совесть / Была убита- доброта.» (С.338)

Сам авторский сюжетный ход: олененок случайно был убит хорошим и добрым человеком, - грамотным лесником Яковом Макаровичем, достаточно сложен для интерпретации. Что этим хотел сказать автор? Почему убийство олененка стало делом рук «хозяина леса» и учителя Мишки Разгонова? Быть может, автор хотел показать читателю, продемонстрировать категоричность детских установок, желание Мишки Разгонова составить акт на лесника, своего же прощатившегося учителя, и - неоднозначность, нелинейность «взрослой» жизни, где невозможно порой «черное» отделить от «белого»? Так или иначе, но этот эпизод заставляет нас вспомнить повесть «Стародуб» В.Астафьева: учитель великого охотника, подлинного хозяина тайга - Култыша, житель сибирского старообрядческого поселка Вырубы - охотник Фаефан, усыновивший Култыша, тоже далеко не безгрешен. Это бывший каторжанин, и, как и многие старообрядцы, он бежал в тайгу от людского правосудия, и здесь, в тайге усвоил подлинные законы природы. Сельчанин Нечаевки, лесник Яков Макарович: вековые законы природы ставит выше тех, что

придуманы людьми, и для Мишки становится фактически вторым отцом: воспитывает в нем понимание этих законов, так же как Фаефан воспитывает их понимание в Култыше. Так появляются два мощнейших образа подлинных хозяев тайги - Култыша и Мишки Разгонова, и образ высшего суда, - который объявляет Природа. (В «Последнем Острове» мы это видим, например, в линии с пленными немцами и волками).

Сама название местности, где разворачивается повествование у В.Тишкова - Лосинный Остров - обращает читательское внимание на ассоциативный референ: убийство олененка, браконьерскую охоту на лося. Конечно, лось это не синоним оленя, но у сибирских охотников есть общий жаргон, которым они называют детенышей и оленя и лося, - теленок. Одновременно, оленюху и лосяху сибирские охотники могут называть «коровой», а самца северного оленя, марала и лося «быком». (см. повесть «Стародуб» В.Астафьева).

К Символу Оленя и лейтмотиву гибели олененка примыкает проблематика «хозяйина тайги» и рассуждения В.Тишкова о том, каким он собственно должен быть, настоящий лесничий, хозяин леса, - хозяин собственной жизни, - лидер среди людей. Здесь отчетливо прослеживается контраст мотивов «законы леса» (природы) - «законы людей», и видно все несовершенство людских «законов».

«Тыфу!- Яков Макарович от бессилия перед настырным мальчишкой только развел руками. Это что ж получается? Яйца курицу учить начали. И кто? Михалко? Его бывший помощник и надежда. Да еще страху нагоняет на старика. Со смеху помереть можно. Однако сам Яков кругом виноват и пусть сторожится Михалко - пусть обучается на Макарыче власть свою показывать. Это ему сейчас по штату полагается. - несговорчивым быть, неподкупным не глядя на дружбу и прочее кумовство. ... Ладно. Составляй акт... А олененка я заберу все равно. Хошь верь, хошь не верь, но ненароком я его подшиб. Думал хищник какой, а тут ишь, дитя совсем неразумное. Теперь ничего не поделаешь. Да и голодно в деревне-то. не хуже мово знаешь.

Мишка вздохнул. Действительно, ну что тут поделаешь? А ничего не поделаешь, - прав старик, хоть Мишка и в лиходеи его зачислил. « Ну ладно. Я погожу пока с актом-то. Забирай олененка. Только смотри не обдели Анисейю Кзяневу. И про Жултайку не забудь. У них поди еды -то совсем не осталось. (...)

Мишка сходил к озеру Чаешному, убедился в правдивости слов деда Якова. Особой борьбы зверя с оленихой не видно. А следы человеческие распутица скрыла. Он составил акт о происшествии на берегу озера. Составил по всей форме, где когда и что им обнаружено. Не указал в акте только о встрече с дедом Яковом Макаровичем Сыромятиным и про убитого олененка. Мишка верил деду Якову. Если уж ему не верить, то лучше головой в омут.» (С.24).

Переключка сибирских мотивов: Тишков - Астафьев

Мы отчетливо видим художественно-образную аналогию со «Стародубом» В.Астафьева, где автор также противопоставляет совершенные и справедливые «законы природы» и несовершенные, разрушительные «законы людей». Сам стародуб, точнее, стародубка - это сибирский желтый первоцвет: «Охотник показал мальчонке цветок с таким мохнатым и духовитым стеблем, будто все лесные запахи впитались в него. «Стародуб!»- непривычно мягко произнес Фаефан. (...) И каждую весну зажигались ясным огнем по всей Сибири стародубы, и роняли семена, чтобы никогда не переставала цвести земля, чтобы сердце человека наполнялось соком и духом ее, и не истлевала память о том крае, который его родил».

Удивительно, но и у В.Тишкова в роман мы видим образ желтого сибирского первоцвета: «За неделю весна превратила снег в холодную талицу, прочистила горло воронью, создала на игрища диких зверей. В кустах боярышника и шиповника да по ложбинкам еще лежал подтаявший снег а на еланках уже подсохла прошлогодняя трава, и сквозь нее продавились первые лютики, неся на высоких мохнатых ножках бутоны цвета жаркого костра. Казалось будто солнце неожиданно обрушив с небес теплый весенний поток торопится поскорее обогреть эту необъятную сибирскую землю, уставшую и продоргшую за длинные зимние месяцы».

Как и в «Стародубе» В.Астафьева, у В.Тишкова в «Последнем Острове» отчетливо прописан конфликт человеческих ценностей: нравственности (Мишка Разгонов) и корысти (Браконьеры).

В образах браконьеров, добывших лося, автор персонифицирует зло. Кила и Корней- метафоры корысти, цинизма, беспринципности. В этих четко очерченных образах есть что-то сказовое, фольклорное, так что противостоять им может только богатырская сила, и спасение с помощью мертвой и живой воды... хотя бы и в простой русской бане.

«Кила хотел развязать Мишку, поди жаль стало ремня сыромятного, но Корней матерно заругался от телеги. Добытое-то мясо надо было успеть оттарать к рассету до Гусиновки, поэтому Кила и заторопился. Перехватив Мишку одной рукой он потащил его в камыши. Мишка расслабился, повис макарониной, пусть думают, что он не живой совсем. (...) Еще не продавшись сквозь камыши, Кила ухнул по пояс в тину. (...) Мишка не видел как выбрался Кила по дереву на берег. Сам он уже сильно вдавился в лабзю, да и вершинка осыни прикрыла сверху. Только услышал как спрашивал Корней : «Сосед, ты што ли полезешь?»- « Я! », - «А лесничок? »- « Он первый нырнул. И не пикнул даже », - « Каюк значит », - « Ну », - « Дело. Теперь дай бог ноги твоей коровенке. Телегу-то нагрузили, куда как с добром ». (С. 238) .

В «Стародубе» конфликт «мораль человеческая- мораль браконьерская» показан через линии двух братьев старообрядческого сибирского поселка кержаков:

Култыша и Амоса. Вот мысли браконьера - Амоса: «Бык долго хоронился за стволами деревьев, за выворотнями и ветлами. (...) Амоса колотило. Он уже не подсчитывал, сколько может отхватить денжат за кустистые рога-панты, которые кем-то и где-то перепродают в китайскую землю».

Линия браконьеров в «Последнем Острове» появляется логически закономерно, и символизирует противостояние добра и зла, совести и корысти, мира природы и мира людей. Любопытно, что и в «Стародубе» и в «Последнем острове» трагедия гибели оленя (лося) происходит на том самом месте, где лесниками (охотниками) утроена соляная кормушка, и куда лесные красавцы приходят подкормиться, уже доверяя людям. В определенной степени это - метафора человеческого предательства, хитрости, подлости.

«Еще Яковом Макаровичем было заведено, в деревянном корыте среди поляны всегда лежали большие куски каменной соли. Косули, лоси и другое мелкое лесное зверье, кому еще в охотку, приходили и солонились перед водопоем. Вот и на этот раз привел сохатый оленюху на доброе место, а их тут - жаканами. (...) Браконьеры даже не посчитали нужным убрать останки разделанных ими лосей. У дверей избушки корявым осенним кустом громоздились рога сохатого. Корней таскал к телеге мешки. (...) «- Ну дак чо, паря, кончать надо с лесничком-то», - Лениво и буднично сказал Корней.

«Ты что Корней и взаправду стрелять будешь?»- «А что делать-то остается? Не одному мне ты поперек дороги стоишь, Михалко. И откуда ты взялся такой антихрист? Беда с тобой. А без тебя- воля нам эвон как подфартило, на целый год мы с соседом солониной теперича обеспечены. Так что извини. (...) «Трус ты, Корней и гад. На связанного пацана с ружьем!». Он вскинул ружье и почти не целясь выстрелил дуплетом. (С. 173)

Подобная проблематика встречается и в «Стародубе» В.Астафьева. «Дикарь» Култыш ходит на охоту ради людей, Амос же все старается делать только для себя, нередко за счет других, и в его понимании добро дается взаймы, за деньги, за любую помощь полагается плата. «Простофиля и дурак! - Амос заорал на всю избу. - А тебя, тебя пожалеют? Ты им мяско роздал! А попади в огонь, они тебя к рассолу выгонят? Они тебя дальше, дальше в пекло загонят! Растяпа ты, ничего не знаешь. Любят кержаки когда люди на огне жарятся. Ране сами себя жгли, а теперь они других - на уголья. А ты им мясца! Давай, вали! Ангел с крыльями! Когда гореть будешь, они этими крыльями под тебя жар подгребнут!» В этом эпизоде мы видим не только внутреннее благородство Култыша, но и неверие в альтруизм Амоса, прежде всего потому что сам Амос не обладает подобными чертами личности.

Противопоставление характеров мы видим в линии Мишка Разгонов - Егор Антипов. Если Мишка старается видеть в людях только хорошее, то Антипов, напротив, людей априорно считает подлеца-

ми, которых можно и нужно обманывать. Вот как эта линия выглядит у В.Тишкова в романе.

«Ну, попадись», - «Не попадусь. Я не вору. А ты берегись, Антипов!» - «Чтоб ты сдох, паразит. Чтоб тебе на лодке перевернуться!» Не договорил, Мишка качнул свое тело вперед и ударил Антипова головой в плечи. Падая, Антипов потащил за собой и Мишку. Они снова забарахтались в воде, взбаламученной до мешанки из ила и няши. ...

«Хлысты толстые... гад ты... по бедности из них, понял... домишко даже можно срубить. А ты... Еще лес хотел грабнуть, конем хотел меня затоптать. Утоплю и скажу, ты сам...» Антипов попал ногами Мишке в живот, отпихнул его и полез на берег к дороге. Мишка вылез вслед за ним. На дороге они лежали плашмя, голова к голове, дышали тяжело, сипло.

«Ну? - Выдохнул Мишка, пытаюсь дотянуться до Антипова. «Будя... Лучше вдрюгардь. На сегодня... будя. Иди домой. (...) Антипов покрутил головой и чуть не плача, с досады, вдруг трезво сказал: «Я ... тебя убить хотел. А не смог. Верткий ты, как звереныш. И мужики тебя видели, заложат. Чтоб ты сдох, Мишка. Чтоб тебе в лесу очокуриться», - «Не-е. Мне рано. Дело много. Было бы силы поболее, я б тебя седни утопил, Антипов. Честное слово. А за что- сам знаешь. (...) Не ужокошишь. Ты- власть. И я - власть.» - «Дурак ты, вот кто. И лиходей. Попадешься еще раз, вот тогда и посмотрим, кто их нас власть настоящая» (С.. 95)

Примечательно еще два эпизода, которые хочется сравнить у Тишкова и у Астафьева. Это эпизоды, когда в ситуации острого голода семьи, «на мясо» идет самое ценное, что есть на тот момент у людей, в зоне их контроля и владения, - в эпизоде «Последнего Острова» это суягная овца, а в эпизоде «Стародуба» это дикий олень-марал, выращенный Фаефаном и Култышем.

И реакция у обоих «хозяев тайги» на блюдо из мяса неприкосновенных животных, и у Мишки Разгонова и у Култыша, - одинаковая. Они не могут есть это мясо. В этом - важная черта характера Мишки Разгонова, его бесстрашие при уверенности в своей правоте, и в главе «Караси без соли» он обнаруживает стержень своего характера: принципиальность.

«Потом они (Мишка и Аленка) одновременно посмотрели на миску с мясом. Оно наверное было очень вкусным и быть может даже посоленным. Лицо девчонки болезненно сморщилось а по щекам потекли крупные слезы. Мишка и вовсе растерялся, не зная что ему теперь делать с девчонкой и с этим мясом в большой глиняной миске, которая жгла руки. (С.35)

Когда вся семья села за стол, к мясу никто не притронулся. Гостя испугано взглядывала то на хмурого Мишку то на его печально красивую мать, то на исходящие головкокружительным ароматом куски мяса. Мишка молча ел своих карасей без соли и они первый раз показались ему горше полныни. (...) Неужели мать не устояла перед Антиповым и продала овцу чтоб

погасить налог? Овца-то суягная». (С.35)

А вот цитата из «Стародуба» В.Астафьева. «Чего убоину-то не ешь? Твоя!» - Култыш поперхнулся, прожевал капусту и сумрачно молвил; «Не могу. Против воли сохатого добыл. Не могу», - «(Это как понимать?)» Култыш задумался, потупил взгляд, сник весь. «Нет горше дела, чем добывать. Слабого только слабый бьет.» - «Ха! Слышать тошно! Будто он всю жизнь овсяным киселем питался!» - Взъелся Амос. «Но ослабленного зверя не бивал, самку в тягостях не трогал, гнезд не зорил!» - «И этого не тронул бы ради себя.» - Култыш скрипнул зубами.

И то, что невозможно с точки зрения морали Култыша, циничный Амос решается осуществить сам, с помощью привычного алкоголя и хитрости, не только обманывая Култыша, единственного человека в поселке, способного людей накормить мясом дичи, но и совершая преступление против законов тайги. Амос решается убить не самца, а олениху с маленьким олененком, и не для своего физического выживания, а лишь для того, чтобы «обустроиться», улучшить свой быт и комфорт.

И тайга за человеческий цинизм мстит так, как должна мстить за тяжкое преступление.

Образ тайги как метафора высшей мудрости и справедливости

Образ Тайги реализуется через переключку мотивов у В.Тишкова и В.Астафьева. «Култыш остатками чая залил огонек, двинулся дальше. Иногда он останавливался, наклонялся, и точно читая какие-то письмена, в силу стародавней привычки вел разговоры сам с собой. «Эх ты, охотник! - Горе луково! - Вот ты лежал, а вон в ста саженьях - корова. Она тебя все время видела а ты ее нет, потому как глаза тебе даны завидушие, и оттого незрячие. Медведя бы на тебя стрелянного, на сукина сына. Он бы у какой-нибудь колодины сгрел бы тебя, показал бы как с открытым хлебалом зверя преследовать. Н-да, худы твои дела, Амос, худы! Тайга- клад, но с чистым сердцем надо к нему притрагиваться...»

«Култыш молча рассуждал о жизни и смерти, и конечно о тайге. И в который раз таежный скиталец приходил в этих молчаливых рассуждениях к выводу, что великая сотворительница тайга все предусмотрела и все сделала правильно. Одному зверю дала когти и зубы, добывать корм, другому- быстрые ноги, тонкий слух, чтобы упасти свою жизнь. Птице- крылья. Человеку же дан только ум да и то не всякому. Крыльев, быстрых ног и когтей ему выдавать не полагалось, потому как имей это человек, он давно бы истребил все вокруг и сам бы издох смертью голодной. Даже без крыльев и когтей человек все вокруг себя истребляет.»

Ответ на вопрос о смысле человеческой жизни автор «Стародуба» через историю Култыша и Амоса предлагает искать в устройстве самой природы, а не человеческого общества. Вернувшись с телом Амоса в поселок Вырубы Култыш встречает не сочувствие, а бессильную людскую злобу.

И он, отторгнутый людьми но одержавший над ними моральную победу, уходит в свою охотничью избушку, на Изыбаш, где цветут стародубы, как посланницы солнца, как символы подлинной любви, стойкости и добра.

«Земля! - Голос Култыша крепчал. - Так почему же не почитаете свою родительницу? Почему кормилицу губите? Грабите? Оттого и боитесь ее как мирового судьи! (...) Мне бояться нечего, я смертен. А вот она - показывая через плечо на земляные увалы - нет! Она бессмертна! Эх, виновных ищите! Темнота ваша все-му вина.»

Приходит на ум цитата из романа В.Тишкова «Последний Остров», где идет продолжение этого мотива и его развития в Образе Тайги как символе высшей природной мудрости:

«Лес ведь как и семья, - в нем все в свое время должно быть. Вот мужики наши раньше-то к лесу по-родственному и относились, а колья случались пожары в лесу или другая напасть, тут уж ничего не оставалось как распахивать гарь под пашню или сажать новый лес. В редких случаях- сажали, потому как дело это непростое, куда одному человеку, когда и большой семье не под илу. Да и растет дерево не меньше человеческой жизни. А коли с умом да с душой, то лес сам себя обновит и лишком с человеком поделится». (С.С. 76- 77)

А вот развитие «таежной темы» у «Стародуба» В.Астафьева.

«В тайгу! В тайгу!» Отряхнул охотник штаны, вытер о них руки и пошел. Люди молча расступались перед ним. Они знали. Теперь он уходит от них навсегда, и не пожалели об этом. А лишь позавидовали тому, что этот сухонький, невысокий человек был по сравнению с ним богатырем, ибо имел при себе то перед чем все они вместе взятые и даже смерть были бессильны и ничтожны. И это, приобретенное им где- то, там на увалах, в лесах, никто и никогда у него отнять не сумеет. Это вечно. Это неистребимо! Ушел он и больше в селе его не видели.»

Примечательно, что создавая «Стародуб», 37 летний Виктор Астафьев посвящает эту сибирскую повесть-быль своему духовному учителю - писателю Леониду Леонову.

И здесь, конечно, невозможно обойти стороной знаменитый роман «Русский лес», где тоже присутствует военная тематика, где присутствует подлинный защитник леса - Иван Вихров и псевдоученый-карьерист Грацианский, где пытается разобраться в причинах опалы Вихрова и докопаться до истины, дочка лесовода, Поля. Вероятно, что и В.Тишков, во время работы над «Последним Островом» задумывался о «Русском лесе», и так же как и Л.Леонов, старается передать через метафору Леса и Лесника - сразу несколько понятий: «семья», «хозяин», «разумность», «ответственность», «умение видеть перспективу», «развитие», «воспитание и обучение», «мудрость», «профессионализм». Одним словом, все качества, что нужны... для управления государством.

Хозяин тайги как социальный лидер

Весь роман, в общем-то представляет собой ответ на вопрос о том, как происходит взросление и развитие личности. И как тут не вспомнить психологическую истину, отраженную у отечественного ученого А.Леонтьева в книге «Деятельность. Сознание. Личность»: самосознание развивается только через действие. Не бывает личностного развития в бездействии. Центральный персонаж роман- Мишка Разгонов напоминает «вечный двигатель». И ему помогает в развитии лесничий Яков Сыромятин.

«Яков Макарович останавливался возле густого гладкоствольного березняка и сам спрашивал : « На что годны сейчас эти хлысты? »- « На жерди для изгородей и пригонов», - отвечал Мишка. - « Так оно. А как рубить эти жерди? »- « Под корень », - « Само собой. Токо не все подряд, а каждую седьмую там или восьмую оставить надобно. Ишь как они вымахали в тесноте-то, теперича такой молодушке свободы маленько да времени лет с десятков, и пожалуйста, хоть столб телеграфный, хоть на плахи распиливай, хоть в другое строение приспособлявай. Дальше что? Подросли и эти оставленные деревья. Теперь как рубить? »- « Теперь все подряд. И новый лес сажать. »- « А вот и нет. Подгон- это молодняк, не тронь до поры, а из взрослых деревьев оставляй до полной старости те, что поразлапистее, у которых ветви не к небу тянутся а как у старых талин - косами вниз. Эти березы не шибко для хозяйства пригодны, зато в лесу сами хозяйки, они и влагу вокруг себя не растратят. и птицу придержат и семена по ветерку пустят и много еще всякой пользы от них в лесу. Понял теперь? » (С.76)

У В.Тишкова в романе о подростках появляется совсем неожиданная для «детской тематики» патетика: Мишка Разгонов показан со всей ответственностью хозяина за свой Лосинный Остров.

«Мишка решил сегодня не брать с собою ни рюкзака, ни ружья - ведь хвойный бор на старом кургане всего в километре от Нечаевки, да и задачу он поставил себе простую, - еще раз увидеть, постараться понять и запомнить как эти молодые сосны, ели и особенно кедр посажены, почему именно на этом месте и каким чувством надо было обладать тем, первым коммунарам чтобы на лысом и чахлом угоре, что спадает с большого кургана, прижились все до единого деревца и за двадцать лет стали взрослыми деревцами. А юные по годам кедр уже лет пять дают урожай. Здесь, на берегу озера Полдневного, в дни цветения кедров, можно даже свадьбы играть, так как нет краше и божественнее гордой красоты этих деревьев. Не зря ведь говорят, - в осиннике трудиться, в березняке веселиться а в кедраче богу молиться. (С. 74)

В романе создана ключевая метафора: лесничий как хозяин Малой Родины. Эта метафора отражена в диалогах персонажей.

«А луна зеленая, - Вздыхает Аленка. Ей начинает казаться, что это вовсе

не луна, а круглый зеленый фонарь, подвешенный на соснах. - И у тебя, Миша, глаза зеленые. Это потому что ты лесной человек, да? Скажи почему тебя зовут то лесником то лесничим? »- « Был у нас и лесник, был и лесничий. До войны еще. Лесник- просто сторож, и все. А лесничий - уже специалист, хозяин в лесу и над деревьями и над зверьем. тут он соображать должен, где можно лес пилить, а где нельзя, как птиц поменьше губить, где зверьям подсобить в голодные зимы. По- моему так, кто в деревне живет, обязательно должен быть маленько и лесником и лесничим. Тогда бы лес и живность разная в нем не убавлялись. (С. 164.)

История сибирской деревни Нечаевки- это история нескольких семей. Центральная линия держится на образах семей Разгоновых и Сыромятиных, которые, как магниты, притягивают к себе и других персонажей. Так, в семье Разгоновых появляется приемная ленинградская девочка Аленка, и потому, к этому миру тяготеет и образ Жултайки, которому она симпатична. «Мир Сыромятиных» очерчен образом лесничего Якова Макаровича и сельской «заводилы»- Юльки. Образы главных в семье Сыромятиных, молодых Кирилла Яковлевича и Ольги Павловны нам незнакомы: их унесла в свое пекло война.

В романе присутствует персонаж второго плана- Жултайка Хватков. Это сосед Разгоновых, парень неплохой, работает трактористом, любит в свое удовольствие порыбачить. Душа у Жултайки добрая, когда ему становится известно, что девочка из Ленинграда ничего не ест, все время молчит и плачет, он считает своим долгом как-то исправить это положение и идет развлекать Аленку. Наловленную рыбу задаром отдает ее приемной матери - Катерине Разгоновой: пусть от улова польза будет.

«Салам, здравствуй тетя Катя!- «Раненько ты со смены сегодня», - « А чего там! Трактор совсем шалая-валяй. Фордзон, дезертир, а не трактор! (...) Возьми рыбу. Пасха ведь. Пирог делай, если мука мало-мало есть», - «Есть, Жултаюшка.... Сейчас я мигом рыбников закручу» (...) (С.100)

После этого, отдав ведро с рыбой, Жултайка идет знакомиться с Аленкой: «Ты ешь больше. И ходи. А лежать не годится. К лежачими все болезни пристают. Вон Михалко с утра до ночи по лесу шастает. Потому и хвори не знает». Аленка чуть заметно улыбнулась, повторила чудное слово : «Шастает». - «Ты что, не веришь? Да чтоб мне треснуть!» (С. 100)

Зачем В.Тишков ввел в повествование этого персонажа? Жултайка не несет в композиции романа никакой сюжетной функциональной нагрузки, он не участвует в ключевых конфликтах, от него не зависит жизнь и судьба других персонажей, и даже достаточно серьезное событие в его собственной жизни - уход на фронт, автор романа прописывает кратко, мимоходом. И тем не менее, обойтись без Жултайки вовсе автор романа не захотел.

Зачем автору такой персонаж? На

мой взгляд, образ Жултайки создан для того, чтобы показать «рядового», «нормального», «типичного» сельчанина. Который любит чередовать труд с отдыхом, не халтурить, но и не перерабатывать, ибо «работа не волк, в лес не убежит». Таковых - миллионы, и это неплохие люди, толковые в своем деле... и все же, из таких как Жултайка не получаются социальные лидеры. У Жултайки нет главного, что необходимо лидеру: умения постоянно действовать, а не размышлять, чувство ответственности за любимое дело предписывает «быть вечным двигателем», решать возникшую проблему, а не избегать ее, пусть даже, и не нарушая при этом ни закон ни мораль. И на образе заурядного сельчанина- Жултайки ярче и рельефнее виден образ будущего лидера - Мишки Разгонова, который не может бросить Свое Дело даже в Пасху. Это отчетливо прописано в такой сцене

«Дни заметно прибавлялись. И у Мишки Разгонова дел прибавилось. Он безвылазно пропадал в лесу, то участки под новые вырубki замерял в леспромхозе у Федя Ермакова, то просеку пытался расчищать, то подсаживал молодняк на вырубках. Заодно и себе заготавливал топлива на зиму. - (С. 98)

В проулке показались Жултайка Хватков. На плече шест, с которого свисает посребренная рыбными чешуйками, сеть-трехперстка. В руке - ведро полное желтобрюхих карасей.

«С праздником тебя, Михалко. Кажись, Пасха сегодня»- «Кому праздник, кому- работа. - Ответил Мишка. Чего это ты не в поле? - « А у нас трактор опять сломался. Беда прямо. День пашем, день шестерни в МТСе лечим. Новость-то слышал? Антипов-то с кем-то подрался. Вторую неделю из дома носа не показывает... »- «Ты б вместо рыбалки-то дровишек себе заготовил пока трактор на ремонте. Опять зимой куковать будешь», - «Не буду. Приволоку после смены пару сухих валежин, вот тебе и дрова на зиму. А на себе таскать что-то нет охоты». (С. 98)

Взросление и воспитание как тема романа

Концепт Семьи - один из важнейших для романа В.Тишкова. В годы Отечественной войны произошло разрушение семей: и, вместе с тем, у детей появились новые и мудрые учителя жизни. Автор проводит параллель между понятиями «леса» и «семьи». Конечно же, у читателя возникает вопрос, что собой представляют родители будущего социального лидера Мишки Разгонова, ведь как известно, что «от осины не растут апельсины». Оказывается, что отец у Мишки - вполне «рядовой» сельчанин, хотя и «интеллигент»: заведовал избой-читальней. Значит, дело не в профессии, не родительском в наборе знаний и умений, а в более тонких законах воспитания: Это отражено в диалоге Аленки и Мишки

«Твой отец до войны тоже лесником работал?»- «Нет. Он у меня по машинам. И трактористом был и механиком. А сперва- избачом», - «Избачом?»- « Ну, заведовал избой-читальней. В ней и клуб и би-

библиотека, все вместе. А еще он песни для Нечаевского хора сочинял. Один стих его даже в районной газете пропечатали», - «И ты стихи любишь?», - «Я сказки всякие шибко люблю. Все книжки сказочные в школьной библиотеке перечитал и в ба-тиной избе-читальне. Но самая лучшая книжка у деда Якова в голове. Он этих сказок целую прорву знает». (С. 106)

Взросление персонажей происходит, как это и бывает в реальной жизни, через решение конкретных проблем, требующих чувства ответственности за другого человека. В таком деле мальчик и становится мужчиной. «Как быстро меняются многие понятия и значения! В речи соседей теперь вместо многих слов «Ребятишки», «парни», «мужики», «старики» осталось одно общее слово - «мужики». Женщины произносят это слово еще с большим уважением и бережливостью, чем до войны». (С.17)

Ответственность Мишки Разгонова за ленинградскую девочку Аленку, за собственную мать Катерину, за лес со всеми его обитателями - лишь малая часть тех дел, через которые развивается его личность. И чувство ответственности за других людей прочно входит в сознание Мишки - будущего социального лидера:

«Звезды были огромные, каждая с маленький притухающий костерок, и каждая его спрашивала что же он будет делать завтра, послезавтра, - всегда, один, пока не подрастет его маленькая коммуна? Кто теперь будет строить города, кто будет придумывать и делать машины, самолеты, трактора? Кто и чем вспашет землю, засеет поле, чтобы вырастить хлеб? Кто и как сделает одежду, ружье, часы? Кто напишет книги и учебники, без которых Мишка ничему не сможет научиться оставшихся детенышей человеческих? Звезды, как живые, то приближались то чуть сдвигались в стороны, на их месте возникали новые, - и все спрашивали, спрашивали, спрашивали...» (с.196)

У Мишки в Нечаевке есть надежный «воспитатель» - лесничий Яков Сыромятин. Однако, тому не хватает интеллигентности и культуры: он учит Мишку житейской мудрости, забывая про богатство культуры общечеловеческой, и тем самым ограничивает интеллектуальное развитие своего питомца.

«Яков Макарович Сыромятин, наверное ошибся. До войны он остерегал Мишу Разгонова от бесполезных дел, натаскивал его как кутенка в лесу и учил его по своей житейской книге, в которой все заранее и на долгие годы было спланировано. Только ведь так не бывает. Какой бы столб высоки да крепкий ни был, он уже никогда не сможет стать деревом. А жизнь и есть дерево. Будь книга хоть самая мудрая но если в ней нет жизни, она похожа на столб без веток, и листьев. Мне жалко Мишу, - душа у него к доброму тянется. Он должен расти вольным человеком. А должность его может сейчас ожесточить, укоротить ветви его фантазий» (С.123)

И все же, результат «воспитания», в котором есть и «рука» Якова Сыромятина и рука отца Ивана и рука самой тыловой жизни - положителен. Мишка становится

созидателем, преобразователем мира, - для начала, своей маленькой вселенной Лосиногостровского Острова. И основой для этого становится труд как самоценность.

Смысл жизни - в преобразовании мира.

«Мишка еще раз оглядел бывшую гарь, с облегчением вздохнул, присел на меже. «Ну вот, Егорка, и заложили мы с тобой наш первый лесной питомник. Соображаешь? «- «А то! Батки вернутся с войны - вот диву дадутся!» - «Это само собой. А тут другое соображение. Кто мы были с тобой до войны? Так себе. жили как трава или мураши, всему радовались да и только. А теперь что получается? «, - «А чего теперь? Мы и теперь радуемся», - «Вот балда. Мы ж работаем. Чего тут раньше было. Пеньки обгорелые торчали да дикошарый коневник рос. Какая в том радость. И вот разбудили дремавшую землю, - и приятно. Опять не соображаешь?» - «Ну ты, Михалко, как дед Яков стал. Все какого-то понятия ищешь. А мне так все одно, лишь бы в охотку, то ли кашу терять, то ли дрова пилить. Весело от всякой работы» (С.219)

На ум ассоциативно приходит финал «Фауста» И.Гете:

«Прочь отвести гнилой воды застой/
Вот вышедший и последний подвиг мой!/
Я целый край создам обширный, новый./
И пусть миллионы здесь людей живут./
Всю жизнь ввиду опасности суровой./
Надеясь лишь на свой свободный труд./
Среди холмов, на плодородном поле./
Стадам и людям будет здесь приволье./
Рай зацветет среди моих полей./» (...)

«Всю жизнь в борьбе суровой, непрерывной/ Дитя, и муж, и старец пусть ведет./
Чтоб я увидел в блеске силы дивной /
Свободный край, свободный мой народ!/
Тогда сказал бы я: мгновенье, / Прекрасно ты, продлился, постоя!»

Финал романа «Последний остров» реалистично трагичен. Внимательный читатель отметит, что автор романа создает определенную сюжетную интригу. В сцене похоронки он обрывает речь одного из персонажей, так что в истории Ивана Разгонова остается недоговоренность, мы не знаем что с ним произошло. Но поскольку только что зачитана похоронка на Сыромятиных, невольно создается ощущение что и с Иваном случилась беда. Какая именно? Он погиб или пропал без вести? Об этом автор романа умалчивает. Он обрывает повествование на полуслове.

«Рядом стоял Яков Макарович. Не глядя в мокрую бумажку, он по слогам как молитву повторял раз за разом : «Сын ваш, гвардии капитан Сыромятин Кирилл Яковлевич и его жена, военврач второго ранга Сыромятина Ольга Павловна проявив мужество и отвагу погибли в боях за свободу и независимость нашей Родины. Сын ваш, гвардии капитан...» (С.222)

Именно в силу сюжетной интриги автору романа и удается создать неожиданный финал, когда с фронта возвращается Иван Сыромятин, которого никто уже не ждет... не надеется увидеть...

«Неутешная баба боль вырвалась в причитаниях Катерины: «А! Иванушка!

Соколик мой ненаглядный! На кого ж ты покинул нас? Да за какие грехи наши страдаем? Кто ж теперь приголубит нас, приласкает?» (С.223).

Сюжетная лазейка с недоговоренностью сцены вручения похоронки дает возможность Тишкову прописать сцену чудесного возвращения Ивана Степановича Разгонова.

«По тропинке спускался человек в новенькой диагоналевой гимнастерке с погонами капитана. Ворота гимнастерки расстегнут, седая голова не покрыта, глаза старческие, усталые, невидящие.

Капитан чуть приостановился, у кромки берега, виновато улыбуясь Егору, мельком глянул на девушек, потом на Михалку и... никого из них не узнал. Но они узнали. Правда что-то держало их или испугало во взгляде, и ребята замерли боясь оборонить слово, сделать шаг навстречу. (...) Да пусть простит его земля, пусть простит его сын, - не мог и не должен был Иван возвращаться. Не мог и не должен, так что же тогда привело его к дому, какая темная неведомая сила дала еще один миг света на этой земле?

Иван провел мокрыми ладонями по лицу, как будто смывая давно забытую усталость, облегченно вздохнул: «Ну вот... Кажется я и дома», - «Он поднялся, вышел из воды и теперь уже совсем по-другому осмотрел ребят. И, конечно же, узнал каждого из них», - «Сынок!», - «Отец! - Сдавленным шепотом прокричал Михаил. И столько было в этом вскрике радости, горя, страха от неверия в чудо возвращения отца...» (С. 347).

Однако, роман Тишкова - не сказка, а реалистичное повествование. И поэтому заканчивается он психологически тяжелой пронзительной сценой:

«Я велел матери чтоб постелила тебе на сеновале, - сказал Михаил, присаживаясь рядом с отцом. - На лесных луговинах сено-то кошено», - « - Что это у тебя за форма, сынок?», - «Лесничего. Макарыч ведь говорил в застолье. Два года уже работаю. А этой зимой еще на курсах учился. И лошадь при мне. Кордон лесничества на Лебяжьем», - «На Лебяжьем, говоришь? «, - «Ну. Обжили мы его как следует. Почище любого курорта у нас на Лебяжьем. Отдохнешь маленько, повезем тебя в Аленку туда. За одно лето все болезни свои забудешь», - «Если бы только болезни. Не знаю как и дотянул до дому. Да и не мог не дотянуть. Я должен был вас увидеть», - «К дому все дороги короче», - «Иван вдруг побледнел в лице, оперся на плечо сына и твердо, чуть с хрипотцой заговорил: «Вот что, Михаил Иванович. Ежели что случится, а это может произойти в любую минуту, то исполни последнюю отцовскую волю, похоронишь меня у лебяжьего на взгорье подле двух берез»...

В этой сцене заложен едва ли не ключевой библейский мотив: мотив возвращения : к своим родителям, к предкам, к любимым, к своей земле, к своей Родине, потому что это - главная человеческая ценность.

Анна Гаганова (Гранатова)
литературовед, к.ф.н.

10 ЛЕТ МУЗЕЯ СКАЗОК

Если нет волшебной бороды, а все просят чуда, материализовать мечту получится лишь в том случае, если угол зрения развернуть до линии горизонта.

Меня всегда удивляет процесс возникновения этой самой линии. Ну – не было, не было – и появилась солнцем мысль, а из мысли проклюнулась бутонном песня, холст, кукла, сказка...

Сказок у меня столько, сколько седых волос на голове. Публикаций тоже. Печататься начала почти 40 лет назад... Педагоги школы и администрация города Балашихи, где я с 70 по 80-тый год училась в 23 школе, на каком-то этапе крепко прижали, пристыдили, что наследие распределено не там, работает не для тех, и вот мы взяли, да и создали уголок, где зажили своею жизнью экспонаты к произведениям, куклы, книги, рисунки, картины, фотографии...

На его 10-тилетие пришло более 1000 (да, в нулях нет ошибки!) приветственных писем и поздравлений от друзей из разных стран и от разных организаций. Откуда взялась такая популярность?

Представьте пустой водоем. Просто вода. Так? Но стоит его зарыбить, вокруг начнут гнездиться чайки, журав-

ли, лебеди, со всех сторон приползут ужи, заголосят лягушки, застрекочут медведки, запищат комарики, зазеленеют берега.

Так случилось и с моей возлюбленной библиотекой, куда в свои 6 лет пришла некая коротышка ростом с метр, открыла рот от восхищения, увидев несметное количество книг, первой прочитанной из которых была «Конек Горбун» Ершова.

Рай в его лучшем воплощении она теперь представляла только так, не иначе: чтобы было много-много-много книг!

Библиотека детства – это святое! Представьте только, в вашу библиотеку заходит ребенок, которому 6 лет, и ему советуют взять не чью-нибудь, а вашу книгу. Вот! Для этого самого сначала вымышленного, а далее материализовавшегося, да еще помноженного на десятки тысяч, и «метали мы кто икру, кто копыя!», желая создать для детей рай. Но только рай в нашем представлении, искривляя, как умели пространство.

Стоило «зарыбить» комнату, объявленную музеем, книгами, как к этим книгам стали добавляться книги-киты маститых писателей и путешественников, подарки звезд со всего мира, ри-

сунки детишек, куклочки к сказочкам. И вот экспозиция перестала вмещаться в заданные рамки. Опыт организации музейного уголка при стабильной системе понравился в Бельгии и Германии, Сербии и Словакии, Индии и России. Музейные уголки стихийно стали появляться при Школах, Русских Экологических и Молодежных центрах. Каждый из них имеет свою историю и свои особенности.

Но вернемся в Балашиху. В музее, кроме многого прочего, создано, например, сказочное море и сказочный лес, где коллекции камней и корней постоянно пополняются детишками. Школьники, как муравьи в некий муравейник, который считают своим домом, привозят из путешествий, то рыбок, то ракушки, то поделки, втискивают кроме подписанных и официальных экспонатов, «несанкционированных и незарегистрированных беженцев»...

Мы стоим порою с Тamarой Александровной Бутыревой, заведующей библиотекой и смотрим на появившейся артефакт: - Что это? Опять подкидывш?

Здесь, как в сказочном музее, все можно потрогать. Почитать. Спросить. Ответят...

Посещение музея, а соответственно и число читателей библиотеки, увеличилось в разы. Чего и требовалось нам взрослым. А далее произошла цепная реакция. Синтез стал популярен.

Случайно или нет – решать не нам, 18 мая 2016 года совпали две даты – Всемирный день музеев и 10-летие музея сказок С. Савицкой в г. Балашиха, 9.

Библиотека имеет экологическую направленность. Соответственно и сказки для музея подбирались экологические.

Годом Экологии объявлен следующий год 2017. Естественным образом, гости к юбилею приглашались непростые.

Нас почтил своим присутствием давний друг, Николай Николаевич Дроздов, ведущий передачи «В мире животных». Из Болгарии прилетел Биссер Киров, чтобы вручить подарки легендарного СОК Камчия, находящегося возле заповедника Лангоз и почетную медаль от болгарской стороны. Из самого волшебного места Крыма, где в горах рождаются родники Ай-Петри, привез подарки Николай Григорьевич Ляпко. А из театра «Ромэн», где ставятся самые экологические в понимании души постановки, к примеру, «Мой Пушкин», приехали супруги Жемчужные, закрепив традицию разведения нового сказочного табуна.

Евгений Комиссаров, давний друг всех наших проектов, привез экспериментальный образец напитка «Нанук» в хрустальной таре с кожаной этикеткой, да еще и в деревянном ящичке, выпущенный в Швейцарии(?). Чтоб понять, кто такой Нанук, и какое отношение он имеет к сему действию, читателю стоит дождаться книги «Легенды Нанука. Сказки об охраняемых видах Сибири и Дальнего Востока», презентация которой запланирована не где-нибудь, а прямо на Красной площади с 3 по 6 июня на знаменитой Книжной ярмарке.

Коллектив музея получил в этот день «Почетную грамоту» от комитета по физической культуре, спорту и делам молодежи Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, подарки от Фонда Вернадского. Кубок и грамоту от театра Русской Драмы, как участник фестиваля, кубки из Лос-Анджелеса от Дома Бериных, множество подарков от Никаса Сафронова, методические статьи по творчеству Савицкой от профессора философии МГУ В.В. Ильина, множество других подарков, стихов и других сказок от других поэтов и писателей со всего мира.

Сказочную книгу поздравлений того дня, можно сказать, без преувеличений, писал весь мир. Адреса прислали: Академия Бизнеса в Техасе (Том Флетчер Гроумз); Библиотека им. Вилла и Ариел Дюрант, Лос-Анджелес, США

(Джон Франк); Ассоциация писателей и Драматургов «Русский мост» Вашингтон, США; Поэты Торонто, Канада (Виктор Евдокимов); Всемирный союз писателей, Мюнхен, Германия (Лео Гимельзон); Проект «Лучшая книга года» Берлин Германия; Берлинский литературный институт им. Чехова Германия; Радио РЕКА Израиль (Член правления союза писателей Иерусалима Ефим Гаммер); МТОДА Израиль (Леонид Брайловский); «Школа мира» г. Крагуевац, Сербия (Петр Стефанович); порталы и издания г. Стара Загора Болгария (Максим Добрев); Славянский культурный центр Евразия-Болгария (Председатель Любомир Вълков); Институт народов истории Средней Азии, Ташкент; Международный Центр Рерихов (Марианна Озолина, Латвия); Армянское общество (Анна Барсегян); Ассоциация Российских дипломатов (Председатель Игорь Халевинский); Московская Духовная Академия, г. Сергиев Посад (профессор Алексей Ильич Осипов); МУФО (Президент Шанти Пушпакумара Джаясекара); ООО «Чаромафильм» (Игорь Черницкий); Театр кошек (Юрий Куклачев), Академия Доброты (Президент Григорий Потоцкий); Омская ГОНБ им. Пушкина (А.В. Ремизов); Межрегиональная ассоциация руководителей предприятий – Торгово-промышленная палата Сибири (Президент А.К. Масалов, Ген Директор Ю.И. Бернадский); Союз писателей России (Секретарь правления Н. Иванов); Общеписательская литературная газета (главный редактор В.Н. Федоров); МСПС; Общество любителей русской словесности «Глагол»; Ассоциация писателей Саратовской области (А.Б. Амусин); журнал «Смена» (главный редактор Михаил Кизилев); музей Подвальной археологии «Память Балтики» г. Выборг (Контр-адмирал К.А. Шопотов); журнал «Сербский юг» Черногория Бечир Вукович --- перечислять можно долго-долго...

Распечатки адресов переданы в администрацию г. Балашиха и в музей сказок.

Фотосъемку проводил Юрий Машков – один из самых лучших фотографов ИТАР – ТАСС. Видеосъемку – Александр Бухаров. Неожиданным подарком для присутствующих гостей явились награды от Содружества литературных сообществ. Виновникам торжества администрация города подготовила особые благодарности. Десяти участникам встречи были вручены памятные медали.

Не скрою момента, что приезжали они издалека – из Молдовы, Украины, Болгарии, других городов России. Естественно, мы не могли выпустить людей из библиотеки голодными. Тут-то и произошло самое, наверное, интересное, в этот день.

Застолье превратилось не в какое-нибудь там просто Евровидение, не просто в едение и питье, а в БалашихоВедение. Оказалось, что не все гости могут пить, а вот петь могут все. И при таком высоком уровне присутствующих, все могут быть членами жюри. Поэтому после прослушивания тостов в виде стихов, песен и научных открытий, было принято мудрое решение первые места присудить всем участникам. Хотя я бы, используя свой карт-бланш, все-таки первое место поделила между профессором ГИТИСа, Народным артистом России Георгием Николаевичем Жемчужным за чтение сказок на цыганском языке, всеми любимым нашим академиком всех экологических академий Николаем Николаевичем Дроздовым за управление импровизированным хором профессоров с песней «Легко на сердце от песни веселой» и Сергеем Кузнецовым, в прошлом участником событий в Афганистане и Чечне в синем берете, а ныне барда, исполнителя своих песен. Только кто ж меня будет слушать? Все уже попробовали изысканного шампанского из бутылки опять-таки с мой шестилетний рост, привезенной специально для этого события из Дербента писателем Михаилом Дадашевым.

В музее уже остались этикетки с бутылки розового вина, подаренной Пьером Ришаром, вина и водки с картинками на этикетках Никаса Сафронова, бутылки с белочкой, нарисованной художницей Татьяной Дорониной... ждем Нанука.

Политическую окраску мероприятию придала, ворвавшаяся в нашу жизнь совершенно случайно (честно-честно!), газета «Комсомольская правда». Журналист Александр Гамов позвонил Биссеру Кирову, который покинул нас еще во время официальной части, и задал несколько вопросов - <http://www.kp.ru/daily/26531.4/3547655/>

Так меня еще раз, (в который раз) перепутали с космонавтом, а я в свою очередь еле сдержала себя, чтобы не позвонить своему другу Сергею Рязанскому, и не повторить отчаянную попытку предложить в космос запустить писателя! Документальное описание космоса – это одно. Но ведь сказочное – это совершенно другое!

Свой, доморощенный синтезированный космос уносили мы из фантома сначала выдуманного, потом реализованного дня. Передаем всем друзьям тепло наших улыбок и рук. Если хотите услышать стук наших сердец – слушайте собственный пульс. Если хотите увидеть, в какую сторону направлены наши взоры – глядите на звезды! Не ошибетесь!

С любовью ко всем, кто до конца осилил сию писанину, Савицкая.

«Планета Ляпко»

Книга «Планета Ляпко». ПАРАД СОЛНЦ ВОКРУГ ПЛАНЕТЫ ЛЯПКО. В Центральном доме литератора прошла презентация книги Светланы Савицкой «Планета Ляпко». Весомый фолиант представляет собою множество тематических цветных фотографий на 250 страницах, и главное – увлекательный рассказ о феномене врача высшей категории, мануальном терапевте, кандидате медицинских наук Николае Григорьевиче Ляпко и его друзьях. Гости в зале постоянно менялись. Ведь тема встречи – взаимодействие героев книги. И каких! Вот глава о Народном артисте России Михаиле Ножкине. Вот, как успешно применяет аппликаторы Дикуль. Вот чемпион мира по поднятию тяжестей Дима Халаджи. Всех трудно перечислить. Это: знаменитая летчица Марина Попович, писатель Владимир Бояринов, учредитель Золотого Пера Руси Александр Бухаров, Это Лариса Лузина и Николай Караченцов, Костя Дзю и Юрий Куклачев, Это Николай Рябко, тренер по бесконтактному русскому бою. Это доктор Ведов и Никита Джигурда. Это сказочница Софья Прокофьева и оперный певец из Бремена Александр Гами. Из Донецка прибыл сам Ляпко. Без разницы, знаменит человек или нет, звезде экрана или гардеробщице, доктор дал консультацию, мало того, вручил множество подарков от своего завода. И встреча стала больше походить на благотворительную методическую демонстрацию разноигольчатых аппликаторов. Несколько человек одновременно находились под лечебными пирамидами, обмотанные лентами. На глазах удивленной публики врач показывал волшебство мануальной терапии. Далее прибыл знаменитый целитель Геннадий Пелюгин, о котором также есть в книге глава. Он продемонстрировал свою солнечную гимнастику, спасшую многих потерявших здоровье в Афгане и Чечне, и у Чернобыльской электростанции. Весь зал повторял эту гимнастику. Еще одним солнцем выступила известная Дива Лагуна, исполнив

фрагмент из Кальмана. Чемпион мира по банному искусству Василий Ляхов рассказывал о таинствах бани. И Чемпион мира по огранке камней Виктор Тузлуков поведал о последней встрече с Далай Ламой. В течение четырех часов гостям были представлены партнеры-издания: друзья как писателя Светланы Савицкой, так и проекта Золотое Перо Руси. В первую очередь долго и подробно говорили о Медийной группе «Интеллигент». Художнику Никасу Сафронову особенно понравились аналитические статьи журнала «Интеллигент Нью-Йорк».

Выступил Андрей Борисович Красильников, председатель правления Движения «За сбережение народа», Президент Компании АРГО. Выступила главный редактор одного из самых престижных журналов «Моя Москва» Вера Болдычева. Специально приехала из Татарстана зам. главного редактора «Аргамак Татарстан» Вера Хамидулина. Присутствовало НТВ, Молодежное телевидение. Снимали камеры Арго, Ляпко, ТДР, Алиханов. Выступили журналисты «Вестника Союза журналистов России», газет «Вестник Арго», «За сбережение народа», «Факт», «Реут», итальянской газеты «Феличе». Прибыли известные личности из Москвы

и области, из Тольятти, Набережных Челнов, Казани, Яранска, Рузы, Венеции, Балашихи, Реутова, Электроугли, Апрелевки, Донецка, Киева, Одессы... Каждому было что сказать. И главное, о чем спросить. Кто не постеснялся выяснить у профессионала Ляпко вопрос о проблемах со своим здоровьем и позволил себе помочь, получил в подарок от корпорации «АРГО» набор уникальной лечебной или оздоравливающей продукции, плюс на выбор волшебные ленты или другие виды разноигольчатых аппликаторов. Всем гостям была подарена с двумя автографами также книга Светланы Савицкой «Планета Ляпко». Дополнительным бонусом стала возможность получить читательский билет Некрасовки с множеством льготных скидок в заведения и общественные места Столицы, также в виде подарков для гостей в ЦДЛ работниками библиотеки были привезены 200 томов превосходных книг для каждого вновь зарегистрировавшегося. И пока книги не кончились, шла регистрация желающих приобщиться к чтению. Хотелось бы напомнить, что это уже четвертое информационное издание о народном целителе из Украины. Первой вышла брошюра авторства Марины Суворовой и разошлась миллионным тиражом. Вторая авторства Светланы Савицкой оказалась не тол ко аналитической, но и художественной - «Разноигольчатые аппликаторы» была выпущена издательством «Амрита Русь». Третью книгу выпустило в свет киевское издательство «Феникс». Того же втора. Называлась она «Феномен Ляпко». В нее вошло 40 глав. В дополненную и расширенную «Планету Ляпко» вошло уже 80 глав. Духовная консолидация светлых сил и светлых людей, каждый из которых является уникальной личностью в своей области, превратилась в настоящий праздник здоровья, таланта, торжества творческой мысли. **Ольга Яковлева** Пресс-секретарь проекта Золотое Перо Руси Фото и видеосъемка последних минут встречи Сергея Алиханова.

РУССКИЙ МОСТ

Некоммерческая ассоциация русскоязычных писателей.

*Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки!*

Анна Ахматова

Меня уже давно беспокоит катастрофическое и повсеместное падение речевой культуры и грамотности. Иногда даже не хочется выходить в интернет: тут и там — неправильное употребление и коверканье слов, жаргонные словечки, орфографические ошибки, о пунктуации и говорить не приходится... Да что интернет — англицизмы, речевые и стилистические ошибки теперь зачастую допускают даже теле- и радиоведущие.

И если раньше образцом грамотности и хорошего литературного вкуса могли служить книги, то к современной литературе тоже приходится подходить более чем избирательно. Сейчас подлинно профессиональных, опытных редакторов и корректоров в пору заносить в Красную книгу, а многочисленные авторы далеко не всегда соответствуют высокому званию «писатель», хоть таковыми себя и считают, и даже входят в конкурирующие между собой творческие союзы. Процветают раздробленность, тусовочность и (не побоюсь этого слова) бесвкусица.

Но ведь есть, и немало, талантливых литераторов! Есть люди, редкие индивидуумы, по счастью ещё не вымершие, берегущие и сохраняющие русский язык во всём его великолепии и

на бумаге, и во Всемирной паутине. Именно такое назначение человека слова имел в виду Валерий Брюсов, говоря:

*А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесём зажженные светлы
В катакомбы, в пустыни, в пещеры*

Тем приятней было узнать о возникновении проекта «Русский мост», цель которого — сохранение русского литературного в иноязычной среде.

С удовольствием включусь в работу группы и надеюсь, что смогу быть чем-нибудь полезной, как пригодилась литературному альманаху «Глаголь», который тоже активно и плодотворно работает в этом направлении.

Позволю себе процитировать его главного редактора Елену Кондратьеву-Сальгеро, потому что лучше, на мой взгляд, — не скажешь:

**«В политике —
вне партий.
В литературе —
вне кружков.
В искусстве —
вне направлений».**

Толстый журнал для того и толстый, чтобы вместить как можно больше ингредиентов на всякий случай и всякий вкус.

Вкусы у нас разные, запросы скромные, но аппетит неуёмный, и география издания столь широка, что скоро глобус нам будет жать: Россия, Франция, Латвия, Украина, Эстония, Киргизия, Армения, Израиль, Беларусь, Грузия, США, Германия, Норвегия... Накручивая виток за витком, мы упорно прочёсываем планету в поисках талантов.

Единственный критерий отбора текстов — русская словесность высокого качества, независимо от места прописки, литературных призваний и признаний авторов. Заслуженно известные — бок о бок с незаслуженно неизвестными.

Наверное, в этом и есть наше предназначение: взгляды разделяют людей и властвуют над умами. Объединяют язык и любовь.

И к литературе тоже».

Раз уж так складывается, что в стране родных осин даже не изысканный, а нормальный литературный язык становится не всегда понятным инородцем, пусть Русский мост поможет сохранить его хотя бы на дальних берегах! И авось хоть когда-нибудь он к нам оттуда вернётся в своём исконном богатстве.

Татьяна ГРОМОВА

Концерт ансамбля «АРИОН»

В одну из майских суббот в малом зале театра Tinnenpot в Генте (Бельгия) состоялся концерт камерного ансамбля «Арион», участники которого выступают в зависимости от исполняемого репертуара то в виде трио, то квартетом, в отличие от американского одноименного коллектива, являющегося только квартетом. В бельгийском «Арионе» играют Михаил Безверхний (скрипка), Росита Тростано (скрипка), Серджо Агрета Де Ро (альт) и Стефан Батай (виолончель).

Написать о программе концерта и музыкальном впечатлении общими и заурядными фразами затруднительно. Ансамбль существует не первый год, о каждом исполнителе можно сказать много слов в превосходной степени: об экспрессивности каждого музыканта, об их сыгранности, или особо – о выразительной точности второй скрипки, об эмоциональности альтиста, о красочном звуке виолончелиста. Но это тот случай, когда, как ни хорош коллектив, как ни интересно выстроена программа, главного убеждения не изменить: доминантой всего вечера и музыки становится один человек, на которого всё нанизано как на вертел, и это первый скрипач ансамбля, лауреат множества международных конкурсов, в том числе конкурса королевы Елизаветы 1976 года Михаил Безверхний.

Это впечатление складывается из сложного комплекса слагаемых.

Первое же произведение, сыгранное трио, – Моцарт, Фуги с интродукциями по Баху, KV404a – привлекает к себе внимание тем, как необычно звучит ведущий голос. То, как исполнитель играет на скрипке и как ведёт линию всего произведения и прочих участников за собой, трудно объяснить по той причине, что слушатель не чувствует самой игры: она не распадается на составляющие понятия школы, подачи звука, стиля, трактовки и т.п.; как не чувствует и собственно послушного подчинения инструмента – мастеру. Если отказаться от сдерживающих начал и полностью довериться слуху и видению, придёт почти с мистическим чувством обнаружить, что на сцене присутствует феноменальное явление: некое существо, своеобразный музыкальный кентавр из исполнителя и инструмента. Первый же звук заставляет слушателя начать присматриваться к самой скрипке, которая хоть и выглядит нестандартно, но не является старинным инструментом. Именно звук М.Безверхнего вообще побуждает начать поиски причин такого завораживающего впечатления.

Второе произведение несколько проясняет картину. Звучит Восьмой до-минорный квартет Шостаковича, знаменитый опус с использованием нотного автографа композитора D-S-C-H, его отпевание самого себя, реквием собственной жизни. Безверхний играет так, словно без слов рассказывает слушателям биографию души творца. Все этапы бурь и смятений великой индивидуальности, не вписывающейся в шаблоны времён и систем, проходят через пять частей сочинения. Здесь и развернутый автопортрет в Largo, и метания в Allegro molto, и отчаянный всплеск скрипичного выкрика (словно петушиное кукареку, призванное прогнать злые силы бесконечной ночи) и вызывающий «вальсок» Allegretto. Но центром исполнительского откровения и золотым сечением становится четвертая часть квартета, второе Largo. Темп был взят медленнее, чем это было привычно уху, скажем, в исполнении квартета им. Бородина, и это неожиданно оказало сокрушительное воздействие. Интонация первой скрипки была подобна голосу, диктующему свою последнюю волю. Клиническая смерть души – вот, как это было сыграно... Бездыханный, безжизненный звук скрипки Безверхнего был подобен нитевидному пульсу, на который накладывались знаменитые акцентированные трюкратные аккорды остальных инструментов; это было похоже на то, как будто пытались оживить переставшее биться сердце, пытаясь запустить его вновь резкими, механическими нажатиями. Это была история человека, задохнувшегося от несвободы и подвергнувшегося реанимированию с помощью аппарата искусственного дыхания («нет, ты у нас задышишь!») – и это рассказ о том, как сердце отвергло это оживление против воли – отвергло из последних сил и с последними судорогами. И, наконец, пятая часть квартета – Largo, была сыграна, как смутное описание некоего элизима, когда душа оказывается в тех просторах, куда не достигнет больше ничья чужая воля.

После перерыва было сыграно Andante cantabile из первого квартета Чайковского.

Это было странное перерождение. Безверхний – маг, путеше-

ствующий во времени. Он вёл квартет, написанный до Шостаковича, так, словно это было создано Чайковским после, с осмыслением опыта только что сыгранного Восьмого квартета и – явно в двадцать первом веке. Это было интимнейшее исполнение, лирическое высказывание бессмертной души, обобщившей всё пережитое и выразившей это в только в звуке, без слов, названий и примет эпохи, надмирное путешествие вне материи...

Завершило концерт сочинение Стефана Батайя, виолончелиста ансамбля и, как оказалось, тонкого камерного композитора и стилиста. Произведение называлось «Romni» (так и было обозначено в программе, русское слово «Помни» латинскими буквами), и представляло собой прочувствованные и тонкие вариации на народные русские темы, в которые был трогательно вплетен романс Гурилева «Однозвучно гремит колокольчик», столь ностальгически (персонально для меня) прозвучавший в концертном зале Бельгии.

Сказать, что концерт был удачным, значило бы проявить небрежность и неточность. Он был шокирующим, он ввёл в транс, он заворожил.

Я попросила мастера рассказать хоть немного о необычном инструменте, на котором он играл.

— Эту скрипку можно считать единственным и уникальным экземпляром из ныне существующих инструментов, – рассказал мне М. Безверхний. – Её сделал бельгийский мастер Люк Денейс по моим настойчивым просьбам и моему проекту. Инструмент, построенный по традиционным пропорциям, звучал бы не так поливалентно. По специальной концепции, которую я предложил воплотить Денейсу, нижняя часть скрипки увеличена по отношению к её верхней части. Эта скрипка – своего рода homage, духовное посвящение памяти Паганини, всю жизнь искавшему способа достижения наибольших контрастов между сопрановыми и басовыми голосами инструмента, и отцу и сыну Маджини, скрипичным мастерам, делавшим крупные скрипки. Инструмент окрашен так необычно, словно покрыт кровью, кровью любви, страсти, музыки. Это моя кровная, кровавая скрипка, Red Violin, и под этим именем она была представлена в октябре 2014 в Шанхае на международной выставке.

Невозможно завершить рассказ о этом концерте обыденными словами. Чем, казалось бы, можно ещё удивить избалованных слушателей нашего века. А этот вечер остался в памяти как нечто ошеломительное, как выход в космос, как новое прикосновение к ауре великой музыки посредством удивительного исполнения.

Майя ШВАРЦМАН

Звёзды оперы: Аушрине Стундите

Сопрано с басовым характером

Сопрано Аушрине Стундите, закончила Литовскую академию музыки и театра и философский факультет Вильнюсского университета. С 2000 по стипендии DAAD училась в Лейпцигской высшей школе музыки и театра. Выступала на сценах Германии, Америки, Италии, Бельгии, Португалии, Литвы, Бразилии, России, Беларуси и т.д. Исполняла вокальные циклы Вагнера, Штрауса, Берга. В последние сезоны исполнила главную роль в «Леди Макбет Мценского уезда» Д. Шостаковича, Хризотемиду в «Электре» Р. Штрауса, Венеру в «Тангейзере» Р. Вагнера в опере Фландрии.

— Расскажите, пожалуйста, с чего всё началось, как вы начали петь? Вы из музыкальной семьи?

— Мои родители совсем не музыканты, и я никогда не занялась бы музыкой, но однажды папа познакомился с руководителем детского хора Вильнюса «Лиепайтес» и попросил меня прослушать, ему стало просто интересно: что, если у его дочери есть голос? Коллектив был очень престижный, у них бывали зарубежные гастролы, и папе, вероятно, хотелось для меня какого-то расширения горизонтов. Дома меня уговаривали несколько часов согласиться на прослушивание. А я не могла рта открыть. Мне было тогда лет двенадцать, я никогда не пела и не думала о музыке. Конечно, меня водили на концерты и в оперу для общего культурного развития, мне это даже нравилось, потому что только в оперном театре Вильнюса в антракте можно было выпить в буфете горячего шоколада, но серьезно петь я никогда и не собиралась. Прослушивание состоялось, и меня взяли в хор в альты. Во время занятий я заметила, что даже самые маленькие сольные кусочки бывают только у сопрано, и задумалась: как бы мне перейти в их группу? Летом в деревне у бабушки я уходила на окраину, куда-нибудь в колхозные поля и рощи, и там орала и голосила самые высокие ноты, какие могла взять. Развивала в себе сопрано. И что же, после распевания-проверки осенью меня в хоре переместили в сопрановую группу. Это и было началом.

После того как мне исполнилось пятнадцать, на основе этого хора организовали что-то вроде школы, академии пения, и руководительницей стала одна из заслуженных звёзд, ушедших на покой, с сильно раскатым голосом, без навыков преподавания и знания собственной методики. Она ничего не могла объяснить, только показывала, а я, разумеется, подражала. Поэтому в пятнадцать лет и я пела таким вибрирующим, виляющим звуком.

После школы я собралась стать певицей. Директор хора решил на серьёзный разговор: пением стоит заниматься только в том случае, если ты не можешь без этого жить, если не мыслишь иного пути; как ты решаешься идти за просто красивой мечтой о сцене, если не имеешь даже понятия, что такое опера? Я тут же отправилась в оперу, уже не за горячим шоколадом, а навёрсты-

вать упущенное. В тот вечер была «Норма» Беллини, и пела Ирена Милькевичуте (кстати, мама певицы Асмик Григорян), и я, ничего тогда не анализируя, не просчитывая, не взвешивая и не примеряя на себя, была просто потрясена голосом. Это и решило мою судьбу. До сих пор, когда я слышу её голос, я испытываю такое же сердечное потрясение — это такой сильный эмоциональный посыл, на который невозможно не откликнуться.

— Где вы потом учились?

— Училась в Вильнюсе, как раз у И. Милькевичуте, а в 2000 году поступила в Музыкальную академию в Лейпциге, проучилась там три года и тогда же начала работать в Кёльне. Я уехала, потому что понимала — вильнюсский театр не для меня: элементарно не было мест, всё было плотно занято. Реперуар был не очень широкий, я была бы обречена до конца жизни петь там одно и то же. Мне хотелось большего, хотелось найти действительно своё место, а не просто занять случайно освободившееся поблизости, поэтому я и уехала.

В 2006 году в Бельведере в Вене был конкурс, призом стало участие в постановках Геликон-оперы, приз я выиграла, но воспользоваться им не пришлось.

В Кельне же, еще до конкурса, я пела единственный раз в оперетте. Этот жанр меня не отталкивал, но и не привлекал. От чего было не попробовать, тем более что это был спектакль-реабилитация запрещенного при нацистах Эдуарда Кюннеке, немецкого композитора первой половины двадцатого века. Я исполнила титульную роль Леди Гамильтон и хорошо усвоила, что оперетта — не для меня. С музыкой всё было в порядке. Мне не давались диалоги, бойкие реплики на непринужденном немецком, и негромкий от природы разговорный голос: как я ни кричала, как ни напрягалась — меня было не слышно. Да и моё произношение в то время оставляло желать лучшего.

— А сколько языков вы знаете сейчас?

— Литовский — само собой, это родной язык, затем русский; теперь — конечно, немецкий; итальянский, который я выучила в Италии: специально поехала в 2005 году

в языковую школу во Флоренции и там с утра до ночи учила язык за партой. Английский настиг меня в Бельведере, потому что на конкурсе я встретила своего будущего мужа, грека, и наша семейная жизнь и общение начались для меня с азов в английском. Теперь без английского никуда, обычно в постановках участвует смешанная команда приглашенных солистов, работа ведется на английском. Не буду врать, Шекспира читать мне трудно, много сложных грамматических форм, выпавших из нынешнего языка. Но современные книги на английском читаю.

— С чего для вас начинается партия, которую придётся петь: с языка, музыки, эпохи, предстоящего места работы (мало ли, климат страны не подходит), имени режиссёра или дирижёра — или вас ничего не смущает, поскольку контракт есть контракт?

— Первый и главный критерий: подходит ли партия к моему голосу или нет. Далее — интересный ли это персонаж, можно ли там что-то сыграть, познать, почувствовать. Очень важно и то, кто будет постановщиком. С Каликсто Биейто (испанский оперный режиссёр) я согласна на всё. Это лучший опыт союза и работы с режиссёром за всю мою карьеру. Не могу не назвать ещё два имени: один — это киприот Энтони Пилаваки, с ним я тоже спела много интересного, но лучше всего была Маршалыша в «Кавалере роз», да и «Парсифаль» его был чудесен. Другой — Патрик Кинмонт, дизайнер, позже поставивший «Мадам Баттерфляй» в Кельнской опере. «Баттерфляй» прошла с таким колоссальным успехом, что пришлось организовывать два дополнительных спектакля, а это крайне нетипично для уклада оперного театра.

Когда работаешь с самобытным режиссёром, самые запетые партии обретают новое значение, и исполнять их после этого в традиционной или приближенной к таковой манере невероятно тяжело. Акцент постановки Кинмонта был на том, что всё происходит в послевоенной Японии, в которую западный мир принёс не только бомбы, но и новую, ошеломительную, пусть и чуждую, культуру. Мир юной девочки Чио-Чио-Сан — это сладкий мир американского кинематографа. Она просто подросток, наблюдавший фильм с Мэрилин Монро, которой она и пытается подражать. Она даже не знает зачем и как, но старается изменить всю свою жизнь, рабски, малоосмысленно копируя голливудские сказки, даже покупает себе парик-блонд, чтобы приблизиться к этому миру, и, конечно, американский лейтенант — тоже часть сказочной мечты. Всё происходит в Японии, а чувственный мир Баттерфляй ориентируется на западные образцы, — при этом рассказано и написано-то всё это итальянской музыкой! Это был такой мощный сплав чувств и искусства, и несоответствие миров и разочарование в жизни были настолько ярко и выпукло прорисованы, что после этой постановки для меня стало мучением петь в традиционной манере, изображая оперную японку, мелко кланяясь, манерно жестикулируя, кукольно семеня и так далее.

— Но если приходится петь с режиссёром, чьё решение спектакля вам категорически не подходит, что делать, разрывать контракт?

— Нет. Я человек европейски дисциплинированный, кроме того, по природе — неконфликтный, с режиссёрами, дирижёрами или с кем бы то ни было попусту, лишь бы выпустить пар, спорить не стану. Я очень не люблю нарушать контракты, обещание есть обещание. Если только Метрополитен-опера пригласит, тогда, может быть, решусь прервать менее значимый контракт.

Что касается не близкой мне режиссуры, я стараюсь предвидеть, как всё может сложиться к премьере, и потихоньку вкладываю и добавляю от себя всё то, что сама могу привнести в эту роль; то, что, не испортив режиссёрской «хореографии», разовьёт и обогатит меня, как певицу. Опера — гибкий жанр, который всегда даст возможность посмотреть на сюжет шире, чем это было во времена её создания. Что можно сыграть в опере Верди, если следовать канонам, когда ты просто стоишь и ждёшь аплодисментов после тоники? Сложно работать и с режиссёрами, которые не обращают внимания на детали и говорят: «Делай здесь что-нибудь», они не осмысливают общего течения музыки, не воспринимают её подсказок. Что можно делать после такого указания? Теревить шарфик, вертеть мелкий предмет... а зачем?!

Мне очень трудно даются просто лирические героини, так называемые бесцветные хорошие девочки. Это совершенно не моё амплуа, быть «цветочной барышней», где лирика ни во что не развивается, а так и остается просто лирикой. Кроме того, мне по-человечески очень не близка психология жертвы, это категорически не моя жизненная позиция, и мне тяжело давались такие роли, как Агата в «Вольном стрелке» Вебера — это настолько не моё, что я даже пару раз отказывалась петь её в других постановках. Или Микаэла: я органически противилась терпению и покорности, заданных в её музыке. Разочарование постигло меня и в работе над Антонией у Оффенбаха из-за тех же проблем — невозможности, не фальшивя душой, приспособить свою индивидуальность к музыкально-психологическому трафарету. Такие моменты я вспоминаю с досадой.

Я очень люблю репертуар XX века, хотя учить его невероятно сложнее, подчас просто «кости ломая», но сюжеты и музыкальная ткань настолько драматичнее, настолько теснее связаны с жизнью, с современными нам людьми и характерами! Музыка XX века

— масштабнее в чувствовании, в нюансах человеческой самооценки, пусть и чувства эти более сумасшедшие: «Воцек», например, — насколько мне это ближе, чем долгое музицирование, построенное на оперных сомнениях, нашел кто-то там чей-то платок или не нашел. Хотя, пока выучишь, сам с ума сойдёшь, это правда.

— Чего вы боитесь больше всего: на сцене, в пении, в жизни?

— Потерять голос. Это не инструмент, утратив — другой не купишь. Я всегда трезво отдавала себе отчет о масштабах своего голоса и его возможностях, и с физической, и с психологической стороны. Поэтому я поехала учиться после Литвы ещё и в Германию, чтобы дать ему развиваться. Я осознаю, как была зажата в начале учения, как мне не хватало техники и школы, и я выезжала в начале своей карьеры на инстинктах и музыкальности. Разумеется, это всё человеческие комплексы, но я до сих пор не позиционирую себя как окончательно состоявшуюся певицу. Мне ещё есть чем заняться. Зато сейчас я яснее представляю, что и как я делаю.

Ещё — даже сказать страшно: боюсь пауков! Это не имеет отношения к опере, но вот боюсь.

— А если вдруг кто напишет оперу, какого-нибудь «Гарри Поттера», и будет там механизированный паук, откажетесь от постановки?

— Нет, бутафорского я не испугаюсь. А вот ещё в опере, как и в жизни, я не люблю высоты. Фобией это назвать нельзя, но, когда мне нужно было в «Тоске» в постановке театра Сан-Пауло в Бразилии падать с высоты за сцену, это был настоящий кошмар. Декорация замка Сант-Анджело была выстроена во всю мощь сцены, метров до пяти высотой. И надо было рухнуть в темноту, на матрасик, казавшийся таким маленьким... Я затормозила первую репетицию на полчаса, не решаясь прыгать. Меня все поняли и терпеливо выжидали, но это был ужас.

— Каждое утро много лет подряд великий музыкант Пабло Казальс начинал одинаково: он играл одно из произведений Баха, это было гимном утру и благодушием жизни, «благословением дому», по его признанию. Есть ли у вас какой-то обычай, заветные слова, нежно хранимая традиция?

— Иногда, когда я в большом стрессе, я крещусь перед выходом на сцену. Не то чтобы я была такой религиозной, но это призыв и попытка коммуникации с небом, знак, что я хочу разделить и поверить кому-то своё волнение, что я призываю Бога и прошу помощи — всё это воплощено в символическом жесте, который мне помогает. Это пришло ко мне перед выходом в «Кате Кабановой», не самая сложная партия, но концентрацию и напряжение нельзя было терять ни на секунду, там невозможно полететь на эмоциях, как у Пуччини. «Катя Кабанова» прошла, а привычка осталась.

— Как относится к вашей занятости и разездам ваша семья?

— Я человек самодостаточный, умею быть одна, это меня ничуть не тяготит. С первым мужем мы почти всё время были вместе, сейчас у меня другая семья и всё складывается иначе, мой партнёр не музыкант и для него это в новинку, мои отъезды и

отсутствие, но это несколько не портит нашу жизнь. Другой у меня немного, мы можем не видаться по полгода, но всё равно остаёмся очень близки. Я долго прожила в Кельне и считала, что обрела вторую родину, потом два года жила в городе своей мечты — в Мадриде, но и этот период закончился. Сейчас я понимаю, что мой дом — это люди, а не место.

— Куда вам предстоит ехать в ближайшее время и что вы будете петь?

— Сейчас, после окончания «Тангейзера» в Бельгии, еду в Лион, где спою Катерину Измайлову, причём это станет первым опытом совместной работы с Дмитрием Черняковым. В другом театре готовится постановка «Огненного Ангела» Прокофьева, где я буду петь Ренату. Невероятно интересно, уже сейчас начинаю задумываться, как к этому подступиться. Из самого необычного — в Кельне предстоит спеть в опере ныне здравствующего немецкого композитора Вольфганга Рима. Опера называется «Завоевание Мексики» и написана для двух голосов, как «Синяя борода» Бартока. Действующие лица — вождь индейцев Монтесума и завоеватель Кортес. Так вот по версии композитора Монтесума — это женщина. Ставит спектакль Петер Конвичный, с ним мне тоже придётся работать впервые, и я очень этого жду.

— Ну хоть Кортес остался мужчиной, уже хорошо. Кстати, следуя оперным стереотипам, когда тембр персонажа определяет его судьбу, кто вы по жизни: драматическое сопрано, которое хоть как-то отстаивает свои интересы, лирическое, тихо умирающее с красивой кантиленой, — или кто-то ещё?

— Скорее всего, я даже бас-профундо. Я человек уравновешенный, не дающий волю моментальным эмоциям, ответственный, со здравым смыслом, всегда контролирую себя и ситуацию, свою работу, свои отношения с людьми. То, что я делаю на сцене — страсти, бури, вспышки — всё это очень органично и соответствует моей музыкальной природе, но в жизни я никогда такого себе не позволяю.

Майя ШВАРЦМАН

РАРИТЕТЫ В КОНЦЕРТАХ

ЛЕЖНЕВА И ГРЕКИ

АЛЕКСАНДР МАТУСЕВИЧ

Окончил РГСУ и МГИМО. С академической музыкой связан с раннего детства, ученик известного российского хорового дирижера А. С. Пономарева. Главный редактор интернет-редакции радио «Орфей». Опубликовал сотни материалов (рецензии, интервью, переводы) по проблемам оперного театра и вокального искусства в сетевых изданиях, газетах, журналах, театральных буклетах. В сезоне 2015-16 гг. член экспертного совета по музыкальному театру Всероссийского театрального фестиваля «Золотая маска».

Мода на оперы великого английского немца Георга Фридриха Генделя во всем мире насчитывает уже не одно десятилетие. До России ее настоящая, большая волна еще не докатилась – оперные театры нашей страны не спешат включать произведения композитора в свой репертуар (намерения Большого театра в этом плане рассеялись в связи со сменой там руководства в прошлом году). Но определенные попытки в этом направлении предпринимаются, и лидерство здесь, безусловно, принадлежит Московской филармонии. Бесспорными удачами недавних сезонов стали здесь исполнение таких грандиозных генделевских опусов как «Роланд» (2009), «Ариодант» (2011) и «Геркулес» (2013), прозвучавшие в рамках исключительно популярного в Москве филармонического абонемента «Оперные шедевры».

Чем объясняется сегодняшняя популярность Генделя в Европе и Америке, и большой интерес, который вызывает его творчество у просвещенных меломанов нашей страны? Чем вообще вызван ренессанс барокко – музыки, отдаленной от нас огромным временным промежутком, далекой от нашего мироощущения и по своим эстетическим установкам? Анализ причин этого феномена потребовал бы отдельного междисциплинарного исследования на стыке искусствоведения и социологии. Мы же позволим высказать себе лишь одну гипотезу, не претендующую на универсальность в объяснении феномена, но могущую рассматриваться как один из вариантов или, как минимум, как одна из причин. Анафема мелодии, которую объявили композиторы 20 века и которой придерживаются и наши композиторы-современники уже века 21-го, фактически остановила развитие оперного жанра, где вокальное искусство, искусство красивого пения является смысловой сердцевинкой. Как говорил еще Джакомо Пуччини в конце своей жизни, «опера закончилась как жанр, поскольку люди потеряли вкус к мелодии и готовы терпеть музыкальные композиции, не содержащие ничего ме-

лодического». Новые оперы создаются, но не поются и не ставятся – удержать интерес и исполнителей, и публики они в целом (за редкими исключениями) сколь-нибудь долго не способны. И развитие оперного театра пошло вспять – не по пути создания новых произведений, а по пути исторических реконструкций и возрождения забытого репертуара прошлых столетий. Это, безусловно, ответ антимилодизму нашего времени: приращение территории оперы сегодня происходит не через создание нового, а через «открытие» старого. Тоска по мелодии, по красивому пению вдохнула жизнь в, казалось бы, уже однажды приговоренные к забвению оперы бельканто и барокко.

Итак, в Московской филармонии – очередная российская премьера (на этот раз в рамках другого абонемента – «Виртуозы барокко»): опера «Александр» – вещь крайне раритетная, премьера которой состоялась, страшно сказать, аж в 1726 году в Лондоне под управлением самого автора, находившегося тогда в зените славы и в полном расцвете сил. Успех его в английской столице был велик, авторитет высок, гонорары заоблачны – всё это позволило Генделю написать оперу сразу для трёх мега-звезд оперной поры той эпохи: примадонн Франчески Куццони и Фаустины Бордони и кастрата Франческо Сенезино. Действие «вокаломанской» (а только такой и могла быть опера, рассчитанная на безграничные технические возможности первачей бельканто) оперы разворачивается в условно историческую эпоху: хотя среди её главных героев и значатся великий полководец Александр Македонский и его будущая супруга бактрийская царевна Роксана, отношения к реальным событиям великого похода Александра на Восток она не имеет никакого. Популярная пьеса О. Мауро «Александр Великий», на основе которой П. А. Ролли сделал либретто для Генделя, не просто грешит антиисторизмом – она вообще с трудом может быть отнесена к жанру исторической литературы. Да такой цели и не ставилось: главное в пред-

ложенном сюжете – романтика, любовные чувства, лишь в силу эстетических пристрастий той далёкой эпохи отданные для воплощения не обитателям парижских мансард (как, например, в «Богеме» Пуччини) или калабрийских деревень (как в «Паяцах» Леонкавалло), а императорам и царедворцам.

Достаточно запутанный и едва ли способный воспламенить подлинный интерес и подлинные чувства сюжет находит воплощение в фантастической по красоте музыке. «Александр» – не самое популярное, не самое известное произведение Генделя, с которым бы ассоциировалось имя композитора в первую очередь. И тем интересней обнаружить в этом малознакомом опусе столько музыки, рожденной настоящим вдохновением, а не просто высокочеловеческим мастерством ремесленника. Феноменальный мелодический дар композитора в этой опере явлен в своем полном, ослепительном блеске. С определенного момента вы просто перестаете обращать внимание на все то нелепое нагромождение ненатуральных страстей, коими избилует сюжет, и остаетесь наедине с чистой музыкой – прекрасной и вдохновенной.

Исполнение, предложенное Московской филармонией, в котором на этот раз зарубежные певцы были в паритете с отечественными, специализирующимися на музыке барокко, заслуживает преимущественно похвал. И даже те вокалисты, чье пение вызывает некоторые вопросы, в целом были весьма высокого качества. Удивительно, но ещё несколько лет назад мы были убеждены, что в России некому петь Генделя, что барочная музыка в целом – неизвестный и неподъёмный пласт музыки, до которого нам ещё расти и расти. Однако же с памятной премьеры «Роланда» прошло всего пять лет, а состав «Александра» уже более чем на половину укомплектован русскими певцами. Возможно, проблема была несколько надуманной и «не так уж страшен чёрт, как его малюют»? Ведь если вспомнить, то хоть изредка, но появлялись всё же барочные оперы в репертуаре наших театров (того же генделевского «Юлия Цезаря» ещё в советские годы ставили в Большом, а уже в постсоветские – в Театре Покровского), а оратории великого Генделя и вовсе звучали у нас всегда – пусть не часто, но звучали...

«Александр» – опера, в которой целых три партии предназначены для кастратов – не только титульная, но и две роли второго плана. По словившейся сегодня практике их однозначно и бесспорно отдают контратенорам, что на самом деле вызывает большие вопросы.

Искусство контратенора вообще – это большой вопрос современного исполнительства. Что, по сути, представляет собой контратенор? Это абсолютно ненатуральное звучание, эксплуатирующее не основную, природный мужской голос, а фальцетную надстройку над ним, лишенную подлинной красоты, разнообразия обертонов и необходимой для оперного исполнения силы и звучности. Фальцет – это почти всегда недостаточно оперный звук, размытая интонация, неясная

фокусировка, неяркая звучность, тембральная бедность, имеющая пародийный оттенок эдакого своеобразного «мяуканья». Контратенора, за исключением вокалистов с эндокринными аномалиями (что встречается крайне редко), которые действительно обладают природными сопрано и альтами, это, как правило, баритоны, в силу тех или иных обстоятельств, решившие развивать не свой натуральный диапазон, а фальцет – ставить его на дыхание, расширять диапазон (у фальцета он всегда очень ограничен в силу физиологических лимитов) и пр. Такой голос хорошо звучит только в студии, «ложится на цифру», в зале – это почти всегда очень сомнительное эстетическое впечатление, такой голос неизменно проигрывает натуральным как женским, так и мужским голосам по яркости, силе и интонационной точности.

Почему сегодня так востребовано оказалось это искусственное звучание, идущее вразрез с физиологической нормой мужского организма? Конечно, в нем есть определенная изюминка – необычность, явное и существенное отличие от звучания стандартных оперных голосов. Но есть и еще один аспект, условно назовем его социальным: непохожесть на норму, инаковость саунда привлекает к нему представителей всевозможных маргинальных групп, тех, кто по каким-то (самым разным) параметрам не вписывается в мейн-стрим (но среди которых, как правило, весьма много всякого рода интеллектуалов и эстетствующих гуруманов). И также как в обычной жизни агрессивное меньшинство активно (и, в общем-то, небезуспешно) пытается убедить большинство, что право-то как раз оно и норма – это тоже они, так и в академической музыке с определенного времени фальцетное пение пытаются выдать за полноценный оперный вокал. Ведь контраст, неполноценность контратенора, его фальцетного звучания очевидны: даже на фоне аккуратных, как правило, небольших барочных, но все-таки стандартных оперных голосов контратенор проигрывает им, звучит неярко, неточно, во многом карикатурно.

Кроме того, внедрение контратеноров в оперы барокко с точки зрения исторической реконструкции и эстетического аутентизма не выдерживает никакой критики. Гендель и прочие композиторы никогда не писали для контратеноров: они писали для кастратов. А это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Голос кастрата – это плод искусственного вмешательства в организм человека, однако, тем не менее, это полноценный певческий голос, а отнюдь не фальцет. Достаточно взглянуть на репертуар контратенора, чтобы увидеть, что его востребованность – это дань моде 20 века, главным образом его второй половины: ни у одного композитора-классика (кроме Пёрселла, в некоторых произведениях которого есть партии для контратенора – но в данном случае это скорее исключение, лишь подтверждающее общее правило: ранняя английская классика опирается на традиции балладного камерного музицирования, где есть место фальцетному пению) нет в операх партий, специально написанных для этого голоса. Заменить полноценно кастрата контратенор не способен: ни сила звука не та (вспомним, что символ кастратного вокала

на все времена Фаринелли по силе и продолжительности звучания соревновался в свое время с медными трубами!), ни диапазон (у контратенора он весьма ограничен).

В московском «Алексаддре» главным контратенором оказался Макс Эммануэль Ценчич, австрийский певец хорватского происхождения, удостаивавшийся за время своей более чем двадцатилетней карьеры самых восхищенных эпитетов критики. Пожалуй, соглашусь с коллегами, неоднократно восхвалявших Ценчича: он действительно – лучший из всех, слышанных «живьем» контратеноров: его интонация точнее, звук острее, колоратуры более техничны, но и он не лишён «родимых пятен» избранного исполнительского амплуа. Два других контратенора – испанец Хавьер Сабата (уже певший в Москве в «Ариоданте») в партии индийского царя Таксила – соперника Александра и наш Василий Хорошев (в сравнительно небольшой роли военачальника Клеона) – были гораздо слабее и их пение в целом производило пародийный эффект некоего комикования.

Дуэль по типу «Куцони – Бордони» в Москве не получилась: Дилара Идрисова (Лизаура) здорово уступала в яркости звука Юлии Лежневой (Роксана). У башкирской певицы весьма техничный голос, хорошее владение колоратурой, нет проблем с ровностью голоса и охватом большого диапазона, но само звучание достаточно экономное, если не сказать – бледное: на роль соперницы-примадонны она совсем не тянула. Другое дело Лежнева: с первой ноты её голос приковывает внимание ясностью и красотой тембра, технические характеристики вокализации поистине блестящи, а само пение выразительно и проникновенно. Без преувеличения, именно эта молодая певица оказалась настоящей героиней, настоящим вокальным центром всего концертного исполнения – оперу следовало бы переименовать в «Роксану».

Два натуральных мужских голоса оставили разное впечатление. Испанский тенор Хуан Санчо (сподвижник Александра Леоната) разочаровал неточной интонацией и недоделанным верхним регистром, кроме того было ощущение, что партия как таковая ему низковата. Россиянин Павел Кудинов, в прошлом солист «Геликона», а ныне успешно поющий на Западе (главным образом на немецких сценах), в партии ещё одного македонского военачальника Клиты был более убедителен – его бас справляется с колоратурными сложностями, хотя ритмически не идеален, а по ходу действия он несколько раз успешно имитировал контратеноровое фальцетное пение, лишней раз давая понять (невольно, конечно) всю искусственность и несостоятельность современных претендентов на славу кастратов.

Наряду с Юлией Лежневой полное удовлетворение принесло музицирование греческого барочного оркестра «Армония Атенеа» под управлением Георгия Петру. Коллектив с большими традициями (существует с 1991 года) безупречен в том музыкальном материале, что представил в Москве – техническое совершенство музыкантов Эллады вызывает искренний восторг, но не только оно: эмоциональный строй их ис-

полнения по-настоящему захватывает своей энергетикой, стремительностью, осмысленной выразительностью. Приятным сюрпризом оказался тот факт, что высококлассный барочный коллектив существует не только в ведущих странах Западной Европы, но традиции ювелирного музицирования сегодня цветут и в малых европейских странах, ранее в лидерах музыкального исполнительства не значившихся. Работа греческих музыкантов и данного состава вокалистов (он почти не претерпел изменений) – долгоиграющий проект: «Алексадра» записали ещё в 2011 году на лейбле «Декка» и с тех пор не раз вживую исполняли в различных европейских залах. Безусловно, Москве повезло, что теперь эта филигранная, стилистически интересная работа прозвучала и здесь.

КОРОЛЕВСКИЕ СТРАСТИ БЕЛЬКАНТО

Первое обращение Московской филармонии к одному из безусловных шедевров бельканто состоялось: в Зале Чайковского в рамках наипопулярнейшего филармонического абонемента «Оперные шедевры» прозвучала «Анна Болейн» Гаетано Доницетти, опера, относящаяся к так называемому «тиодоровскому циклу». Хотя сам композитор идеей создания каких-либо сюжетно связанных между собой опер не вдохновлялся и оперных сериалов не писал, фанаты бельканто сегодня объединяют «Анну Болейн», «Марию Стюарт» и «Роберто Деверо» в некую сагу о кровавых временах английской истории. С исторической точки зрения условность этого объединения налицо: в первой опере сюжет связан с Генрихом VIII, знаменитым королем – «синей бородой», отправившим на эшафот не одну из своих семи жен, в то время как в двух других операх в центре внимания – события вокруг его дочери королевы Елизаветы I, причём в «Марии Стюарт» она сильно уступает пальму первенства титульной героине, и только в третьей опере

«цикла» становится подлинно центральным персонажем. Но с музыкальной точки зрения объединение опер в пресловутый цикл не кажется столь уж надуманным: эстетически и стилистически они очень близки, все написаны на рубеже 1820-30-х годов, когда мастерство композитора достигло наивысшего расцвета – именно тогда появились и такие великие оперы бергамасского гения как «Любовный напиток», «Лючия ди Ламмермур» и «Фаворитка». В рамках данного абонемена Московская филармония уже обращалась к «Марии Стюарт», теперь очередь дошла до другой обезглавленной королевы, есть надежда, что в недалёком будущем и ещё гораздо более раритетный «Роберто Деверо», известный у нас только в аудио- и видеозаписях, благодаря культуртрегерству филармонии доберётся-таки до России. Напомним, что в Москве «Анна Болейн» явление крайне редкое (в отличие от «Марии Стюарт», долгие годы бывшей благодаря Евгению Колобову в репертуаре «Новой оперы»), – после многих лет забвения в 2007-м она была исполнена в концертном варианте в БЗК силами петербургских артистов (в титульной партии Ольга Шуршина, за дирижёрским пультом – Фабио Мастранджело).

Трагедия королевы Анны, второй жены Генриха, неоднократно привлекала художников самых разных видов искусств. Будучи фрейлиной Екатерины Арагонской, первой жены короля, она так очаровала Генриха, что ради нее он пошел не только на развод и ссору с могущественной Испанией, родной своей первой супруги, но и на разрыв с папой и учреждение независимой Англиканской церкви (поскольку Ватикан развод королю давать никак не хотел – с Эскориалом римская курия выступала тогда в прочном тандеме). Однако великое чувство оказалось недолговечным и Анна через несколько лет попадает в аналогичную ситуацию, когда ее предпочли ее же фрейлине Джейн Сеймур. И если для Екатерины развод означал «всего лишь» потерю королевского титула и заточение, то Анна окончила дни на плахе. Опера Доницетти с необыкновенной силой и выразительностью живописует драматизм ситуации, создавая одновременно величественный и трагический образ отвергнутой королевы. На мировой премьере в Милане в 1830 году в партии Анны блистала великая Джудитта Паста, известная прежде всего как выдающаяся трагедийная актриса, для которой другой гений итальянской оперы Винченцо Беллини написал целых три оперы (сверхпопулярные «Норму», «Сомнамбулу» и малоизвестную «Беатриче ди Тенда»).

В 20-м веке за сложнейшую в вокальном и драматическом плане партию-роль брались такие великие примадонны как Мария Каллас, Лейла Генчер и Монсеррат Кабалье. В последние годы интерес к ней вновь резко обострился: в 2011 году к ней впервые в своей истории обратились сразу два ведущих мировых театра – Венская государственная опера и нью-йоркская «Метрополитен-опера» (последняя даже открывала ею сезон 2011-12 годов), причём в обоих случаях титульную партию доверили исполнять русской примадонне Анне Нетребко, чья яркая актёрская харизма весьма уместна в такой

знаковой роли, а вокальное мастерство достаточно для штурма архисложных вершин бельканто. Иными словами, опера обязывающая, и не только из-за титульной героини – есть в ней немалые трудности и другого плана (партия соперницы Джейн Сеймур не менее затратна и виртуозна, для полноценного ансамбля необходимы первоклассные певцы и на партии короля Генриха, лорда Перси и пажа Сметона).

Подобрать убедительный вокальный состав для «Болейн» – дело не простое, но в целом Московская филармония с ним справилась, хотя и не все фигуранты были того качества, какого бы хотелось и какого достойна эта незаурядная музыка. Однозначным позитивом оказалось приглашение на титульную партию албанской певицы Эрмонелы Яхо, что обеспечило уже половину успеха представления. Яхо уже не первый год пребывает в статусе международной примадонны, покорила все ведущие европейские и американские сцены и попробовав себя в самом разнообразном репертуаре (помимо бельканто это – барокко, Моцарт, французская лирическая опера, Верди, веристы, русская музыка). В Москве она уже пела сольный концерт в филармонии в рамках абонемена «Звёзды мировой оперы» в январе 2011 года, сосредоточившись на поле бельканто, выдав головокружительную по сложности и объёму программу. Похоже, певица чувствует себя вполне уверенно на этой территории – партия Анны предстала мастерством сделанной, спетой искусно и не без вдохновения, даже несмотря на то, что перед началом концерта было объявлено о нездоровье исполнительницы. Голос Яхо не назовёшь «ангельским», ласкающим слух, её тембр достаточно ординарен, звук местами жестковат и прямолинеен, но чего не отнять у албанки – так это артистической харизмы и вокального мастерства. Её пение – яркое, манкое, призывное, будоражащее ум и душу: таким звучанием редко можно наслаждаться, но равнодушным оно тебя не оставляет – уверенный посыл доходит до зала, а выразительный образ, который лепит певица, вызывает интерес и сочувствие. Лирическое по сути звучание не лишено драматической убедительности – голос Яхо достаточно мощен и даже пронзителен, что просто необходимо в напряжённых сценах, рисующих гнев, отчаяние, борьбу. Многочисленные рулады, какими в операх бельканто напигованы партии и через которые композиторы собственно и выражали сложные эмоциональные состояния своих героинь, выпеваются Яхо очень качественно и точно, хотя и не сказать, что с беспечной лёгкостью. Впрочем, в драматически напряжённой партии Анны колоратурные пассажи, спетые с преодолением, что называется с «сопротивлением материала», придают образу дополнительную краску трагичности. Все сложные сцены и ансамбли Яхо безусловно удались, но, как и полагается, настоящим её триумфом стала сцена безумия в финале, с запрятанной в ее середине трогательной арией «Al dolce guidami», спетой особо выпененно и меланхолично. Анонсированное недомогание проявилось лишь в паре не совсем «дотянутых» экстремальных верхушек: похоже, трудные условия, напротив, застави-

ли певицу максимально собраться и выдать качества даже больше, чем на сто процентов.

А вот полноценной вокальной дуэли с соперницей Джейн Сеймур не получилось: американка Кейт Олдрич здорово уступала Яхо и по мастерству, и по эмоциональному наполнению своей вокализации. Её едва ли можно простовато по тембру и не обладает мощной притягательностью, хотя технически, безусловно, певица соответствует статусу международной звезды. Но контраст с волнующим, экспрессивным вокалом Яхо был слишком очевиден: Олдрич на ее фоне выглядела очень пресно. Еще в большей степени эта блеклость была очевидна по причине присутствия на сцене третьей дамы, весьма выразительной – в брючной партии Сметона выступила молодая русская певица Дарья Телятникова, не просто порадовавшая, но буквально поразившая красотой и чистотой тембра, искусной нюансировкой, трепетным и ярким вокалом, полным погружением в роль, одухотворенным проживанием образа.

Кавалеры, играющие в большей степени роль «рамы» в этой «дамской» опере, в целом составили хороший ансамбль примадоннам. Бескомпромиссную твёрдость, если не тупую жестокость можно было услышать в пении итальянца Симоне Альбергини (Генрих) – тёмный по окрасу голос певца не столько мощен, сколько выразителен благодаря осмысленной нюансировке. Мексиканский тенор Диего Сильва (Перси) обладает незаурядным по качеству голосовым материалом, благодаря чему его пение всё-таки в целом убеждает – красивый, яркий саунд всегда привлекает меломанское ухо – но вот его технические возможности не поразили совсем, особенно неубедителен недоделанный, какой-то сырой верхний регистр. Хорошо показали себя оба молодых российских вокалиста на второстепенных ролях: и тенор Игорь Морозов (Харви) – один из лауреатов последнего конкурса Елены Образцовой, и баритон из Молодёжной программы Большого Константин Шушаков (Рошфор) составили хороший ансамбль с более значимыми персонажами, последнему, единственно, хотелось бы пожелать поменьше копировать манеры (как певческие, так и артистические) прославленного Дмитрия Хворостовского – певец настолько в этом «преуспел», что еще чуть-чуть и это будет носить уже оттенок пародийности.

Очень достойно выступили «Мастера хорового пения» Льва Контаровича – стилистика бельканто оказалась им по плечу и при всей мощи звучания никакой «русопиясти» в пении не ощущалось. Хорошо показался и оркестр Московской филармонии, ведомый на этот раз итальянцем Марко Замбелли: заметных технических помарок не было, а вот баланс с солистами, аккуратное ансамблирование, роль крепкой «подложки», надёжной базы – всё это оркестр реализовал в полной мере, что, в общем-то, и требуется в вокалоцентричных операх этого стиля. Маэстро Замбелли, похоже, превосходно владеет этой стилистикой, что позволило ему возвести гармоничное сооружение, снискавшее у публики заслуженный успех.

Александр МАТУСЕВИЧ

С ИМЕНЕМ ЯНАЧЕКА

Чешская земля исключительно насыщена музыкальными событиями и музыкальными впечатлениями: за семнадцать лет наблюдения за этим удивительным краем, могу сказать совершенно определенно – насколько богата чешская музыка, эта глыба в европейской музыкальной культуре, настолько же щедра и Чехия фестивалями, премьерами, концертами академической музыки. Причем этот «клондайк» во многом еще не открыт и не оценен по-настоящему что европейскими, что российскими меломанами – так же как удивительные богатства чешской музыки известны в мире лишь очень поверхностно, лишь самыми популярными сочинениями, так же и музыкальные события на чешской земле пока еще – достояние только либо самих чехов и отчасти их самых ближайших соседей (немцев, поляков, австрийцев и словаков), либо музыкальных гурманов, которые, уже пресытившись богатствами распиаренных музыкальных столиц, ищут настоящего эксклюзива.

Его действительно можно найти в Чехии. Маленькая, десятиллионная страна в центре Европы, способна удивить богатством и разнообразием музыкальной жизни – и тут она едва ли уступит Германии, Австрии, Швейцарии или Италии. Взять хотя бы оперную жизнь, являющуюся лишь одной гранью, но очень представительной, чешской музыкальной культуры. Не только «Злата Прага», в силу своего столичного статуса обладающая четырьмя оперными сценами, развивает оперное дело в стране – оперные театры есть повсеместно: в Карловых Варах, Пльзене, Остраве, Либереце, Ческе-Будеёвице, Опаве и других относительно крупных и совсем небольших городках славянской республики.

Особый разговор – столица Моравии Брно, которая в своих амбициях никогда не хотела уступать Праге: у местного Национального театра три сцены – огромный, выстроенный при социализме в стиле Кремлёвского дворца съездов (но с хорошей акустикой) Театр имени Яначека, неоренессансный Театр Магена (первый в Европе электрифицированный театр – творение знаменитого австрийского тандема Фельнера и Гельмера, подаривших континенту много превосходных театральных зданий, в том

числе, например, дивной красоты театр в Одессе), а также для камерных целей Театр Редута – самое старое театральное здание в Центральной Европе (начала 17 века).

Но количество театров – это только один показатель. Не менее впечатляет и количество спектаклей – практически каждый вечер сцены чешских театров не пустуют, а поскольку театры являются репертуарными, то проведя в Праге или в Брно, например, неделю, можно увидеть внушительное количество самых разных спектаклей, причем порой еще перед вами будет стоять мучительная дилемма – чему же отдать предпочтение? Прибавьте к этому концерты в филармониях и многочисленных костелах, и картина «меломанского помешательства» будет вполне завершенной.

Музыкальный уровень среднего спектакля или концерта в Чехии достаточно высок. Здесь не так часто услышишь самых разрекламированных звезд (хотя и они посещают, прежде всего, Прагу достаточно охотно), но чешская музыкальная жизнь интересна сама по себе, поскольку качество музицирования, базирующееся на крепкой школе и богатых традициях, впечатляет, но еще более соблазнителен репертуар. В Чехии играют и исполняют все, в том числе и самое популярное, с огромным пиететом здесь относятся, например, к Моцарту, которого считают практически своим, или Гайдну, которого вопреки всем новейшим исследованиям, чехи втихую все равно считают этническим славянином. Но особой любовью и вниманием пользуется национальная музыка – чехи хорошо осознают ту роскошь, какой владеют, ведь такие гении как Сметана, Дворжак, Яначек или Мартину оставили своему народу великое и неисчерпаемое творческое наследие. И русским здесь есть чему поучиться: в Чехии играют не только самое популярное из национального репертуара (как частенько бывает у нас), но не устают пропагандировать творчество своих композиторов в полном объеме. Здесь всегда можно увидеть в театрах не только всемирно знаменитых «Проданную невесту», «Русалку» или «Енуфу», но и такие малоизвестные за пределами страны оперы как «Тайна» или «Чёртова стена» Сметаны, «Якобинец» или «Димитрий» Дворжака, «Путешествие пана Броучека» или «Из мёртвого дома» Яначека, «Олимпиада» Мысливечика или «Мирандолина» Мартину. Часто ли на российских сценах кроме «Онегина» и «Пиковой» можно увидеть «Воеводу» или «Опричника», казалось бы, сверхпопулярного Чайковского? Или кроме как «Царской невестой» чем по большому счету в отечественном оперной афише представлен такой титан как Римский-Корсаков – автор пятнадцати самобытных, разнообразных опер?!

Но и это еще не все. Не самая богатая страна Европы позволяет иметь несколько монографических фестивалей, то есть посвященных целиком творчеству только одного композитора (чего в России нет пока совсем). Один из самых представительных – «моравский Байройт»: фестиваль Леоша Яначека в Брно, который в этом году проводился уже в четвертый раз. Популярность некоторых

опер моравского мастера сегодня в мире необычайно высока – в свое время неопределимую услугу в их продвижении на международную арену сыграло подвижничество влюбленного в чешскую культуру австралийского дирижера Чарльза Маккераса. Мелодическое богатство и ритмическое своеобразие, фольклорные мотивы и экспрессионистская яркость высказывания, роскошь оркестрового письма и захватывающие сюжеты – все это делает сегодня творчество композитора необыкновенно востребованным не только в Чехии. Это дает возможность сделать Яначекский фестиваль, несмотря на его молодость, событием с международным звучанием, не узко локальным, местечковым, только для внутреннего, национального потребления, но ориентированным на широкую интернациональную аудиторию – как участников, так и слушателей. В этом году фестиваль проходил под слоганом «С днём рождения, Леош!», ибо год юбилейный – 160 лет со дня рождения гения моравской земли.

Блестящие технические возможности брненского Национального театра, а также впечатляющие организаторские способности его оперной директрисы профессора Евы Благовой, известной словацкой меццо-сопрано, дочери выдающегося словацкого фольклориста Янко Благо, делают этот форум комфортным и интересным для публики. В его программе – семь оперных спектаклей, пять наименований различных опер, четыре чешских театра и два зарубежных, а также ряд концертных программ, как камерных, так и грандиозных полноформатных, рассчитанных на большую сцену и представительную аудиторию. Все это создает красочную палитру музыки великого композитора. Помимо творчества Яначека в программу включены и сочинения некоторых других композиторов, так или иначе тематически связанных с именем-брендом фестиваля, но этих вкраплений очень не много, основное место, конечно, принадлежит «виновнику торжества».

В России и на постсоветском пространстве Яначек пока представлен очень дозированно, если не сказать скудно. Лидирует Петербург: пара опер есть в репертуаре Мариинки («Енуфа» и «Макропулос»), в Михайловском впервые в России поставили «Катю Кабанову»; в Москве с десяток лет «Средство Макропулоса» шло в «Геликоне» – вот, пожалуй, и все. Это тем удивительнее, что славянский мелос композитора, его фольклорный замес звуково очень близок русскому уху, кроме того, самого композитора, помимо чешских тем, интересовала русская культура, русская действительность, русская литература – недаром его прекрасные оперы «Катя Кабанова» и «Из мёртвого дома» написаны по Островскому и Достоевскому. Оперный Яначек, при том, что, конечно, у композитора есть свой неповторимый стиль, очень разный. На фестивале в Брно представилась возможность сравнить разные оперные полотно мастера, увидеть разные интерпретации одних и тех же произведений.

Универсальный язык «Енуфы», чей лиризм, несмотря на присутствие фольклорных мотивов, общечеловечен и потому легко до-

ступен представителям самых разных культур (этим, наверно, и объясняется первенство этой оперы, среди других яначекых, на мировых сценах, ее широкая популярность – у нас в конце 1950-х наследие Яначека также стали осваивать именно с нее премьеры в Новосибирске и Москве) отличен от ярко выраженного национального тематизма «Путешествий пана Броучека» – в последней, во всех ее нюансах и сюжетных хитросплетениях способен по-настоящему, наверно, разобратся только природный чех – не только носитель языка, но и носитель всей традиции, культурно-исторического кода чешского народа. Хотя обе столь разные оперы объединяет фольклорная база, богатейшая мелодика, событийность повествования, вторая все же в большей степени – произведение «для своих», для внутреннего потребления. Мягкий, светлый, сказочный лиризм «Приключений лисички-плутовки» противостоит сказочности «Броучека» совсем иного рода – полной гротеска, острого, порой издевательского юмора, сарказма, открытой насмешки. Очевидный позитив «Лисички» (несмотря на трагичность фабулы – смерть титульной героини) контрастирует с тоскливой безысходностью метаний «бессмертной» Элины Макропулос из знаменитой оперы по Чапеку, с гниловатым блеском эпохи позднего декаданса межвоенной поры.

Хозяин фестиваля – брненский Национальный театр – приготовил для форума три работы. Главная – это конечно премьера «Макропулоса», блоком из трех спектаклей прошедшая в фестивальные дни. Режиссер Давид Радок создает удивительный спектакль: внешне он совершенно как бы традиционен, поскольку действие разворачивается в ту самую эпоху 1920-х, которую и предполагал Яначек: художники Зузана Ежкова и Ондржей Неквасил скрупулезно воспроизводят интерьеры и моду первых послевоенных лет, успешно передавая аромат давно ушедшей эпохи. Но по средствам режиссерской выразительности «Макропулос» – абсолютно режиссерский театр: жесткий, бескомпромиссный по своим высказываниям, предельно обостряющий противоречия, существующие в отношениях героев, обнажающий их мотивы и желания, хитрость, интриги, глупость, цинизм. Там, где автор оперы говорит только намеком, Радок действует без обиняков, напрямую – насилие, постельные сцены, издевательские насмешки Эмили-Элины, ее презрение к окружающим «смертным» – все показано с предельной достоверностью, а порой даже весьма преувеличено, акцентировано и нарочито. Такой подход с опорой на контраст создает удивительное напряжение: в как бы старомодный интерьер традиционной оперы вписан жесткий, современный спектакль, и этот контраст играет удивительными красками, рождая спектакль выразительный, яркий, захватывающий. Качество музыкальной интерпретации соответствует качеству театрального продукта – оркестр и ансамбль чешских солистов, ведомые сербским маэстро Марко Ивановичем, делают заковыристую партитуру «Макропулоса» простой для восприятия публикой, поскольку пение

и игра оркестра предельно выразительны и одновременно исключительно точны. С первых звуков динамичной увертюры Иванович вводит слушателя в напряженный мир фантастической драмы, не отпуская его уже до самого конца. Среди солистов особенно запоминаются фактурный баритон Святоплук Сем (Ярослав Прус) и пронзительный тенор Алеш Брицейн (Альберт Грегор). Особый разговор – центральная героиня в исполнении шведской сопрано Гитты-Марии Сьёберг: мастерство артистки и вокалистки высокого класса гармонично сочетаются с выразительной внешностью этой красивой женщины средних лет – получается стопроцентное попадание в образ «хозяйки положения», убедительно манипулирующей окружающими примадонну многочисленными кавалерами. Мощный, холодноватый, типично скандинавский голос Сьёберг идеален для воплощения столь харизматичного персонажа.

Камерная сцена театра Редута была отдана современной композиции, символизирующей продолжение моравских сочинительских традиций, заложенных Яначек: брненская труппа презентовала мировую премьеру камерной оперы моравских композиторов Иво Медека и Маркеты Дворжаковой «Алиса во сне» – свободную фантазию о судьбе героини Льюиса Кэрролла, попавшей в современный мир. Повзрослевшая Алиса теперь программист-дизайнер – дено и ночью она сидит за компьютером и конструирует небывалые фантазийные миры, которые оживают и разрастаются до кошмарных фантазмагорий в ее снах, когда утомленная трудовыми буднями Алиса выкраивает для отдыха краткие часы. Личность Алисы раздваивается, множится, она, как и положено, во сне, не может контролировать своих действий. Вечные образы Кэрролла – Белый кролик и Красная королева – преследуют ее и в этом симбиозе сна и информационного общества, причем последней удастся то, что не выходит в английский литературный источник – отрубить Алисе голову, после чего она пробуждается от тягостного морфея-триллера. Обилие спецэффектов и гигантские, во всю сцену планшеты-зеркала позволяют сценографу и видеодизайнеру Лукашу Медеку создать ирреальное пространство, насыщенное тревогой и опасностью. Жесткая музыка, полная неприятных, дисгармоничных звуковых сочетаний и акустических эффектов удивительным образом содержит и обрывки мелодий, попевок, из которых сплетаются короткие ариозо героев и даже полноценные ансамбли. Справиться с трудностями этого необычного опуса певцам помогает маэстро Ондрей Олос.

Третий спектакль – тоже камерный: на сцене Театра на Орли (еще одна площадка, которая задействуется время от времени) была показана знаменитая «Лисичка-плутовка», но в камерной версии 1998 года английского композитора Джонатана Доува, известного Москве по «Пиноккио» в Театре Сац. Это совместная работа с Камерной оперной студией Музыкальной академии им. Яначека в Брно, и основные силы этой премьеры – молодежь. На малосенькой сцене режиссеру

Давиду Кржижу с помощью нехитрого режизита и видеопроекций, живописно рисуемой лес разных времен года, удастся создать мир милой доброй сказки – совсем без какой-то заумной концепции, развернуть во всю ширь традиционный иллюстративный театр. Под звуки прелестной увертюры проносятся юность Лесника и его жены, когда свежесть и непосредственность чувств постепенно сменяются зрелостью и утомленностью отягощенных бытом и заботами супругов. Именно в страдную пору жизни встречает он игривую Быстроушку – живого лисенка, будящего в нем воспоминания молодости, яркость эмоций. Дух свободы, что приносит лесной зверек, ставит под сомнения налаженный мир Лесника, полный самоограничений и обязательных ритуалов (дети, хозяйство, посиделки в кабаке с приятелями и пр.). В итоге все остается также, но эта встреча все-таки меняет Лесника – и когда он в следующий раз вновь поймает в лесу лисенка, он не понесет его домой на потеху домочадцам, а отпустит на свободу, уважая его права. Несмотря на камерную версию, опера идет без купюр, а облегченная оркестровка дает возможность лучше услышать не только вокальные партии, но и инструментальные темы, что создается особый аромат интимности и задушевности вроде бы нехитрой, но, по сути, очень философской истории. Музыкальная работа маэстрины Николь Крафт оставляет приятные впечатления тщательностью в деталях и мягкостью в подаче звука. Свежие молодые голоса Иржи-Миромира Прохазки (Лесник), Марты Рейхеловой (Быстроушка), Яны Мелишковой (Златогривек) и др., пусть еще и не столь совершенны в своей выделке, приносят в эту постановку свое естественное очарование.

Камерную версию «Лисички» было любопытно сравнить с полноценным вариантом, показанным пражским Национальным театром. Здесь уже совсем другие краски и акценты – история менее романтическая, более прозаическая и где-то даже жестокая: Лесник в ней не философ, но мятущийся стареющий обыватель, для продления своей молодости ищущий любовных утех на стороне. Такая сюжетная немая линия придумана режиссером Ондржем Гавелкой, но она убеждает: Лесник встречает Быстроушку не на охоте (как в оригинале либретто), а возвращаясь с очередного тайного свидания в чаще бора с диковатой рыжеволосой красавицей. Тут явная перекличка – лесная возлюбленная героя словно превращается в свободолубивую лису, но в итоге Лесник оказывается не достоин обеих: Быстроушку, доверившуюся ему, он лишает свободы и не в состоянии защитить от глупых нападков что своей жены и детей, что домашних животных – обитателей его фермы; дриаду-любовницу же он бросает ради привычного уклада, вволю натешившись ее молодостью. Спектакль пражан естественно более пышен, чем брненский студенческий вариант. Лес олицетворяют гигантские деревянные спицы, коими усеяна сцена; на ее наклонной поверхности устроены четыре огромных вращающихся круга-люка, меняющие «географию» мизансцен

ежесекундно и придающие спектаклю кинематографический динамизм; ферма-хутор и кабаки-шинок, где Лесник коротает время с друзьями, воспроизведены достаточно реалистично; с юмором показаны что обитатели леса, что фермы-хутора – различные звери, птицы и насекомые. Музыкально пражская «Лисичка» спектакль, конечно, более зрелый, совершенный, хотя сказочного очарования камерной версии студентов в нем не найти. Брутального Лесника мастерски поет и играет Святоплек Сем, исключительно красивые голоса у центральной лисей пары – Альжбеты Полячковой (Быстроушка) и Михалы Капустовой (Златогривек). Бесконечным лиризмом, красотой яначековой мелодики удастся совершенно очаровать публику пражскому оркестру во главе с маэстро Робертом Йиндрой.

Помимо театров Брно и Праги на фестивале гостил еще один чешский коллектив – это Моравско-Силезский Национальный театр из второго по величине города страны Остравы. Он привез спектакль удивительный, необычный и оперу совсем неизвестную за пределами Чехии – «Путешествия пана Броучека». Броучек – пражский буржуа 19 века, вечно брюзжащий и недовольный действительностью: в поисках идеала в первом акте он оказывается на Луне, во втором – во временах Гуситских войн 15 века. Но и там его подстерегают разочарования, точнее разочарованы уже в нем – утонченные обитатели Луны шокированы его прозаическими интересами, а он не выносит их эстетства; с гуситами ему тоже оказывается не по пути – обыватель не хочет участвовать в борьбе за свободу отчизны, единственным из чехов он предает интересы народа, чтобы сберечь свою жизнь. И хотя в итоге все заканчивается благополучно, через образ Броучека композитор довольно-таки зло посмеялся над нравами окружавшего его общества, ясно заявив, что его симпатии не на стороне тех, кто озабочен прежде всего материальным благополучием. Постановку этой сложной оперы осуществила творческая группа «SKUTR», работающая подобно каталонской «La Fura dels Baus» всегда в команде – режиссеры Мартин Кукучка и Лукаш Трпишовский, художники Якуб Копецкий и Симона Рыбакова насыщают многособытийную, густонаселенную оперу массой придумок, эффектов, практически цирковых трюков, а также символами-маркерами, разобраться в которых и понять все нюансы возможно только местному жителю, глубоко укорененному в национальной культуре, хорошо знающего традицию. Музыкальное руководство вновь осуществил Роберт Йиндра (кооперация между чешскими театрами находится на высоком уровне, ротация артистов очень активна), создать необыкновенный звуковой аромат сугубо чешской оперы ему удалось вместе с певцами Арнольдом Безуйеном (Броучек), Адамом Здуниковским (Мазал), Мартином Гурбалем (Ризничий), Агнешкой Бохенек-Осиецкой (Малинка), Святоплеком Семом (Чех) и др.

Два иностранных коллектива-гастроляра представили на брненской сцене зна-

менитую «Енуфу». Спектакли получились абсолютно разными по всем компонентам. Опера Граца привезла совсем свежую работу знаменитого Петера Конвичного (мэтр пожаловал в Брно вместе с театром), от которого можно было бы ожидать чего-то провокативного, вызывающего, предельно авторского в отношении к произведению, но нет – «Енуфа» Конвичного получилась очень трогательным, нежным, романтическим спектаклем, и абсолютно традиционным по духу. Режиссер не втискивает оперу в прокрустово ложе концепции, не спорит с автором, не пытается придумать параллельную реальность – он только интерпретирует текст (музыкальный, вербальный), но очень бережно, уважительно по отношению к композитору. Средства выразительности – современные, здесь нет ничего от классического иллюстративного спектакля: абсолютно пустая сцена, усеянная букетами и лепестками цветов, минимум реквизита, выразительная игра света, костюмы условно межвоенного времени (а не конец 19 века – как в либретто; художник Йоханнес Лайакер), но смыслы, мотивы, взаимоотношения героев – абсолютно те, о которых говорит великая музыка Яначека. Одинокое скрипичное соло (скрипачка выходит на сцену и играет над пробуждающейся Енуфой) – словно символ всего спектакля: жестокая криминальная драма о диких нравах моравских крестьян вдруг оборачивается совсем другой стороной, выявляя громадный лирический потенциал партитуры. Такова же и музыкальная интерпретация маэстро Дирка Кафтана – лирические страницы оперы он делает опорными точками исполнения, хотя от драматизма, трагичности ситуации, конечно, не уходит. Австрийские музыканты играют вдохновенно, чешскую музыку – как родную, такой же, почти любовный посыл идет и от вокалистов – голоса Гал Ямес (Енуфа), Ирис Вермийон (Дьячиха), Тайлана Рейнгарда (Штева) не поражают мощью, но запоминаются красивым, выразительным пением. Ярче других звучит Алеш Брисцейн (Лаца), а достойный каст венчает легендарная Дуя Вейзович (Бабушка Бурыйя), несмотря на почтенный возраст, пребывающая в отличной вокальной форме.

Совсем другая «Енуфа» Хорватского национального театра из Загреба: режиссер Озрен Прохич ставит жестокий триллер, обостряя до предела, обнажая неприятные взаимоотношения, царящие в семье Бурыйя и вокруг него. Мельница в первой картине – что тюрьма с высокими решетками (сценограф Бранко Лепен), а приход рекрутов-новобранцев в ее финале оборачивается их массовым совокуплением с работницами предприятия: лишь грозный окрик Дьячихи способен прекратить эту вакханалию. Действие перенесено во вторую половину 20 века, во времена социализма: изба Дьячихи во втором акте – типичная квартира в новостройке со всеми атрибутами комфортной жизни той эпохи (диван-трансформер, телевизор и пр.), но главное здесь – гнетущая атмосфера типизированного, клишированного быта. Лаца, вроде бы искренне любящий Енуфу, не менее жесток и зол, чем буйный и распутный Штева, а Бабушка в своей косности и бескомпромиссности ничем не уступает Дьячихе. Петербургский маэстро Михаил Синькевич интерпретирует партитуру в том же ключе (и здесь он идет по пути своего патрона Валерия Гергиева, сделавшего «страшный» спектакль по этой опере в Мариинке в 2007-м): звучание оркестра напряженно, взрывно, предельно жестко, лирикой в этой версии «Енуфы» почти совсем не пахнет, а выразительное скрипичное соло не высвечено и меркнет под гнетом общей безысходности. Вокальные работы оставляют приятное впечатление, некоторые даже, как например Дубравка Шепарович-Мушович (Дьячиха) волнуют по-настоящему (и образом, и мастерством в покорении сложнейшей партии), но вот подбором типажей, чему сейчас уделяется в мировой опере огромное внимание, Загребский театр не силен: сильно возрастные Лаца (Роман Задник) и Енуфа (Тамара Франетович-Фельбингер) с трудом воспринимаются как романтическая пара, в особенности в контрасте со слишком молодой Дьячихой.

Среди неоперных событий фестиваля несомненного внимания заслуживали приезд калифорнийского «Кронос-квартета», солистки духового «Янчек-ансамбля» и струнного «Граффе-квартета», концерт-приношение Яначеку 41-летнего итальянского композитора Алессандро Босетти со специально сочиненным к юбилею опусом, большой концерт Брненского филармонического оркестра (дирижёр – Александр Маркович), в котором помимо знаменитой Симфонисты Яначека особенно запомнился редкий фортепианный концерт Бартока (солист – россиянин Денис Кожухин), а также под финал – грандиозное исполнение Глаголической мессы (хор и оркестр брненского Национального театра, дирижер Ярослав Кызлинк) с известными чешскими солистами Магдаленой Коженой, Марией Кобельской, Густавом Белачеком и Михалом Леготским... Словом, праздник в честь великого маэстро, безусловно, стал выдающимся по количеству и качеству интересных, ярких событий, фестивалем, на который хочется вернуться вновь.

Александр МАТУСЕВИЧ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ "ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА «НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ – 2016»

Оргкомитет Международного конкурса Национальная литературная премия «Золотое перо Руси» объявляет о закрытии конкурса 2016, и приглашает всех участников на торжественную церемонию награждения!

28 октября.

Центральный дом литераторов.

Москва, метро Баррикадная, ул. Большая Никитская, д. 53.

Малый зал. Вход свободный.

Регистрация представителей содружества и СМИ с 11-00

11-00 - 13-00 – общение между авторами и фото в фойе ЦДЛ.

13-00 - Отчет членов оргкомитета за проделанную работу с 2005 по 2016 гг., награды за особые заслуги, и начало церемонии награждения победителей 2016 года. (Малый зал) Наличие литературных и военных наград на пиджаках приветствуется. Во избежание неловкости в общении между собратями по наградам просим ознакомиться с работами победителей и членов жюри и оргкомитета на доступных ссылках в интернете.

Если вы сами не можете в этот день находиться в ЦДЛ г. Москвы, свяжитесь с секретарями посольств вашего государства. Дипломы по почте отправляться не будут.

В фойе малого зала вы можете получить неполученные дипломы за последние несколько лет, или поручить своему представителю в Москве получить бумаги за вас. Подарки от спонсоров к дипломам прошлых лет не прилагаются, все они реализованы на прошлых церемониях.

Оргкомитет.

УВАЖАЕМЫЕ УЧАСТНИКИ КОНКУРСА!

Жюри рассмотрело с 1 января по 1 октября 2016 года произведения более 20 тысяч представителей из 72 стран. Оргкомитет приносит извинения за отключение регистрации участников на ресурсе www.persus.ru, связанные с большим наплывом произведений на конкурс. В этом году в жюри работало на добровольной основе более 70 человек из разных стран. Произведения пересылались членам жюри по мере поступления на электронную почту конкурса.

Итоги 2016 года в этих списках. Некоторые фамилии могут попадать в разные номинации. Внимательно ознакомьтесь со всем перечнем наград.

Спонсоры церемонии:

* ГДФСРФ

* Союз писателей Российской Федерации (Московская Городская организация).

* Гильдия издателей и распространителей АРПП, г. Москва

* Военно-художественная студия писателей, г. Москва

* Ассоциация саратовских писателей, г. Саратов

* Международное творческое объединение детских авторов, г. Ришон ле Цион, Израиль.

* «Русские линки в Германии» оперного певца А. Гами, г. Бремен, Германия.

Почетный Диплом «Трудовая доблесть России» с прилагаемым к нему фразным знаком»

Фрида Байер (г. Стадталлендорф, Германия) за серьезный вклад в развитие русской литературы за рубежом.

Генрих (Геннадий) Дик (г. Эрлинггаузен, Германия) за серьезный вклад в развитие русской литературы за рубежом.

Владимир Геннадиевич Митин (г. Москва, Россия) главный редактор издательства Аквилегия-М по представлению МТО ДА за серьезный вклад в развитие детской литературы и в связи с 20-летием

издательской деятельности.

Дмитрий Халаджи (г. Донецк, Донецкая Народная республика)

Медаль «За активную гражданскую позицию и патриотизм»

Гаганова Анна Анатольевна (г. Москва, Россия)

Литературно-общественная премия МГО Союза Писателей России «За верность слову и делу» им. А.С. Пушкина»

Воловик Олег Евгеньевич (г. Надьреде, Венгрия) за высокий уровень собственного творчества и установление в разных странах мира одиннадцать памятников и других мемориальных знаков выдающимся деятелям российской культуры, в том числе Пушкину.

Литературно-общественная премия МГО Союза Писателей России «За верность слову и делу» им. А.С. Пушкина»

Анатолий Берлин (г. Лос-Анджелес, США)

Василий Петрович Тишков (г. Балашиха, Россия)

ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМ УЧРЕДИТЕЛЯ ПРОЕКТА АЛЕКСАНДРА БУХАРОВА

(с предлагающимися к нему медалями или статуэтками):

Медаль «Первопечатник Иван Федоров. За заслуги в полиграфии и издательском деле».

Сапронова Светлана Юрьевна (г. Москва, Россия) главный редактор издательства «Международные отношения».

Медаль им. Л.Н. Толстого «За воспитание, обучение, просвещение» Саир Зейнеддин (г. Алеппо, Сирия) за высокое художественное мастерство переводов русских классиков на арабский язык.

Пальцев Александр Иванович (г. Москва Россия) за ряд научно-познавательных статей.

Бахыт Рустемов (г. Астана, Казахстан) за фундаментальный многотомник «Жить, чтобы любить и любить, чтобы жить».

Олег Ярославович Бондаренко (г. Бишкек, Кыргызстан) за популяризацию русского языка в Кыргызстане и высокий уровень философских и художественных произведений.

Сергей Щеглов (г. Красноярск, Россия) за популяризацию русской литературы на планете.

Медаль «Ф.М. Достоевский. За красоту, гуманизм, справедливость»

Иноземцев Алексей Борисович (г. Москва, Россия)

Наталья Вареник (г. Киев, Украина)

София Берлин (г. Лос-Анджелес, США)

Доктор Ульрих Энгелен (г. Гютерсло, Германия)

Панасенко Александр Евгеньевич (г. Харьков, Украина)

Рубис Александр Валентинович (г. Погар, Россия)

Медаль «М.В. Ломоносов. За заслуги. 300 лет со дня рождения»

Носова Лариса Юрьевна (г. Хабаровск, Россия) за стихотворное оформление фундаментальной географической книги «Россия».

Леонид Малашко (г. Магадан, Россия), газета «Интеллигент Магадан».

Лео Гимельзон (г. Мюнхен, Германия) за высокую гражданскую позицию произведений.

Андрей Анатольевич Ковальков (г. Москва, Россия) директор издательства «Международные отношения».

Калининченко Екатерина Николаевна (г. Донецк, Донецкая народная республика) директор Художественно-выставочного центра «АртДонбасс».

Наталья Крофтс (г. Сидней, Австралия) портал «Русская литература Австралии», разработанный на базе старейшей русскоязычной газеты Австралии «Единение». <http://www.unification.com.au/about/text/12/>

Медаль «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе»

Елена Кондратова

член Всемирного координационного совета российских соотечественников, проживающих за рубежом

генеральный директор Греко-Российской торговой палаты,

руководитель некоммерческой организации «Кедрос»

Генеральный директор Международного Музыкального Фестиваля

Летней Академии музыки
(г. Афины, Греция)
Медаль «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе»
Людмила Черкашина
поэт и публицист
(г. Днепрпетровск, Украина)

ПОБЕДИТЕЛИ И ЛАУРЕАТЫ КОНКУРСА «НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ – 2016»

Звания «ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ» с вручением сертификата и «Знака особого отличия «ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ» из чистого золота с пробой; Звания «СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ» с вручением сертификата и «Знака особого отличия «СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ» из чистого серебра с пробой, а также звания «ЗОЛОТОЙ ЛАУРЕАТ» Национальной литературной премии ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ 2016» с вручением уникальной статуэтки Кузнецовского фарфора, звания «СЕРЕБРЯНЫЙ ЛАУРЕАТ «Национальной литературной премии ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ 2016» с вручением специального диплома, а также специальных тематических дипломов от учредителей и спонсоров удостоены:

НОМИНАЦИЯ ПРОЗА: ОБЛАДАТЕЛИ ЗОЛОТЫХ И СЕРЕБРЯНЫХ ЗНАКОВ: ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 179
Чергинец Николай Иванович (г. Минск, Беларусь) за высокую гражданскую позицию произведений.
ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ
Сертификат соответствия № 190
Ирина Азаренкова (г. Нью Вестминстер, Канада) за рассказ «Чемпион»

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 147
Георгий Каюров (Молдова) главный редактор литературного журнала «Наше поколение»
за произведение «Аисты – не улетайте рано».

СЕРЕБРЯНЫЕ ЛАУРЕАТЫ (ДИПЛОМ):

Лонгортова Зинаида Викторовна (г. Салехард, Ямало-Ненецкий автономный округ, Россия) за произведение «У синеводной Оби».
Васильев Александр Александрович (г. Сумы, Украина) за произведение «За краешком времени».
Борис Алексеевич Алексеев (г. Москва, Россия) за произведение «Кыргыз – road»
Сверлов Михаил Николаевич (г. Магадан, Россия) за северные рассказы.
Кедрова Ирина (г. Москва, Россия) за произведение «Месть боярыни Настасьи».
Номинация ИЗДАНИЯ (курирует номинацию АРПП):

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 187
Кизилев Михаил Григорьевич (г. Москва, Россия) главный редактор журнала «Смена».

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 136
Нефедьев Георгий Владимирович (г. Москва, Россия) Президент общества РОИПА, главный редактор издания «Кронос» - «Запретные темы истории».

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 138
Ахмадиев Фарит Вафиевич (г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия) за высокое художественное мастерство книги «99 рубаи».

ЗОЛОТЫЕ

лауреаты (Керамическая статуэтка Кузнецовский фарфор):
Фёдор Игнатиadis (г. Афины, Греция) Гл. редактор газеты «Афинский Курьер», Издатель.
Павел Онойко (г. Афины, Греция) интернет-портал «Русские Афины».
Гришаков Игорь Николаевич (г. Москва, Россия) Журнал «Проф-союз полиции» сайт Профсоюза www.prof-police.ru за произведение «Кто обязан лечить-не лечит, а тот кто не обязан – делает это».

Информационное агентство «Территория Культуры» (г. Красноярск, Россия) за высокую гражданскую позицию.
Людмила Демина (г. Москва, Россия) редактор отдела фантастики. Эксмо.
Алексей Орлов (г. Москва, Россия), Народное славянское радио.
Сляднева Наталья Евгеньевна (г. Гомель, Беларусь) главный редактор журнала «Мир животных».

СЕРЕБРЯНЫЕ лауреаты, ДИПЛОМЫ:

Александр Федоров (г. Калининград, Россия) за составление уникального издания «Балтийский круг».
Вадим Михайлович Хитров (г. Санкт-Петербург, Россия) Генеральный директор журнала и издательства «Морское наследие».
Александр Шуклин (г. Тюмень) за редакторскую обработку текстов в выпусках альманаха «Преодоление».
Андрюхин Александр Николаевич – специальный корреспондент, газета «Культура»
Самохин Андрей Евгеньевич – редактор отдела науки и религии, газета «Культура»
Чёрный Дмитрий Владимирович – редактор еженедельника «Литературная Россия»
Крестянинов Виктор Алексеевич – корреспондент газеты «Аргументы недели»
Терентьев Денис Геннадьевич – корреспондент газеты «Аргументы недели»

Номинация ДУХОВНОСТЬ ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 189
Михалков Никита Сергеевич (г. Москва, Россия) за цикл передач «БЕСОГОН».

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 129
Михаил Моргулис (г. Вашингтон, Америка) Автор концепции «Духовная дипломатия»
Медаль «Святой Благоверный Великий Князь Александр Невский»
Колышкина Надежда Ивановна (г. Москва, Россия) за серию книг «Споры богов»
Красильников Андрей Борисович (г. Москва, Россия) за научно-просветительскую деятельность.
Диплом и медаль «СЕРЕБРЯНЫЙ КРЕСТ», освещенный в Храме Пехра Покровское»
Павел Кацин (г. Москва, Россия) за поддержку литературных проектов.

Диплом «СЕРЕБРЯНЫЙ КРЕСТ»

Марина Шмакова (г. Калуга, Россия) за ряд духовных психологических очерков и рассказов.

Номинация ОЧЕРК: ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 184
Довыденко Лидия Владимировна (г. Калининград, Россия) за высокое художественное мастерство и профессионализм книги «Женщины Пруссии».

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 131
Валерий Асатиани (г. Тбилиси, Грузия) профессор ТГУ, учёный в области Византологии, классической филологии и современного Греческого языка
ассоциация Диалог культур-21

СЕРЕБРЯНЫЕ лауреаты (ДИПЛОМЫ):

Олег Павлович Цыбенко (г. Афины, Греция) за серию научных трудов по филологии.
Нина Парфенова (г. Хельсинки, Финляндия) за серию психологических очерков.
Михаил Жаров (г. Кинешма, Россия) за репортаж «13 посланий из Чернобыля».

Номинация ПОЭЗИЯ:

ОРДЕН ЕСЕНИНА и Литературно-общественная премия МГО Союза Писателей России

Юрий Бернадский (г. Новосибирск, Россия) за книги «На Калиновом мосту» и «Кто гудит в печной трубе, или Божество из глухомани».
Полянская Александра Станиславовна (г. Кисловодск, Россия) за цикл стихотворных произведений.

**Диплом Михаила Ножкина:
ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ**

Сертификат соответствия № 183

Коровников Владимир Александрович (г. Москва, Россия) за гражданскую лирику.

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 134

Эльвира Поздняя (г. Вильнюс, Литва) за гражданскую лирику в сборнике «Русский акцент».

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 137

Копытова Елена Евгеньевна (г. Рига, Латвия) за произведения «Дорожное», «Без слов», «Постновогоднее» и др.

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 140

Екатерина Деришева (г. Харьков, Украина) за цикл стихов о любви.

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 143

Константинова Мария Дмитриевна (г. Москва, Россия) за лирическую поэзию.

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 148

Павловская Татьяна Геннадьевна (г. Красноярск, Россия) за тавтограммы в стихах «Порядочный пентюх» и «Добрые дела».

Золотые лауреаты (Кузнецовский фарфор)

Светлана Спиридонова (г. Красноярск, Россия) за лирическую поэзию.

СЕРЕБРЯНЫЕ лауреаты (ДИПЛОМЫ):

Гуменюк Надежда Степановна главный редактор газеты «Эффект» Забайкальского края за произведение «Меняет жизнь бессмертные полотна» Алекс Ершов (г. Харьков, Украина) за произведения «Выстрел», «Маятник», «Пианист» и др.

Обладатели премии Александра Гами по разделу «Однословный многорифм». Из города Бремен к церемонии доставлены специальные кубки и дипломы.

1 премия – Зарина Бикмуллина (г. Казань, Россия)

2 премия – Дмитрий Смирнов-Садовский (г. Сент-Олбанс, Англия)

3 премия – Александр Пак (г. Славгород, Россия)

Приз-кубок зрительских симпатий

Людмила Крыжановская (г. Херсон, Украина)

**Номинация ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ
ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ**

Сертификат соответствия № 182

Саркисов Александр Ашотович (г. Москва, Россия) за военно-морские рассказы.

ДИПЛОМ ДМИТРИЯ ВАДИМОВИЧА САБЛИНА

Амусин Александр Борисович (г. Саратов, Россия) за цикл патриотических стихотворений.

Кубок I степени и медаль «За активную гражданскую позицию и патриотизм»

Муллин Михаил Семёнович за серию книг для детей и юношества.

Грачёв Евгений Алексеевич за серию рассказов и повестей о Великой Отечественной войне.

Сидоренко Александр Дмитриевич за книгу «Прыжок»

Всероссийская Литературная Пермь им. М.Д. СКОБЕЛЕВА с прилагающейся к ней медалью «М.Д. СКОБЕЛЕВ. За верность идеалам служения Отечеству» от Военной студии писателей баталистов и маринистов

Стукало Сергей Николаевич (г. Санкт-Петербург, Россия) за ряд песен на военно-патриотическую тематику.

Тришина Надежда Ивановна (г. Москва, Россия) за афганский цикл стихотворений.

МЕДАЛЬ «За труды в военной литературе»**от Военной студии писателей баталистов и маринистов**

Пономарёв Владимир Алексеевич (Кемеровская область, г. Юрга,

Россия) за поэму в стихах «Великие защитники Отечества».

Пономарёв Александр Анатольевич (г. Липецке, Россия) за повесть «Прозрачное небо Сирии».

Рымарев Сергей Павлович (г. Санкт-Петербург, Россия) за цикл стихов о Сирии.

ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМ «ПОБЕДА»

Зоя Остен (г. Калининград, Россия) за высокую гражданскую позицию в творчестве.

Виктор Альбертович Сбитнев (г. Кострома, Россия) за произведение «Тринадцатый Апостол».

Кашлев Валентин Фёдорович (г. Пушкино, МО, Россия) за поэму «Русь» и стихотворение «В день защитника страны».

Борисоглебский Владимир Борисович (г. Казань, Татарстан, Россия) за песни на военно-патриотическую тему.

ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМ Твардовского

Дегтярёва Татьяна Ивановна (Ставропольский Край Россия) за стихотворение «Родные души».

Сушенцова Елена Борисовна (г. Микунь, Коми, Россия) за стихи на военно-патриотическую тематику.

СЕРЕБРЯНЫЕ лауреаты (ДИПЛОМЫ):

Бейко Виктор Юзевич (г. Ратинген, Германия) за произведение «Любовь и лето».

Вуколов Константин (Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, Россия) за стихи о войне.

Галкин Юрий Анатольевич (г. Балашиха, Россия) за произведения на военную тематику.

Донецкая Юлия Стальевна (г. Москва Россия) за произведения на военную тематику.

Номинация СКАЗКА:**СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ**

Сертификат соответствия № 146

Черкасова Виктория Игоревна (г. Кумертау, Башкортостан, Россия) за сказку «Огромный мешок золота».

СЕРЕБРЯНЫЙ лауреат (ДИПЛОМ)

Костова Галина Ивелинова (г. Стара Загора, Болгария) за сказку «Окно моей заветной мечты».

Нина Беломестнова (г. Чита, Росси) за сказку «Золотая нить».

Гульнара Долматова (г. Москва, Россия) за сказку «Приключение Ёлкуша или Рождество в старинном особняке».

Александр Вайц (г. Вуппурталь, Германия) за сказки для детей.

Елена Вольных (г. Москва, Россия) за произведение «Старый шкаф и Красная кофточка»

**Номинация ИНТЕРВЬЮ
ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ**

Сертификат соответствия № 188

Деменцова Эмилия Викторовна (г. Москва, Россия) за интервью с Игорем Миркурановым

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 130

Марин Ангел Лазаров (г. Хельсинки, Финляндия) за серию интервью, раскрывающих в человеке человечность.

Номинация ЮМОР**СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ**

Сертификат соответствия № 139

Феофанова Любовь Васильевна (г. Усть-Каменогорск, Казахстан) за произведение «Как трудно женщине поэту»

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 142

Дьячкова Виктория Юрьевна (г. Севастополь, Крым) за юмористическое посвящение вреду пьянства «Утро. Похмелье. Стих-шутка, но со смыслом»

ЗОЛОТЫЕ лауреаты (Керамическая статуэтка Кузнецовский фарфор) Юрий Конопляников (г. Москва, Россия) за книгу миниатюр «Литературный дом».

Шевченко Юрий Викторович (г. Балтийск, Россия) за серию книг басен.

СЕРЕБРЯНЫЕ лауреаты(ДИПЛОМЫ)

Татьяна Вяткина (Беларусь) за произведение «В жизнь сказочную!»
Владимир Шестаков (г. Кременчуг, Россия) за цикл стихов «Мои гномы».
Леонид Лещинский (г. Акко, Израиль) за стихотворные пародии «Времена года».

**Номинация ЭКОЛОГИЯ
ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ**

Сертификат соответствия № 181

Силкин Михаил Владимирович (г. Москва, Россия) за книгу стихов «Снега России».

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 133

Марсель Салимов (г. Уфа, Башкортостан)
Серебряные лауреаты (Диплом Вернадского)
Татьяна Морозова (г. Ангарск, Россия) за произведения о Байкале.
Светлана Бурашникова (г. Сарапул, Россия) за стихи о Родине.

Номинация ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ:

Медаль «За спехи и усердие в труде»

Борис Владимирович Архипцев (г. Коломна, Россия) за полное и точное собрание переводов Эдварда Лима на русский язык.
Награждается ДИПЛОМОМ ИМ. ШЕКСПИРА (медаль встроена в диплом)
Саир Зейнеддин (г. Алеппо, Сирия) за высокое художественное мастерство переводов русских классиков на арабский язык.
Фрида Байер (г. Стадталлендорф, Германия) за высокое художественное мастерство переводов русских авторов на немецкий язык.
Елена Игнатовская (г. Павлодар, Казахстан) за стихотворные переводы с казахского языка на русский.
Полянская Александра Станиславовна (г. Кисловодск, Россия) за переводы стихов с польского на русский язык.
Геннадий Ерофеев (г. Муром Владимирской обл., Россия) за переводы с английского языка.
Константин Прохоров (г. Омск, Россия) за вольный перевод с английского «Мышиных историй» Арнольда Лобела

Номинация ДЕТСКАЯ:

Конкурс проходил на официальном портале Международного творческого объединения детских авторов в «Долине творческих турниров».
Председатель жюри Леонид Брайловский (г. Ришон ле Цион, Израиль).
На конкурс поступило триста тринадцать произведений.

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 185

Татьяна Шипошина (г. Москва, Россия) за книги для детей и подростков, выпущенные в 2015-2016г

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия №135

Надежда Радченко (г. Москва, Россия) за подборку произведений для детей «Алфавит»
ЗОЛОТЫЕ лауреаты, обладатели фарфоровых статуэток (Кузнецовский фарфор)
Номинация «Поэзия»
Иоанна Брилько за произведение «Здравствуй, Друг!»
Марина Старчевская за произведение «То ли было, то ли нет».

СЕРЕБРЯНЫЕ ЛАУРЕАТЫ

Серебряный диплом ЗПР

Номинация «Поэзия, сказка в стихах»
Елена Степанова за произведение «Стихи».
Светлана Сон за произведение «Не смотрите, люди, строго...»
Людмила Дулягина за произведение «Июнь июлич августов»
Виктория Топоногова за произведение «Мерлинадная чихла»
ЗОЛОТЫЕ ЛАУРЕАТЫ, (Керамическая статуэтка Кузнецовский фарфор):
Номинация «Проза»
Вера Вьюга за произведения «Ой-сказки»
Виктория Топоногова за произведение «смена экипажа»
Анна Вербовская за произведения «Бабушка вверх тормашками и привет от тёти Розы»

СЕРЕБРЯНЫЕ ЛАУРЕАТЫ

Серебряный диплом ЗПР/

Номинация «Проза»
Гузалия Ариткулова за произведение «Гнездо для бриза»

Елена Арсенина за произведение «А где-то рядом идёт война...»
Владимир Трушков за произведение «Не все утята умеют нырять»
Евгения Шапиро за произведение «Западня для приключений»

ЗОЛОТОЙ ДИПЛОМ ЗП и МТОДА

Татьяна Рабцева за произведение «Сказка о старом гвозде»
Татьяна Попова за произведение «Дед Мороз и Данька»
Людмила Шмидт за произведение «Дворняжка»

Номинация МУЗЫКАЛЬНАЯ.

ДИПЛОМ им. Риммы Казаковой со встроеной медалью:
Захарова-Воловик Оксана Павловна (г. Надьреде, Венгрия) за цикл русских народных песен, под наименованием «Сны о России», «Душа поет», и авторский альбом «Свет ты мой».
Мутовкина Елена (Давыденко) (г. Мейпл-Гров (англ. Maple Grove), штат Миннесота, США) – за слова, музыку и исполнение песен «Я расту», «Я легче пустоты», «Слышу звон вечерний колокольный», «Кто ты».
Игорь Круглов (?) за песню «Мое другое я».
Ларионова Ольга Васильевна (г. Иркутск, Россия) за слова к песне кадетов «Юные спасатели».

Статутка и диплом – МУЗЫКА МИРА

Берлин Тамара Олеговна (г. Киев, Украина) за музыкальность поэзии.
Наталья Крофс (г. Сидней, Австралия) за ряд стихотворных произведений в аудиоформате.

**Номинация ТЕЛЕ
СПЕЦИАЛЬНЫЙ КУБОК**

https://www.youtube.com/watch?v=0h517V_ЕТРУ

Дмитрий Халаджи (г. Донецк, Донецкая Народная Республика) за фильм «Откуда пошла Земля Русская»

**Номинация ОБЩЕСТВЕННЫЕ КОММУНИКАЦИИ:
СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ**

Сертификат соответствия № 132

Ирина Цотадзе (псевдоним Ирина Анастасиади) (г. Афины, Греция) президент Международного творческого фестиваля на Тиносе.

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ ДИПЛОМ учредителя СВЕТЛАНЫ
САВИЦКОЙ (ценный подарок)
и статут ЗОЛОТОГО ПЕРА РУСИ:
НОМИНАЦИЯ ПРОЗА**

Сертификат соответствия № 186

Владимир Эйсер (г. Вецлар, Германия) за высокое художественное мастерство и глубокую философию рассказа «Сенокос».

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 141

Александр Савостьянов (г. Клинцы Брянская обл., Россия) за серию пародий.
ЗОЛОТОЙ лауреат, обладатель фарфоровой статуэтки
ТЕЛЕ

Татьяна Янкевич (г. Москва, Россия) за лирическую работу фильма «Акмэ».

СКАЗКА

Владимир Свержин (г. Москва, Россия) за произведение «Сыщик для Феи. Когда наступит вчера»

СПОРТ

Виталий Николаевич Качановский (г. Москва, Россия) за активную гражданскую позицию в своих произведениях.

ДЕТСКАЯ

Леонид Соколов (г. Уфа, Россия) за забавные «Каламбурчики» и другие детские стихи.

Серебряные лауреаты с подарком

Гилёва Наталья Владимировна (г. Красноярск (ИК 22), Россия) за стихи о любви.

Борозенцев Леонид Леонидович (г. Винница, Украина) за лирические стихи.

Номинация НАУЧНО- ТЕХНИЧЕСКАЯ**УМНАЯ СОВА ОТ ЗНАТОКОВ ИГРЫ «ЧТО? ГДЕ? КОГДА?»**

За самое умное произведение

Михаил Александрович Маслин (г. Москва, Россия) Заслуженный профессор МГУ за «Энциклопедический словарь русской философии».
Королёв Андрей Дмитриевич (г. Москва, Россия) главный ученый секретарь философского общества, руководитель журнала «Философское общество» за произведение «Философия медицины».
Давиденко Игорь Владимирович (г. Москва, Россия) профессор,

доктор геолого-минералогических наук, за книги: «Слово было. Слово есть. Слово будет», «Санскрит по-русски», «53 отличия человека от других зверей», «Куратор планеты Земля», «Байкал - козырной туз России» и др.

СПОРТ

Грамоты

Продюсерский центр L&A

(г. Санкт-Петербург, Россия)

Владимир Пивнев, режиссер фильма «Мячом по воде».

Александр Лукьянов и Максим Беляев режиссеры фильма «Танцоры.

Путь к успеху»

Выговский Илья Сергеевич (г. Владивосток, Россия) за стихи о спорте.

Номинация МОЯ МАЛАЯ РОДИНА ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 180

Федоров Владимир (г. Москва, Россия) за пьесы

СЕРЕБРЯНЫЕ лауреаты (ДИПЛОМЫ)

Олег Солнцев за стихи о России.

Номинация ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Серебряные лауреаты (диплом)

Булдакова Ирина Васильевна (г. Калининград, Россия) за сборник материалов дискуссионного клуба «Связь времен».

Литинская Елена Григорьевна (г. Нью-Йорк США) за произведение «Потомок бояр Истратовых».

Ефремов Дмитрий Глебович (г. Москва, Россия) автор книг «Древнейшая цивилизация офеней», «Амурские казаки», «Праздник для души», «Меч, рассекающий листья».

БЛАГОДАРНОСТИ и ценные подарки от УЧРЕДИТЕЛЕЙ ПРОЕКТА Национальная литературная премия Золотое Перо Руси АЛЕКСАНДРА БУХАРОВА и СВЕТЛАНЫ САВИЦКОЙ «За вклад в мировую культуру»:

Ольга Цотадзе (псевдоним Ольга Черкашина)

Ответственный секретарь Международного творческого фестиваля на Тиносе
Руководитель симпозиума мастеров прикладного искусства

(г. Тбилиси, Грузия)

Доротеос II

Митрополит Сироса-Тиноса

Председатель Управления Учредительной Комиссии

Всегреческого Священного Фонда Евангелистии Тиноса

(Сирос, Киклады, Греция)

Δωρόθεος II

Μητροπολίτης Σύρου-Τήνου

Πρόεδρος της Διοικούσας Επιτροπής

Πανελληνίου Ιερού Ιδρύματος Ευαγγελιστρίας Τήνου

Алексей Анатольевич Попов

Генеральный консул РФ в Салониках

(Салоники, Греция)

Симос Орфанос

Μэр Τινόσα

(Κικλάδες, Греция)

Σίμος Ορφανός

Δήμαρχος Τήνου

Наталья Ерёмченко

заведующая курсами русского языка РЦНК

(г. Афины, Греция)

Ждем всех любителей высокой литературы для поддержки победителей и любимых авторов аплодисментами, авторскими книгами и сувенирами на церемонии награждения.

На церемонии ПРИВЕТСТВУЕТСЯ парадная форма с отличительными знаками – медалями, орденами, золотого либо серебряного пера и т.д.

С пожеланиями новых творческих удач, учредители проекта Золотое Перо Руси Александр Бухаров

Светлана САВИЦКАЯ

1 октября 2016 года

ИТОГИ КОНКУРСА ТВОРЧЕСКИХ РАБОТ НА ТЕМУ СКАЗОК ПИСАТЕЛЯ СВЕТЛАНЫ САВИЦКОЙ

Проект Золотое Перо Руси и ДЭОД «Зеленая планета» приветствует участников конкурса 2016!

Благодарим всех вас за неослабевающий интерес к нашим проектам! Сообщаем вам, что наряду с основными крупными конкурсами Оргкомитет Национальной литературной премии Золотое Перо

Руси при содействии ДЭОД «Зеленая планета» успешно провел дополнительный совместный конкурс 2016 по творчеству писателя Светланы Васильевны Савицкой.

Работы-победители здесь:

<https://www.facebook.com/zeloma/posts/1192693330802958>Или здесь: <https://my.mail.ru/mail/skazswet/photo/8970>

В этом году номинации по произведениям писателя Светланы Савицкой состоялись следующие:

- Аудио прочтение произведения в MP3-формате;
- Мультипликация;
- Видео-постановка;
- Авторская кукла;
- Фото;
- Рисунок;
- Сочинение на тему «Визави к сказке Савицкой»

ДИПЛОМАНТАМ И ЛАУРЕАТАМ дипломы будут высланы с адреса edinet1@yandex.ru секретарем конкурса Ольгой Яковлевой в течение октября.

Обладателей Гран-При организаторы конкурса ждут 28 октября.

Центральный дом литераторов.

Москва, метро Баррикадная, ул. Большая Никитская, д. 53.

Малый зал. Вход свободный.

13-00 - Отчет членов оргкомитета за проделанную работу с 2005 по 2016 гг., награды за особые заслуги, и начало церемонии награждения победителей конкурса Золотое Перо Руси и Зеленая планета 2016 года.

**МЫ С РАДОСТЬЮ И БЛАГОДАРНОСТЬЮ ЗА ВАШУ РАБОТУ
объявляем победителей 2016 года по проекту Золотое Перо Руси-Зеленая планета!**

РИСУНКИ

лучшие работы - победители здесь: <https://www.facebook.com/zeloma/posts/1192693330802958>

Или здесь: <https://my.mail.ru/mail/skazswet/photo/8970>

ГРАН-ПРИ

Рисунки к сказкам «Поганочка», «Дед», «Бабочка»

Васютёнок Дмитрий Евгеньевич

13.06.2002 г.

(Аг. Чепуки, Витебская область, Миорский район, Республика Беларусь)

ГУО «Чепуковская детский сад - средняя школа»

Педагог: учитель биологии Хახель Эльвира Францевна

Гран-при кубок и диплом с вручением медали «Л.Н. Толстой «За воспитание, обучение, просвещение».

ДИПЛОМЫ I степени:

https://vk.com/club91240996?z=photo-91240996_433652502%2Falb-um-91240996_236328395

Рисунок «Всё своё ношу с собой» к стихотворению С. Савицкой «Улитка»
Детский сад № 84 (г. Рыбинск Россия)

Творческий коллектив воспитанников, (Кудряшова Анастасия, 2010, Кузнецова Ольга, 2010, Миколенко Дарина, 2010, Спивак Иван, 2010, Петрова Полина, 2011)

Педагог Берсеньева А.А.

Жанна Лисовская

(г. Льерет-де-Мар, Испания)

Рисунки к книге сказок, переведённых на цыганский язык «Звезды в соломенной шляпе»

Виктор Павлушин

(г. Новосибирск, Россия)

Рисунки к книге сказок С. Савицкой «Легенды Нанука. Сказки об охраняемых видах Сибири и Дальнего Востока»

Мадхаби Бхатачарья

(г. Калькутта, Индия)

Художественное оформление книги сказок С. Савицкой, переведённой на бенгали и изданной в Калькутте «Седые косы».

ЛАУРЕАТЫ:

Рисунки к сказкам С. Савицкой учащихся МКОУ СОШ №2 им. И.С. Унковского

(п. Воротынский Бабынинского района Калужской области, Россия)

Лауреаты: Власов Роман, Вовенко Полина, Китаева София, Костина Снежанна, Миронова Мария, Мороз Дарья, Серова Ульяна, Соколова Ульяна, Сорокина Ирина, Хохленкова Ангелина.

Директор школы И.В. Сорокин

ЛАУРЕАТЫ:

Учащиеся ГУО «Дисненская средняя школа»

(г. Дисна Республика Беларусь)

за рисунки и поделки к сказкам

ПОДЕЛКИ:**ГРАН-ПРИ**

Мягкая игрушка «Пес» по сказке С. Савицкой «Бродячий пёс».

Куликов Александр, 2001,

ГУ ЯО «Рыбинский детский дом»

(г. Рыбинск Россия)

педагог Соколова Татьяна Владимировна

Гран-при кубок и диплом с вручением медали «Л.Н. Толстой «За воспитание, обучение, просвещение».

ДИПЛОМ I СТЕПЕНИ

«Замок крылатых». Поделка из золотого картона к одноимённой сказке С. Савицкой.

Изготовили Горюшкина Маргарита (2008г.р.) и Рапицкий Кирилл

(2008 г.р.), Любавина Евгения (2005 г.р.), Прозоровская Карина (2006

г.р.), Петрухин Андрей (2007 г.р.), Чернышков Фёдор (2007 г.р.)

Объединение по рукоделию «Сувенир» ГКУ СО «Безенчукский «Дом детства»»

(П.г.т. Безенчук, Самарская область, Россия).

Педагог Казьянская Татьяна Михайловна

ДИПЛОМ I СТЕПЕНИ

Кукла «Лучезарное существо» к одноименной сказке С. Савицкой

Выполнена группой учащихся:

Бахарь Татьяна (2001г.р.), Бедарик Захар (2006 г.р.), Сидоров

Владислав (2001г.р.), Шаталова Анна(2001г.р.).

(г. Витебск, Беларусь)

ГУО «Средняя школа № 29 г. Витебска имени В.В. Пименова»

Педагог Бедарик Ирина Геннадьевна.

ДИПЛОМ I СТЕПЕНИ

Кукла к произведению Светланы Савицкой «Каприза»

<https://ok.ru/profile/307742795102/statuses/65569538722654>

Меринов Дмитрий , 29.08.2008 г.,

(г. Курчатова, Курская область, Россия)

МБОУ «Гимназия №2»

Педагог Евдокимова Лариса Борисовна

ЛАУРЕАТЫ:

Куклы Лиля и Анжелика к сказке С. Савицкой «Замок крылатых».

Горюшкина Маргарита (2008г.р.) и Рапицкий Кирилл (2008 г.р.),

(П.г.т. Безенчук, Самарская область, Россия)

Объединение по рукоделию «Сувенир» ГКУ СО «Безенчукский «Дом детства»»

Педагог: Казьянская Татьяна Михайловна

ВИДЕО**ГРАН-ПРИ**

<https://www.youtube.com/watch?v=pqYSyauhlTo>

Видео-ролик при участии Дмитрия Халаджи «Славяне» к сказке С. Савицкой «Четыре богатыря». Сон».

(г. Донецк, Донецкая республика)

Гран-при кубок и диплом с вручением медали «Святой Благоверный Великий Князь Александр Невский ».

ДИПЛОМЫ I СТЕПЕНИ:

К сказке «Патефон»

https://vk.com/video-91240996_456239019?z=video-91240996_456239018

Камакина Полина, 2008,

Россия, г. Рыбинск,

Детский сад № 105,

руководитель Сачкова Н.В.

К сказке «Ландыши»

https://vk.com/video-91240996_456239019

Ягодина Вероника, 2009,

Россия, г. Рыбинск,

Детский сад № 105,

руководитель Сачкова Н.В.

К сказке «Любовь»

https://vk.com/video-91240996_456239019?z=video-91240996_171351469

СОЧИНЕНИЯ**ВОЕННО – ПАТРИОТИЧЕСКАЯ**

Творческое визави на тему произведений С. Савицкой

СПЕЦИАЛЬНЫЕ КУБКИ

Попов Михаил (г. Озерск, Россия) за произведение «Все для фронта!

Все для победы!»

Комиссаров Иван (г. Озерск, Россия) за произведение «Ни одна мать не хочет войны».

Вдовин Игорь (г. Озерск, Россия) за произведение «Он был первым».

Педагог Борис Юрьевич Чигирин

Гран-при кубок и диплом с вручением медали «М.Д. Скобелев. За верность идеалам служения Отечеству» от Военной студии писателей баталистов и маринистов».

ГРАН-ПРИ**ГРАН-ПРИ В КОНКУРСЕ «ЗЕЛЕНАЯ ПЛАНЕТА-ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ» ЗА ЛУЧШЕЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ-ВИЗАВИ на тему сказок С. Савицкой**

Гран-при кубок и диплом с вручением медали «Л.Н. Толстой «За воспитание, обучение, просвещение».

Генрих (Геннадий) Дик (г. Эрлинггаузен, Германия) за высокое литературное мастерство книги юморесок «Шляпный юбилей», в немецком варианте - «Im Land des Schaffens»

ДИПЛОМЫ I СТЕПЕНИ:

<https://www.facebook.com/lmkvs.ro/posts/807142295976368>

Андрей Арсене, clasa a X-a, 17 лет за сочинение «Зеленая планета».

Adrian Măță, a XI-ого класса, 18 лет лица М за сочинение «Дождь и зеленая планета».

Paul Alexandru Răileanu, X-ого класса, 17 лет за стихотворение «Зеленая планета»

(г. Васлуи, Румыния)

Члены Клуба русского языка под руководством:

Crețanu Eugenia și Alexandru Mîță

ДИПЛОМЫ I СТЕПЕНИ:

Очерк на тему: «Человек-хранитель природы» по сказке С. В. Савицкой «Человек».

Михайлович Анна, ученица 3 класса школы при Посольстве РФ в РС (г. Белград, Сербия)

Педагог Девятова Е. А.

ДИПЛОМЫ I СТЕПЕНИ:

Надежда Давыденко (Буларусь) за сочинения в стихах на тему сказки С. Савицкой «Рецепт от старости» и «Ангелу хранителю».

ДИПЛОМЫ I СТЕПЕНИ:

Архипов Ринат Николаевич (г. Казань, Россия) – визави – сказка в стихах про Гордея и Капризу (по сказке С. Савицкой «Каприза»)

ДИПЛОМЫ I СТЕПЕНИ:

Бородулина Анастасия Романовна (г. Кирсанов Тамбовской области, Россия), учащаяся 8 «А» класса МБОУ «ООШ» за произведение

«Зубрилка» (по мотивам сказки Светланы Савицкой «ашиМ»).

Педагог Павлова Галина Николаевна

МУЛЬТФИЛЬМ**ГРАН-ПРИ**

<https://www.youtube.com/watch?v=bC7ChCMihxo>

«У меня есть Я» к одноименной притче С. Савицкой

<https://www.youtube.com/watch?v=G19I4hhQdYc>

«Славянка» к сказке С. Савицкой «Думушка»

ИЛЬГАР ШАЙДАЕВ (г. Падерборн, Германия) видео-скульптурная композиция.

Гран-при кубок и диплом с вручением медали «За заслуги в культуре и искусстве».

ДИПЛОМЫ I СТЕПЕНИ:

<https://www.youtube.com/watch?v=vqdsJgJ3aBs>

Русско-японский мультфильм «Танцует киска танго»

Владимир Бородин

(г. Москва, Россия)

за творческое участие в создании мультфильма.

ЛАУРЕАТЫ:

Наталья Тимофеева (г. Москва, Россия) и Детский Театр Песни. Подготовка творческих коллективов для мультитрансляции пяти песен на стихи С. Савицкой.

АУДИОПРОЧТЕНИЕ СКАЗКИ**ГРАН-ПРИ**

<https://vk.com/audios-91240996>

К сказке С. Савицкой «Белые цветы»

Творческий коллектив (Гаврюшенкова Софья, 2002, Козлова Дарья, 2002, Шубина Юлия, 2001),

(г. Рыбинск, Россия)

СОШ № 32 имени академика А.А. Ухтомского,

Педагог Вязьмина Ирина Юрьевна

Гран-при кубок и диплом с вручением медали «Л.Н. Толстой «За воспитание, обучение, просвещение».

ДИПЛОМЫ I СТЕПЕНИ:

Людмила Крыжановская (г. Херсон, Украина) перевод и трансляция книги «300 сказок и история С.В. Савицкой» на украинском языке.

ДИПЛОМЫ I СТЕПЕНИ:

Максим Добрев (г. Стара Загора, Болгария) трансляция притч и сказок С. Савицкой на болгарском языке.

ЛАУРЕАТЫ:

Геннадий Ломоносов (г. Одинцово, Россия) за высокое художественное мастерство авторской звуковой аранжировки дюжины сказок из книги «300 сказок и историй С.В. Савицкой»

Дмитрий Иванов (г. Москва, Россия) аудио-трансляция сказки «Замок крылатых»

София Антонова (г. Киев, Украина) чтение сказок С. Савицкой на украинском языке.

Саркис Саркисян (г. Ереван, Армения) чтение повести С. Савицкой на армянском языке «Изабелла».

ФОТО**ГРАН-ПРИ**

Школа №20 Темрюкский район, Совета Курчанского сельского поселения, Россия.

Ворсина Полина, Богомолов Кирилл, Кондратенко Есения, Колмычек Кирилл, Пиваева Екатерина. Фотосессия учащихся средней школы с массовыми поделками к сказке С. Савицкой «Елочка и нескладная песенка»

Директор школы Васильева Лидия Борисовна

Гран-при кубок и диплом с вручением медали «Л.Н. Толстой «За воспитание, обучение, просвещение».

ДИПЛОМЫ I СТЕПЕНИ:

Фото-театрализация в подготовительной группе по мотивам сказки С. Савицкой «Кстати, о птичках»

Творческий коллектив воспитанников (Кононец Анна, 2010, Вагурин Александр, 2010, Балашова Елизавета, 2010, Стеничева Ангелина, 2010, Майник Аделия, 2010, Кудрявцев Андрей, 2010). Детский сад № 22. (г. Рыбинск, Россия)

Педагоги Вагурина А.П., Наумова Е.Ю.

ДИПЛОМЫ I СТЕПЕНИ:

Фотосессия кукол к сказкам С. Савицкой из серии «Дольчики».

Фото и куклы мастера Тишкова Петра Васильевича.

(Краснодарский Край, Россия)

Кукла к рассказу «Красная точка»

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1100488096663167&set=a.757056981006282.1073741828.100001059611517&type=3&theater>

Куклы Микродива https://www.facebook.com/piter.tishkov/media_set?et=a.345707862141198.85464.100001059611517&type=3

Куклы Дольчик-Мен

<https://www.facebook.com/photophp?fbid=1247550791956896&set=pb.100001059611517.-2207520000.1475385314.&type=3&theater>

<http://www.greenplaneta.ru/node/2529> фото поделки к сказке «Секрет жизни.

ЛАУРЕАТЫ:

«Волшебные сказки». Группа в Одноклассниках по сказкам С. Савицкой

Анастасия Клабукова

<http://www.greenplaneta.ru/node/2529> фото поделки к сказке «Секрет жизни.

С пожеланиями новых творческих удач, учредители проекта Золотое Перо Руси Александр Бухаров

Светлана САВИЦКАЯ

1 октября 2016 года

Залман Шмейлин

Закончил Львовский Политех. В Австралии с 1996 года. Печатался в различных российских и русскоязычных изданиях. Публикации: «День литературы», «Дон», «Лауреат», «Интеллигент», «Новая Немига литературная», «Альбион», «Острова», «Витражи», «Арфа Давида», «Австралийская мозаика», «45-я параллель», «Крещатик», «Белый ворон» «Новый Свет», «Золотое руно» и др.

В 2012 году вышла книга стихов и прозы «На костре своих строчек...»

В 2015 году вышел поэтический сборник «Нам выбор дан...» Финалист конкурса «Пушкин в Британии» 2007, 2012 гг., «Серебряное перо Руси» 2014г., Литературная премия им. Вениамина Блаженного 2014 г. Юбилейная медаль журнала «Крещатик» 2015 г.

СОРАТНИКИ ПО РУССКОМУ МИРУ

– Дорогой друг и соратник по издательским делам, хотя мы проживаем друг от друга не только на разных материках, но даже и на разных полюсах, чувствуешь ли ты нашу близость в творчестве, в языке, в издательских делах и так далее? Почему я задаю этот вопрос первым, так это потому, что любые крепкие связи могут возникать именно от взаимного расположения (предрасположенностей), так сказать. Хотя я благодарен Мише Нержину из США и Наташе Крофтс из Сиднея, которые лично связали нас для знакомства и сотрудничества, но твои личные ощущения некоего духовного родства через что проявились?

– Приветствую, тебя соратник Сергей! Ты все сказал, но и, конечно же, правильно назвал состав главных действующих лиц. Именно великий энтузиаст русской словесности в США, буквально из ничего, на коленке создававший свои известные на весь мир «Острова» (ни денег, ни технической базы, в одиночку – голый энтузиазм!) Миша Нержин (мир праху его), и такой же комок энергии – талантливейшая Наташа Крофтс из противоположной части света. Вот именно они нас и познакомили к нашей взаимной пользе!

– Я лично так же благодарен и вашему литературному объединению русскоязычных авторов из «Лукоморья», которые с энтузиазмом приняли активное творческое сотрудничество с нашим медийным проектом «Интеллигент». Конечно, я не знаю, как они в целом оценили наши издания по уровню мате-

риалов и по самому печатному качеству наших изданий, но хотелось бы от тебя узнать кое-что об этом. Что же касается вашего издания «Витражи», то оно, конечно, радует большим разнообразием материалов и авторскими работами, где были опубликованы и представители из нашей медийной группы «Интеллигент», которые передают слова искренней благодарности.

– Не надо приbedняться. Улыбаюсь... А если серьезно, то у вас к моменту нашего знакомства уже отметились почти все сколько-нибудь заметные (и знакомые нам) фигуры современной русской словесности из зарубежья, отличившиеся на разных серьезных конкурсах, особенно в Лондоне «Пушкин в Британии», в Льеже «Эмигрантская лира», и в Москве «Золотое перо Руси». Они и до сих пор из всего самые, самые.

– Как я знаю, в самом начале творческие люди собираются в некий коллектив, а затем их творчество ищет реализации, как реального запечатления в некой печатной уже составляющей. Вдохновение может и передаваться, но когда оно еще и запечатлено, то человек получает иное к этому отношение, например, как к некоему своему детищу. Это детище изначально может быть «угловатым», иметь небольшой круг знакомств, но затем идет развитие и признание его по всему миру. Расскажи, когда возникло желание начать издавать альманах «Витражи»?

– Немного о нашем мейбу́рнском альманахе – ежегоднике «Витражи». 27 сентября 2016 г. состоялась презен-

тация очередного, седьмого ежегодника, официального литературного органа Мельбурнского литобъединения «Лукоморье». За семь прошедших лет альманах превратился из провинциального общественно-политического ежегодного сборника в авторитетный международный литературный журнал, известный во всех уголках мира, где представлены, как австралийские авторы, так и наиболее талантливые поэты и прозаики русскоязычного зарубежья и, собственно, России. Альманах очень активно сотрудничает с другими международными изданиями. В редакционном совете альманаха такие известные литераторы, как Вадим Молодой, гл. редактор стильного альманаха «Слова, слова, слова...» (Чикаго) и маститый поэт и переводчик Евгений Витковский, один из основателей известного московского издательства «Паралипоменон», и основатель знаменитого сайта «Век перевода». Редакция альманаха проводила совместные литературные акции с такими очень популярными издательствами как «Новая Немига литературная» (Минск), «Белый ворон» (Екатеринбург), «Крещатик» (Германия-Украина). В 2016 году альманах «Витражи» выступил в качестве спонсора поэтического конкурса небезызвестного и очень популярного среди русскоязычных поэтов интернет-журнала «45-я параллель» (Ставрополь). Призеры конкурса получили возможность быть напечатанными в данном номере альманаха «Витражи». Среди австралийских авторов – финалисты и призеры нескольких международных конкурсов, таких как «Пушкин в Британии» (Лондон), «Эмигрантская лира» (Льеж), «Арфа Давида» (Натания), лауреаты премии «Золотое перо Руси» (Москва). В очередном номере приняли участие 56 авторов: поэтов, прозаиков, переводчиков, искусствоведов, литературных критиков. В семи разделах представлен очень широкий спектр разных направлений русскоязычной литературы, активно функционирующей далеко за пределами Российской Федерации. Все обратили внимание на удачное оформление альманаха, где были использованы мотивы из оригинального живописного творчества нашей коллеги – музыканта, писателя и художника Юлии Леонтьевой. В 2016 году альманах сократил бумажный тираж почти вдвое. Но зато теперь есть возможность у любого желающего просмотреть журнал на интернет-ресурсе «Мегалит», где выставляются наиболее интересные русскоязычные издания, а также заказать бумажную версию через «Амазон». Между прочим, презентация альманаха проводилась при активной поддержке мельбурнского клуба авторской песни «Южный крест», среди которых есть призеры и лауреаты Грушевского фестиваля. Концерт длился почти три часа. Зал был полный, несмотря на невероятные проблемы с транспортом (из-за ремонта линий метро), что говорит о неизменном интересе нашей публики к поэзии. И это радует!

– Мы не были первыми, кто стал сотрудничать с вашим печатным альманахом, но мы можем сказать, что наш медийный проект первым посвятил целый номер русскоязычным авторам из Австралии, о чём было напечатано в «Литературной газете». Расскажи, с кем у вас первым возникли издательские взаимоотношения, с кем они были и перешли в долгосрочные и полноценные?

– В принципе я уже ответил на этот вопрос. То есть первым нашим надежным партнером был именно Миша Нержин и его журнал «Острова». Потом ориентиры, конечно, изменились, мы стали активно сотрудничать с вашим медийным проектом «Интеллигент». К сказанному только можно добавить, что мы сейчас активно сотрудничаем с теми, кто организовывал переиздание наследия «Серебряного века». Неслучайно в редакцию альманаха «Витражи» вошел Евгений Витковский, мэтр российской поэзии и хозяин портала «Век перевода», а также редактор чикагского альманаха «Слова, слова...» Вадим Молодой.

– Как любой проект, и ваш издательский, в частности, тоже имеет свои задачи, цели и некие этапы в развитии, сроки возможного его завершения или, мягче сказать, стать уже некой исторической вехой в современности. Дорогой Залман, можете ли вы это как-то нам обозначить?

– Нам говорят, что наш альманах от номера к номеру становится все лучше. Что может быть более лестного этого комплимента для главного редактора, если учесть, что мы тоже сталкиваемся с проблемами, похожими на те, что я упоминал в связи с Мишей Нержиным, да и с такими же, как у вашего проекта. А цели и задачи всех подобных проектов почти одни и те же, а это создавать исток, а затем и современное течение русской словесности, при этом разливаясь в различных его руслах и вливаясь в мировое русское словесное пространство.

– Наш проект динамично развивается, стал в широком смысле узнаваем и получает со всех уголков земного шара благодарственные письма, дипломы и награды. Наши участники тоже получают признания, а в этом заслуга и вашего лито и вашего издания «Витражи». Мы благодарны за презентации нашего проекта у вас в лито и на национальном радио в Мельбурне, а какие издания и другие СМИ сообщества вы бы могли назвать плодотворными для вашей узнаваемости и развития?

– Это очевидно из вышесказанного. И я, конечно бы, назвал среди наиболее для нас ВАЖНЫХ, а это вашу медийную группу «Интеллигент». Ну и конечно те связи, которые мы развиваем сейчас. То есть 45-я параллель, «Крещатик» и «Белый ворон».

– Хотелось, чтобы вы более подробно рассказали о вашем сотрудничестве с порталом «45-я параллель», как вы оцениваете ваше сотрудничество?

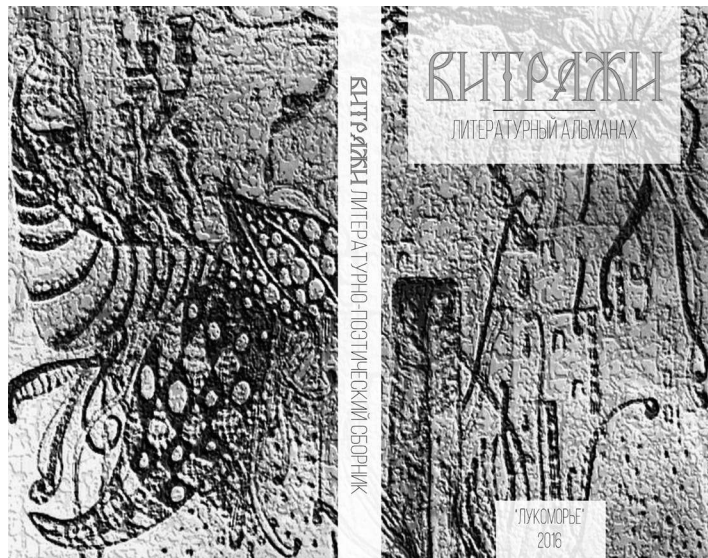
– На пять. Мы очень гордимся, что в этом году выступали в качестве спонсора их ежегодного всемирного поэтического конкурса. В результате их лауреаты становятся авторами нашего альманаха.

– Залман, мы желаем вашему лито «Лукоморье» и вашему издательскому проекту успехов, чтобы оставить значимый след в русском мире, как его частицей в Австралии! Что вы можете пожелать медийной группе «Интеллигент»?

– Держать марку!

– Спасибо!

Беседу провел Сергей Пашков

Залман Шмейлин

Плохо быть меньшинством,
 Это так неудобно –
 То тебя закричат, то тебя заплюют.
 Только и с большинством –
 Ненадежно и стрёмно,
 Быть в толпе среди тех,
 Что поносят и бьют.

Важно знать – каждый день
 Не по милости прожит,
 Что был смысл даже в том –
 Вспыхнул луч и потух.
 Время икс настает
 И погромщиков тоже
 Ставят к стенке
 И Бог к их стенаниям глух.

Выбор очень не прост,
 Чтобы встать, куда надо.
 Сколько б каши не ел –
 От нее только в сон.
 Как поется легко у костра о Гренаде
 Если только не знать,
 Как тот пафос смешон.

Горькой истине той
 Нет тюремного срока:
 Самым лучшим – отказ
 В грандиозном родстве
 Не по паспорту быют
 Повсеместно пророков:
 Свыше много дано,
 Чтоб стерпеть в меньшинстве.

Развилка в поле,
 Выбор двух дорог:
 Пойдешь направо - с чертом лысым в доле,
 Налево – с ангелом, но без обеих ног
 (Выходит в обе стороны не стоит).

Пусть ты сто раз везунчик, Ланселот.
 Земля-то выпукла, да люди сбились в яме:
 Помчишься вскачь, тут бес тебя толкнет,
 А ангелы приходят с костылями.
 Героев пара - Золушка и Принц –
 Кто не готов насквозь протечь слезою
 При виде двух их симпатичных лиц,
 Когда б не знать, что их по сути трое.

Герои мечутся, закручивают зал,
 С подмостков отбивают нам поклоны
 А третий - тот, кто все про них наврал
 Тот знай скрипит и с нас стрижет купоны.

Язык фараонов, Христа и пророков
 Сошел с поднебесья на массы широкие

По лестничным клеткам, на улицы, в поле
 Чтоб стать языком торгашей и застолий.

С крестьянскою косточкой, с феней блатною
 (Наслышаны, есть уже в нем и такое).

Зажатый в колонки газетного штампа,
 Чтоб было доступно таскающим штангу.

И в качестве связки ученому старцу,
 Служителю символов вымерших наций.

Но как же теперь разговаривать с Богом,
 Ведь он не поймет нас, у них с этим строго.

Ведь, как убеждал Сведенборг неопитов,
 Общаются в небе на древнем иврите.

И в небе деревьев всего только пара
 Шина – агава, четко слева и справа.

Дотошно себе подбирают народы
 Синонимы этим древесным породам,

Чтоб каждый был в курсе, тростинкой сгорая,
 Как прост переход между адом и раем.

Шина – ненависть(ивр)
 Агава –любовь (ивр)

НИЦШЕАНСТВО

В Воронеже Санек из ремеслухи
 Брошюрку Ницше перелистывал от скуки

И так увлекся этим психопатом,
 Такое о себе вообразил – куда там,

Открыл внутри себя сверхчеловека,
 Богам египетским равновеликий слепок.

В итоге: двинул челн свой буйным галсом,
 Угробил сдуру кучу душ и тут попался.

Сидеть ему до самой смерти, точно
 Но тут девятностые и воля – по досрочной.

И, чтоб привычкам свежим встать на ноги,
 Он стал работать санитаром в морге.

Ergo, так может Ницше не вития,
 А типа – центральной в некрофилии?

И Гитлер не был бы безумным ретроградом,
 Случись на месте морг с ним где-то рядом?

Я бы дошел без дураков до тайн бездонных
 Но знаю, что, когда дойдешь, то будет больно

Так больно, что зажать рукой не хватит силы,
 Что одному не унести с клубами пыли.

Не поднимай, не вороши, пусть остается
 За мощью всех семи замков от богоносцев,

У женщин, у самих основ природы сущей –
Не забирай, остерегись, так будет лучше

У Бога, чтобы не дай Бог его не сдвинуть
У вечного, как ни крути, жидо-изгоя

Другая, не метрическая мера
(Я что-то слышал, но делиться не намерен).

Пусть даже мириады «как?» с замков сорвутся,
Но пресловутые «зачем?» не поддаются.

Ответов четких не ищу – слуга покорный
Одни «зачем?», «зачем?», «зачем?» на небе черном.

Окружаю себя безделушками:
Деревянные маски, клинки, женские силуэты,
Гаджеты-прибамбасы высушенными тушками
Падающие на бутафорские эполеты.

Золото на папирусе кисточки неизвестного:
Картинки из жизни египетских фараонов,
Дама с единорогом (подделка, если уж честно),
Прочие не менее почтеннейшие фальшивки и клоны

Вызывают сомнения потусторонние смыслы
Вещей, не занесенных в археологические реестры
Но не устаю с азартом по развалам рыскать
В поисках другими недооценённого и ретро.

В тесном пространстве сцепились двое старьевщиков
Один в джинсЕ, другой – в строгом и черном.
Энергично жестикулируют – сомневаться нечего
Это я сам, сам на сам, надвое расчлененный.

Каждая женщина – Ева.
Каждый мужчина – Каин.
Если карга и стерва,
Значит коса на камень

Значит напрасно в мире
Летом трава и росы.
Значит не по ранжиру
Встречали весну и осень.

Значит даже с увечной
Тебе ничего не светит,
Если у этой женщины
Ты не один на свете.

Мир достается нежным -
Прочее не по чину.
Нет нехороших женщин,
Есть плохие мужчины.

Каждый мужчина мечен.
Снобы, идите на фиг -
Нет некрасивых женщин,
Есть плохой парикмахер.

Отрываюсь от земли – в который раз.
Вверх – без крыльев, и моторы не урчат.
Я лечу! Лечу! Лечу! Ура! Ура!
В небе ангелы ручонками сучат.

В небе Боженька сидит на облацах
В окружении ответственных персон.
Я бочком к нему протиснуться хотел,
Мне на ухо зашипели: «П-ш-л вон!».

Мне в лакеях – даже в небе – не резон,
Затеряться среди чистых – не судьба:
Ну, какой с меня святой, ей Богу, но
Ты ж сказала: «Приземленным жить – труба».

На земле бывает тоже благодать –
Чем не рай, когда акации цветут.
Видел небо, значит можно умирать.
Неприлично пребывать и там и тут.

Подружку взгромоздив на табуретку,
Мы с Мишкой разогнались – ой-ё-ёй!
В её укромностях произвести разведку,
Но тайны не раскрылось никакой.

Наверное, мы с ним поторопились.
Война нас подгоняла, спору нет,
Гнала вперед зарядами тротила.
Что возразишь, когда тебе пять лет

Как досаждает – позабуди и вырви –
Период созревания желез,
А он так полон, так насыщен жизнью,
По Фрейду затянувшийся до слез.

Охвачен сразу – прямо от порога
Предчувствием от темечка до дна –
Я б так хотел сегодня верить в Бога
Как верил в детстве, что придет Она.

Отчаянным, совсем не детским взглядом
Сопровождаю, стоя за углом,
Бегущую девчоночку в Зарядье
С мелькающим небесным лоскутком.

Сколько раз начинаешь плясать от печки -
Две трети жизни - это сплошной простой.
И если глазами женщины на тебя смотрит вечность,
Ты понимаешь, какой ты маленький и пустой.

Люди ходят, любят древними видами -
От умиления прольется, порой, слеза.
Но приглядитесь, у сфинкса под пирамидами
Совсем не кошачьи, а женские, с поволокой, глаза

КУБЕР-ПЕДИ

Завтра не приходит никогда
Говорят добытчики опалов
Жизнь – пустопорожняя руда
И опалов в ней чертовски мало.

Оттого и главное – копать
Повезет - и жила попадет.
В том и смысл, чтоб смысла не искать.
Как ни странно, что-то остается.

Кроме бесконечных узких нор,
Вырытых в горячем кураже,
Рукотворных холмиков и гор –
Бесконечных кряжиков и кряжей.

Кроме прихотливости имен
Бузотёров против жизни постной,
(Каждая расщелина и склон
Здесь как повод, чтоб раскинуть кости).

Что-то – поценнее, чем опал,
Красивей, чем черно-красный камень.
Все, что ты нашёл, что потерял -
Это только то – что между нами.

БЕЛЬГИЯ

Майя Шварцман

Майя Шварцман. Родилась в Свердловске (Екатеринбурге), закончила музыкальную школу-десятилетку и консерваторию, скрипач. Работала в театре Оперы и балета. Из России уехала в 1990 году.

Публикуется с 1984 года. Пишет стихи, а также рецензии и статьи о классической музыке. Постоянный автор сайтов Belcanto.ru и Operanews.ru.

Автор нескольких книг, одна из них - с иллюстрациями автора. Живёт в Бельгии, работает в оркестре Европейской филармонии и ансамбле «Paparago».

«...но не хватает букв...»

...но не хватает букв. Пытаясь завоевать хотя бы пядь живой строки, словесный паюс на слух, на вкус перебирать. Всё то, что связкам в поединке не повторить, не уловить, жизнь произносит без запинки, перерастая алфавит.

Какой фонетикой сохранил невыразимый свист вьюрка, звон тетивы, ручья сопрано, трескучий тамбурын сверчка? Каким облечь запечатленьем прозрачный голос, что живёт в протяжных гласных песнопенья на петлях храмовых ворот?

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Знаешь: случится.
Помнишь: наступит.
Тягостно носишь подобно горбу между лопаток незримую стигму, тайную точку прицела на лбу.
Воздух прищурен.
Косым соглядатаем ветер, притворно попутный, летит, мягко толкает настойчивым дактилем в спину, в затылок, а пыли графит путь невзначай отмечает пунктирами.
Влага испарины вдруг хомутом

шею сжимает, и чувствуешь сырым и загнанно-сбившимся сердцем: вedom.

Думал: присмотрен.
Верил: избавлен.
К лучшему, к лучшему, врал назубок.
Выжить бы, выжать предчувствие травли,
скрытой погони... Но как поводок дёргая пульс, пробегают запястьями прикосновенья слепого чутья.
Страхами лижет тебя языкастыми сумрак, предметы глумливо двоя.
Истово, с самозабвенностью нереста множатся шорохи бледных ночниц, пенятся ужасы,
призвук,
шелесты
перьев кошачьих,
змеиных ресниц.

ЖАРА В ГЕНТЕ

Слоёным тёплым пирогом неспешно остывает вечер на противнях нагретых крыш, на плитках кровель.
Как перец, сыплются кругом скворцы из перечниц скворечен, и воздух от заката рыж и полнокровен.

Закрыт в кладовках туч озон для послегрозового рая,
и дымка застилает вид

для фотографий.
Порозовевший горизонт как блин по краю подгорает, над черепицей дух стоит горячих вафель.

И, прижимая к животу ночную площадь словно грелку, не спит старинный городок в плену артроза.
На миг обнявшись на лету, на башне часовые стрелки показывают, глядя вбок на землю: поздно.

В канале мятная вода толчёт собора отраженье и варит круглый циферблат яичко в смятку.
Секунд летучих череда сгорает в фонаря фужере.
Шагами полночи примят бисквит брусчатки.

* * *

На охоту выходят впотьмах.
Шарят в сумерках, дулами дыбась.
Скройся в зарослях звуков, в словах, как в гибискусе прячется ибис.

Растворись, разменяй себя на умолчанье, затишье, безмолвье, вместо голоса пусть тишина защищает подходы к гнездовью.

Научись у кольца полыньи,
обводящего заводь молчанья,
замыкаться в себе, сохрани
с недомолвками и мелочами

всё, что жаль наяву и во снах
обнаружить потерей ли, кражей,
потому что не дремлет в кустах
лис, в листе притаившись бумажной.

АНГЛИЯ

Встречала близящийся берег
рукоплесканьями вода.
Расположилась, как в партере,
в заливе лодок череда.
Они покачивались, мокли,
по пояс погружаясь в рассол.
Иллюминаторов монокли
вальяжно наведя на мол,

паром, устроившись недурно,
разглядывал, задравши нос,
как с меловых утёсов Дувра
пускает ветер под откос
гурьбы гагар, пригоршни чаек,
в момент замусорив залив,
пунктиром птичьим размечая
границы судоходных нив.

Он медлил заходить в фарватер,
покрытый тьмой живых крупниц,
по клочковатой влажной вате
в воде качающихся птиц.
Обрыв прибрежный, зубы скаля,
прибоем дёсны полоскал,
прилив, как крышкою рояля,
волной захлопывал причал.

В глазах рябило. Свет дневалил,
вертелo солнце калачи,
из поднебесных готовален
достав блестящие лучи,
вонзало циркулями в бухту,
чертило блики и кружки, —
а чайки ссорились, как будто
хотели наперегонки

склевать искристую приманку,
набить сиянием зобы,
чтоб горло высветлить с изнанки
и крики хриплые забыть.
Пекло. Всё длилась солнца шалость
над милями морских саванн,
и по-английски, не прощаясь,
из бухты уходил туман.

Так пахнет чаем в Англии трава,
настоям дикой мяты и душицы.
Всё живо в ней, и край любого рва
шевелится и тихо копошится.
Всё в живности: покажется, что высох
на солнце луг, а всмотришься — ничуть.
И в жимолости шорохи, и в тисах
возня; в овсе, что вымахал по грудь,

малиновка горит; поодаль мелко
дрожат шпалеры одичавших роз
и слышен чей-то свист; на пихте белка
сидит, хвостом изобразив вопрос.
Кидается, то в поле, то к откосу
отпущенный побегать фокстерьер
и столбенеет, если из-под носа

выпархивает вдруг — овсянка, сэр!

В стране единорогов их самих
живём уже не встретить: оттого ли,
что корм не тот (по слухам только жмых
сухой они едят), не то в неволе
им не житьё; иль веры в них в обрез,
иль с девами какая катастрофа, —
они ушли в геральдику, как в лес,
и на монетах повернулись в профиль.

Попрятались в печати и гербы,
в приют латыни, в заросли девизов,
застыли там, поднявшись на дыбы,
тем самым словно нам бросая вызов:
Essemus! Как найти теперь твой след,
животное нездешнего покроя,
где взять набор подсказок и примет
чтоб отыскать тебя, как Шлиман Трою?

Со временем всё раздётся вширь.
Пропорции и мерки изменились,
как и ландшафты: там исчез пустырь,
здесь небоскрёб на месте роши вылез.
И если зорко посмотреть с холма,
прищурившись, на городок в долине,
заметишь, что дубравы бахрома
обводит силуэт: он, странно длинен

и крепко сбит, лежит, срастясь с землёй,
домами, переулками; деревья —
смыкают кроны, вылепив листвою
громадину невиданного зверя.
Века прошли, как на спине он лёг
и спит с тех пор, в багульнике и вербе,
наставив в небо потемневший рог,
прикинувшийся шпилем старой церкви.

НА ПРЕЖНЕМ НЕЗАБЫТОМ ЯЗЫКЕ

Да мало ли, где ты озоровал,
сразить друзей стараясь наповал
лихачеством и прытью желторотой,
нырля с обрыва, задира верзил
с соседнего двора, отцу дерзил,
и целый мир лучился позолотой

беспечности. Теперь, когда транзит
привёл тебя туда, где всё сквозит
былым (преувеличенно, как в гриме,
немного чересчур), где на коре
царапинами ножевых тире
твоё же было вырезано имя,

ты полон чувств «вот-мельница-она-
уж-развалилась, дальше-тишина»,
купить тебя за грош, за слово «няня»,
и умиления выдавить слезу,
и раздавить известную гюрзу,
ползущую из черепа преданий,

пожалуй, легче лёгкого. Изволь,
найди архитектурную мозоль,
хоть памятник какому-нибудь другу
детей, что при тебе ещё стоял
(пускай сейчас пустует пьедестал,
снесли — поставят вновь, и так по кругу),

и по незрastaющей тропе,
натоптанной, пройдишь, оторопев
от новизны, от чувства недовеса
в привычной ноше выпрессенной тоски

и созерцанья, как к чертям мирки
летят, хрустя под поступью прогресса.

Он виден в наступленье степеней:
святая ложь становится святей,
плачевные дела — ещё плачевней.
Отметившись у должных пепелищ,
всухую ламентаций не продлишь
никак, а потому — зайди в харчевню.

Хозяин — высоченный, словно жердь,
не тот ли, что... — устроит вмиг конверт
при виде изумрудного дензнака,
разговорится, нож держа в руке,
на прежнем забытом языке.
(Как изменился выговор, однако,

была цинга?) Как дует из окна.
Вздыхает он: «давно нужна война»,
кладёт в камин чурбан: «протопим
малость», —
и тянется к огню — разжечь чубук,
а на полене что-то вроде букв,
корой заплывших, — или показалось.

ПО ДОРОГЕ В ЛИОН

Когда ветра поля опустошат
и стихнут, духоту в разы повысив,
ты узнаёшь по воткнутому в ландшафт
густеющим булавкам кипарисов
о наступленье юга. Их полки
в чешуйчатых, узорчатей жаккарда,
зеленых бурках, крепки, высоки,
теснят простор и заполняют карту.

Под их дозором кажется кипрей
тусклее, проще бабочек наряды,
и магистраль старается прямой
держаться. А в укрытиях цикады,
рассевшись, как на бирже теневой,
без лишних слов, умело, без загвоздок
всё пият зной, деля между собой
последний вид недвижимости — воздух.

ПРИХОД ЗИМЫ ВО ФЛАНДРИИ

Дорога расселась от ливня,
сползла, поскользнувшись, в овраг,
вцепившись в него инстинктивно
кульями корней и коряг.
Туман промокашкой просунут
меж листьев, как между листов,
и веток чернильный рисунок
впитать без остатка готов.

Дотошным жнецом-крохобором
неспешно шагает ноябрь,
обводит ледком тонкокорым
рябины сквозной канделябр.
Дойдя до кустарников шуплых,
тепло вынимает из-под
валежника, роется в дуплах
и гнёзд проверяет испод.

Спортивный, поджарый, чубарый,
играя репьями в крокет,
весь лес превращая в гербарий,
подходит к зеркальной реке,
чтоб магнием, вспышкой зазимка
течение воды ослепить
и глянцем застывшего снимка
на память во льду сохранить.

АРФЕЕВ И ФРИДЕРИКА

Значит, вот у них как. Кисельные берега, цветники вдоль обочин, а у котов на шеях бубенцы. Мостовые без ям и рытвин. «Ну ни фиги себе», – без конца твердит дальнбойщик Арфеев, только теми словами, что лучше знает. Откинув борт, разгружает честь честью тягач с полуприцепом и решает пойти, пятернёй наведя пробор, пошататься, попить пивка, присмотреться к ценам. Он гуляет без шапки, хотя на дворе ноябрь, и бубнит то и дело: а как же, город контрастов, и, в акулый оскал заглядевшись до самых жабер, руку держит за пазухой, крепко сжимая паспорт. Захмелев от трёх банок «Pils'a» и двух «Козлов», он бредёт через парк наугад, и уже нечётки в темноте очертанья беседок, скамей, кустов. Вдруг выходят из тени две или три девчонки. Окружают, трещат, тараторят, не разберёшь, имена свои, что ли, всё Изабеллы да Фридерики, только как-то на Э... и его прошибает дрожь: от одной из них пахнет сладостью земляники, летним лугом, июнем; и смотрит, хотя молчит, будто век лишь его ждала – и Арфееву век не надо никакой другой. Он в кармане стискивает ключи зажигания, загораясь: увезу её из этого ада. И её, шальной от бесстрашия, сам не свой, тянет за руку, а рука холоднее кольца, и, мыча от жалости, просит: пойдёшь со мной? И она, о боги, кивает, и на пальцах: мол, а за сколько?

МАТРЕШКИ

Кем-то давно подаренные, пыжаты за стеклом, рдея улыбкой, блестя кумачовым лаком, чванясь дородством, порождая тайком неприязнь у тех, кто до размышлений лаком. Неумытая наша праматерь, из чьего живота вышли мы, в тысячелетий ретроспективе выглядит мелко: сгорблена, несыта; в смрадной пещере, где хаос и теснота, нет существа забитей и шелудивей. Только из этой грязи, цинги, золотух вышли потомки её, распрямили корпус, своды расширили, мысли, желанья, дух, стали взаправду citius – altius – fortius. В коммуналке матрёшек всё ровно наоборот, старшая – всех крупней, потому матроной наречена. Уменьшающийся приплод держит под спудом в утробе своей скоблёной, в матриархате матки, откуда ввек младшим не выйти в дамки. Зато картинно так и живут друг у друга на голове – поколениями, без сердца, без пуповины.

КРЫСОЛОВ

Исследование легенды о гамельнском крысолове (1284) предполагает, что в роли загадочного дудочника выступил немецкий колонизатор граф фон Шпигельберг, уговоривший подростков попытать счастья в свободных землях.

Несвежим несло от распаренных тел. Совет магистрата, собравшийся нехотя позднее обычного, хмуро сопел. Потели заливки, забытые перхотью. От праведной трапезы осоловев, расселись с ворчаньем, стараясь до вывиха зевоту не выдать, за тяжестью чрев забывши причину собрания вывести. Отчаявшись вовремя веки смежить,

тайком отдуваясь и пальцами путаясь в подпругах фуфак, боролись мужи с тугими узлами, с укусами пуговиц. Тоской о дремоте в раю одеял томился и нервно подрагивал икрами толстяк бургомистр. Но приезжий стоял спокойно и твёрдо – и тростью поигрывал.

Обычная палка, не посох, не жезл, но крепкая видом, чуть что и на вырубку хозяину встанет, хоть лак порыжел и под рукоятью виднеется дырочка. – Я короток буду, – сказал он, – я вам весьма благодарен, почтенные граждане, за благоприязнь к неурочным часам собранья в то время, как отдыха жаждали. Я герцогом послан, чтоб новый приказ, изложенный им в померанском пергаменте, прочесть, как читал уже несколько раз, пока не добрался до славного Гамельна. – Господь повелел: «сохрани и умножь». С тех пор как датчан мы смели при Борнховеде, мы землями стали богаче, – но мощь германского дуба скрывается в жёлуде.

Почтенный закон майората гласит: наследство отца полагается первенцу. Меньшим, как бы ни был отец родовит, со старшим судьбой и мощной не померяться. В соседской же Галлии притча, проста и прямолинейна, живёт: о наследии, где сын от отца получает... kota. Вот, собственно, с этим по землям и еду я. Позволим юнцам отделиться, чтоб не в корчму от безделья брели задубелого, не шли бы в наймиты – пропасть на войне, но земли германские плугом возделывать. Засадим же поле. Дадим же взойти и крохотным зёрнам на нынешней пустоши. От чистого сердца, от полной горсти расеем их шире – с напутствием любящим.

Приезжий закончил с поклоном. Сперва молчало собранье, ворочая шеями: что там, на лице у соседа. Слова не шли из гортани. Не выглядит шельмою, но тон... но кошунство!.. но ереси смрад!!! И с этим посмели прислать басурманина – устроить подкоп, пошатнуть майорат? Так наших детишек из города сманивать? Как будто и так недостаточно дел: и крыс развелось, и у мельника мерина свели, да упился вчера сукнодел – и помер, а долгу оставил немеряно! Не чёрт ли принес его случаем, чтоб бесстыдно над нами глумиться и тешиться? – Да мы... да тебя... – захрипели взхлб, впиваясь от злости ногтями в столешницу.

Не пустим, рычали, сгодятся и тут, хоть сдохнут, а дома, и нечего заново брехать о надеждах, которые ждут мальчишек в краях за горой марципановой. Кому доверчивей сказку сверни про земли да счастье, про зёрна и недра-то, заманишь да бросишь вдали от родни, а то на продажу, в матросы да рекруты? Пристроим, прокормим, а нет – продадим, но сами: в монахи ли, в юнги, в солдаты ли, проваливай с Богом, пока невредим, пока мы бока тебе, горе-ходатаю,

всерьёз не намяли!.. Приезжий молчал.
Потом в пустоту раскалённого воздуха
«о, косность», – в сердцах непонятно
сказал
и вышел, о плиты пристукнувши
посохом.

*

В озеро бросишь пуговицу –
и по воде круги.
Солнце садится луковицей
в постные пироги
туч. В лёгком ветре путаются
посвисты пустельги,
ищущей свежей сукровицы,
лакомой мелюзги.

Белка тревожно цокала,
но не остерегла
слизня на грядках брокколи,
на бузине щегла.
Малым, но всё же соколом –
зоркость плюс два крыла, –
кружит вокруг да около
хищница, как стрела.

Носится над полёвками.
Высмотрев чью-то жизнь –
мышки, вертиголовки ли, –
падает камнем вниз,
чтобы когтями ловкими
жертву под тихий писк
с дьявольскою сноровкою
сцапать – и вознестись.

Спасшимся жить не терпится:
снова на все лады
мелкие твари вертятся,
не осознав беды.
Пчёлы сосут соцветия,
мошек клюют дрозды.
Кажется, что на свете всё
вьётся вокруг еды.

Дома вот так же: войско ли
вражье грозит войной,
крысы тенями скользкими
в город текут ночной, –
только и беспокойства о
кухне да кладовой:
есть ли запас садовыого
сыра, мясной настой

крепок ли, – зорко маменька
за котелками бдит.
В праведном доме каменном
царствует аппетит.
Тучен достаток Гамельна
жиром горячих плит,
славен начинкой правильной
чанов, горшков, корыт.

Всё разжевать, распробовать,
фаршем перемолов,
пивом залить, сиропами,
и не жалеть кусков.
Пастор читает проповедь:
рыба и пять хлебов.
Как тут понять: утроба ведь,
а говорит – любовь.

Видно, на чреве зиждется
веры земной оплот,
если и в катехизисе
сплошь молоко и мёд.
Можно ль к Нему приблизиться,
взявши просвирку в рот?
День ещё, годы, жизнь ли вся
в сытом чаду пройдёт?

Небо, пошли пернатого
ангела, чтоб помог,
юность не дал проматывать,
коршуном уволок
от лежака примятого,
сала, колбас, кишок,
кухни, пропахшей мятою,
круп, запасённых впрок.

Что там вдали, за кручею
каменного хребта,
вправду ли доля лучшая,
та же ли маета,
скука благополучия,
счастья ли полнота?
...Только не выйдет случая,
синяя высь пуста.

Лучше проститься с грёзами.
Вот и вся недолга.
Вечер стоит над озером,
дымка на берега
сходит, стадами козьими
мирно пестрят луга.
С посвистом в небе розовом
плавает пустельга.

*

Шёпотом, жгущим язык,
новости передавали
с жаром, друг к другу впритык,
лбами бодаясь в запале:
– Как, ты ещё не слышал,
всё проворонил, прохлопал?
– Соро...

– Секретный сигнал...
– В лодке...
– С поджогом...
– С подпопом...

– Наших уже обошёл
всех, говорю тебе...
– Сам он
бледен, а плащ долгопол...
– Знатен, но признаков сана
не распознать...

– Ты его
палку-то видел?
– А как же:
в трости клинок боевой
прячется.

– Тоже уж скажешь.
Там замурован флакон.
– С ядом!

– С вином!
– С эликсиром
дьявольским!
– Слышал ты звон!..
– Видел: к губам подносил он!
– Дурни, там наискосок
жёлоб идёт, в рукоятке

дырочка, это свисток.
– Нож, говорю вам!
– Свинчатка.

– Кто уже знает?
– Да все:
мельников Ганс, конопатый
Петер, и Фриц-домосед,
шорников Дитер, Агата...
– Как, и девчонки?

– А то!
Тоже, небось, надоело
в день от мамы по сто
плух получать.
– Так за дело.
– А, ты про это... ну да,
вроде как с Мартином длинным
путалась?

– Что за беда,
ну повалилась на спину,
вместе зато и сбегут.
– Ты-то решил?
– Да страшно,
что с нами будет...

– А тут?
Всех и событий, что шашни
крутят, да хряк в огород
влез, да бузят подмастерья
спяну...

– А Лиза идёт?
– Рыжая эта, что перья
писарю чинит? Ага,
вместе с соседскою Анни.
– Только бы вся мелюзга
не увязалась за нами.
– Лишь не проснулась бы мать...
– С вечера щелку оставляю...
– Так не забудьте: не спать
в ночь Иоанна и Павла...

*

Незначай подойти к ней –
из ряда загвоздок.
Взгляд поднять на неё – не увидишь в
упор,
словно смотришь, прищурившись,
через костёр,
так слонится и мнётся струящийся воздух.
И слова размягчаются,
будто бы в горне
оседает железа расплавленный ком,
и адамово яблоко
сладким куском
застревает шершаво в адамовом горле.
Всё, чем в детстве кололи
в дразнилке ребячьей,
рыжиной и веснушками, вдруг в
волшебство
превратилось,
и дразнит тебя самого,
все значения насмешливо переиначив.
Даже бледность её
стала ежеминутным
вождеднем:
коснуться щеки и волос.
Из-под чепчика пара оранжевых кос,
как лучи из-за облака пасмурным утром.
Превращают всю жизнь твою –
до волоконца,
до прожилка,
до дрожи всего существа –

в подражание подсолнуху, чья голова
от зари до зари околдована солнцем.

*

Топчется тьма, пятится задом,
дремлют дома в душной мигрени.
Вмёртвую спят, выдохшись за день,
склянки лампад, лестниц ступени.
Скинут к утру горы оладий,
шкварки в жиру, сладости в креме.
Шарить впотьмах лакомства ради
крысам в шкафах – самое время.

Ставни едва свет пропускают.
К окнам листва ластится клейко.
Псы не ворчат, зубы не скалят,
и не бренчат цепи и шлейки.
Крепок засов, сторож и скаред.
После трудов ночь-белошвейка
горькой луны выпила шкалик.
Из тишины выплыла флейта.

Нет даже двух нот в переливах.
Что за пастух сиплой фистулой
манит в ночи ярком сметливых,
звук истончив, чтоб караула
не разбудить? В щёлки пытливо
месяц глядит широкоскулый.
Свист – и мелькнёт искра огнива.
Свист – и берёт тихо со стула

платье рука... Тише, не прыскай,
смейся в рукав, тазом да крышкой
не громыхни. Лишь бы от свиста
кто из родни, спящий в обнимку
с плёткой, не встал... ну – по ветвистым
сходям куста – вниз! Недоимка
хватятся враз – вот будет писку!
Нам-то сейчас – воля, а им-то!..

Нам – на простор, прочь от надзора,
наперекор скуке домашней.
За облака, через озёра,
навряд ли – вместе не страшно!
Главное – из будней и сора
в новую жизнь, в бой рукопашный.
Веришь ли, нет – сбудется скоро!
Аж по спине счастья мурашки...

Свист – это зов, плоти призывы
в мир без отцов, к первой свободе.
Свист – это зуд, искусов ливень:
ноги бегут – дух сумасбродит.
Бог ли решил нас осчастливить,
раз попустил слом в обиходе?
...Пёс на шлее дрыхнет – свои ведь.
Будущее – тайно уходит.

*

– Увёл! – бесновался и брызгал вокруг
слюной бургомистр, заходясь в исступлении. –
Сманил, уболтал! – И в неистовстве слуг,
попавшихся под руку, свитком веленевым
с историей города бил и хлестал,
швырял манускрипты, доносы и хроники.
Витраж дребезжал, и подсвечников сталь
звенела, дрожа, на краю подоконника.
– Как ястреб мыша! – по столу кулаком
стучал он в сердцах и кривился с проклятием
от боли в костяшках. – Ведь выждал молчком!
А мы-то растили, а мы-то горбатили!.. –

За окнами выли. Казалось, кипел
и бился о стёкла в припадке истерики
сам воздух. Сбежать бы, но сотнями тел
весь дом был обложен и сзади и спереди.

От женского крика звенело в ушах.
В дверях и на лестнице несколько выборных
уныло топталось – кой-как впопыхах
одетых, с угрюмством на лицах невыбранных.
Толпясь и толкаясь, отцы вразнобой
то к мести зывали, ругаясь немыслимо,
рычали угрозы, давали с божбой
обеты, то калялись сами: раскисли мы,
прошляпили. Время с утра упустив,
сперва по соседям в смятении бегали,
считали пропажи, искали мотив,
друг с другом делились взаимными бедами,
смотрели в кубышки: не убыло ль там
с побегом сыночка; когда же припомнили
приезжего, тут и пошёл тарарам,
куда заманил: в перелесок ли, в волны ли.

В полях, на дороге – нигде ни следа,
ни знака. Пока бестолково елозили,
кидались бесцельно туда и сюда,
делились на группы для поиска, с озера
примчался монашек с рассказом, что снасть
поставил, решив поскоромничать раками,
ещё накануне и, выпавший вельсь,
на берег пошёл за добычей лакомой, –
а лодки исчезли, и всюду песок
изрыт, будто что-то протаснено волоком
к воде, и поломаны стебли осок...
И в городе с плачем ударили в колокол.
Затеяли службу и уйму свечей
затешили разом, да всё было попусту:
вослед за пришельцем сто тридцать детей
как в воду пропали, как сгнули в пропасти.

Их долго искали. Пустили гонцов
по землям соседним, по рынкам и ярмаркам.
Таинственный вор, совершивший отлов
невинных детей, был ославлен как варвар, как
дьявола семя, как ада слуга,
и вмиг в кривотолках, шипенье и шёпote
он вырос до неба, стал хром и рогат,
окутался облаком серы и копоти.
И вскоре позвать бургомистр приказал
двух писарей, каменотёса и резчика,
установил взглядом невидящим в зал
и начал отвешивать, словно затрецины,
пудовые фразы. – Мотайте на ус,
смекайте молчком. Удручённый потерями,
я увековечить событие берусь
в скрижалях и хрониках, в камне и в дереве,

в резьбе на фасадах. Пусть не воскресят
детей письмена, но злодея ославлено я
за то на века. Утопил как крысят,
без жалости, в день Иоанна и Павла – и
запомниться думал на все времена
ловцом человеков? Так вы же без устали
клейте везде его как колдуна
с бесовскою дудкой. Пусть станет изустною
легендой, кошмаром, понятием вне слов,
пусть в пыль и муку перемелется жёрновом
злословья. Пусть в летопись как крысолов
войдёт он – и город избегнет позорного
пятна. В часословах, на плитах полов,
на медных гравюрах и надолбах каменных
чеканьте: он был крысолов, крысолов,
чума и проклятье несчастного Гамельна.

Германия

Юрий Тубольцев

Родился 25 мая 1976 года. Известный современный поэт-неврифмист и минькатурист, писатель и публицист; член Западноевропейского отделения Союза писателей «Новый современник», Международного литературного клуба «ИнтерЛит», Международного союза писателей «Фракция Эпатажистов» и Сообщества Минькатуристов; лауреат Второго этапа Третьего международного конкурса «Вся королевская рать» литературного портала «Что хочет автор», главный редактор сетевого журнала «Речевые игры», яркий представитель современного сюрреализма и основатель течения абсурдософии в литературном авангардизме XXI века. Проживает в Германии (г. Регенсбург) и России (г. Москва).

ТРЕЩИНА СМЫСЛА

- Интерпретация реальности меняет эту реальность.
- Нет ничего нужнее, чем нужная пластинка.
- Никогда не начинай игру, если на доске вместо коня стоит осел, - говорил шахматист.
- У самого моря не может быть горя.
- Первичность вторична, вторичность первична.
- Реальность искажена, но искажена так, как ты сам ее искажил.
- Спешка - это удел пешки.
- И случайно оброненное семя может взойти.
- Главное достоинство смысла - пристрастность и предвзятость.
- Не вешайте не стиранные ярлыки.
- Основание, под которым нету бездны - безосновательно.
- Философ тот, кто плющит выпуклую сущность.
- Кто ищет сахар - находит соль.
- Не сказанность скажется.
- Бред - это когда тихо, а когда громко - это уже дребедень.
- На вершины обобщений поднимаются только самые необобщенные единичные исключительности.
- Кто падает в бездну, тот поднимается ввысь.
- Куда бы ты ни шел - ты всегда будешь находиться в шаге от себя.
- Мрак высекает свет.
- Зачатие смысла всегда непорочно.
- Смысл восседает в седле неисчерпаемости бессмыслицы.
- Буквальное может буквализироваться.
- Слишком высоко поднятую тему потом не удастся удержать.
- Не суди о высоте птичьего полета по курице.
- Играть не пошло, если масть пошла.
- Где двойственность, там и тройственность, а где тройственность - там и стомерность.
- Жизнь - это самовозрождение духа.
- Если зеркало тебя не отзеркаливает, протри себя, а не зеркало.
- Гусь стусился до тафтологии.
- Чем просвещенней век, тем более в нем тьмы.
- Сколько слов поместится на кончике языка? - вопрошал философ.
- Не ищи благое в балагане.
- Скульптор - это тот, кто отсекает лишнее, главного не отсекая.
- История не знает утешительных выводов.
- Человек, разучившийся читать, начинает расчеловечиваться.
- Кто выкапывает истину, тот ее закапывает.
- Внутружа и нарутру.
- Соль в сути, а в нонсенсе - перец, а все вместе - хорошая приправа.
- Жизнь алогична, карту логики разыгрывают только дураки.
- Человек бесценный, даже, если он бесцельный.
- Я стану бабочкой, которая сможет обогнать орла, - сказала гусеница.
- Все связано, но во всем есть неувязки.
- Все беды от обетов.
- Пустота полноты равна полноте пустоты.
- Севышний создал не мир, а миф.
- Не делай из клубка ниток кристалл.
- Соблюдать все запреты - значит жить взаперти.
- Два дурака только вместе дураки, а врозь - умные.
- Случайно все, поэтому нет ничего надежнее, чем надеяться на случайность.
- История есть путь от мифа к мишуре.
- Не все, что кажется - доказывается.
- Змысл и гмысл - это тоже имеющий быть место смысл.

МИНИАТЮРЫ

Земля имеет форму каната, но человек не смотрит себе под ноги и думает, что она плоская.
Путь един, смена пути — это только иллюзия.
Только загнанный в угол может выйти в четвертое измерение.
Орел, который ворчит во время полета — становится индюком.
Отчетливость — враг истины, истина возможна только на полустертом пергаменте.
Как солнце не переставляй — всегда что-то остается в тени.
Дырка в заборе лучше ворот, она всегда открыта для всех.
Жизнь — это раскопки, в которых сам не знаешь, что откапываешь самого себя.
Не все то козырь, чем козыряют.
Из двух зол выбирай то, которое подороже.
Речь — это скорлупа мысли.
Мысль — это только иллюзия мысли.
При смене горизонта меняется и угол зрения на путь.
Пустой сосуд пустотой не наполнить.
Худой субъективизм лучше толстой объективности.
Даже неискаженный факт — еще не факт.
В мире все связано, но связал все ты сам.
Любому существу присуще неприсущее.
Если у медведя в берлоге стоит улей, значит он сам рвет пчелам цветы.
Если из Кенгуру сделать человека, он станет выскочкой, — говорил профессор Преображенский после неудачного опыта с Шариковым.
Сколько попугая за язык не тяни — от него своих мыслей не дождешься.
Не впрягайся туда, куда впрягается твой лирический герой, потому что ты никогда не утонишь за своим вымыслом.
Нежная грубость лучше, чем грубая нежность.
Уступай, но не отступай.
Не все, что мыслится — мыслимое.
Железную логику можно взломать только простым бредом.
Теория принятия решений не работает, когда решения касаются отношений с женщиной и политиками.
Грехи гугла выискивает Яндекс.
Гениальность — оправа внутреннего конфликта.
Тобой вертит то, что вертится у тебя на языке.
Большие сравнения чреваты большими несоответствиями.
Отличай самопознание от самокопания.
Не дай форме формировать содержание...
Здравый смысл лишь крохотный фрагмент абсурда.
У всех гениев комплекс несостоявшегося гения: не могут же они знать, насколько они состоялись...
Не стоит лепить из пластилина кристалл.
Кто играет в Бога — тому в Ад дорога.
Ум дан человеку для того, чтобы он боролся за свое сердце.
Охотнее всего ковбои укрощают неукротимых.
Не высовывайся — подрежут, — говорил куст.
В истории в первую очередь забывается то, что все намерены не забывать.
Человек может разрушить мир, но человек никогда не разрушит миф.
Жизнь сложно не усложнять.
Топнув — нельзя потрясти мир.

Не стоит вешать одежду на спусковой крючок.
Не все, что назревает — созревает.
Бог не портной — судьба не знает примерок.
Нам жизнь дана, чтобы любить и любоваться.
Обида — не лекарство, не надо ее принимать...
Умей читать свои мысли — будь самотелепатом.
И в веселых мелодиях проскальзывают грустные нотки.
Не ищи в толпе тесных отношений.
Судьба идет навстречу тем, кто мечтает дерзко.
Не верь в свои мысли — верь в свои чувства.
Открытые глаза еще не означают, что глаза раскрыты.
Все отложенное становится ложью.
Надень бантик на календарь — и каждый день станет для тебя подарком.
Многие великие подвиги — это великие подлоги.
Не устраивай курице разбор полетов.
Отделяй суть от суеты.
Едкое слово вреднее еды.
Сделай соседей друзьями, но никогда не делай друзей соседями.
Относись к первой попытке как к последней.
Читает только тот, кто читает внимательно.
Иногда надо сделать отчаянный шаг.
Не пытайся испить до дна чашу любви — эта чаша никогда не будет пустой.
Нет ничего длиннее жизни. Нет ничего ее короче...
У того глаз зорче, кто умеет на многое закрывать глаза...
Игра с молодостью всегда заканчивается игрой со старостью.
Жизнь — это всегда протест: у одних — внутренний, у других — внешний.
Какую тему ты будешь развивать — такая тема тебя и разовьет.
Жизнь — это вероятность, вариативность вариантов которой, невероятна.
Не только солнце светит, но землю еще освещает свет от светлых мыслей и идей. Человек — чадо природы, но человечество — ее исчадие.
Информаторы появились раньше, чем возникло понятие информация.
Упертому тупик необходим.
Кто платит за свои ошибки — тот реже ошибается.
Никогда из одной мысли нельзя вывести образ мышления, если это не мысль о любви.
Только слепые отстаивают свои взгляды.
Кто рассчитывает на меньшее, с тем считаются больше.
Не возвышай низменное, не принижай возвышенное.
Меня удивляет равнодушие весов: какой бы не был груз на душе — весы на это не реагируют.
Жизнь — это разминка, во время которой легко разминуться.
Морские коровы, морские слоны, морские львы, морские коньки и морские свинки не верят в существование коров, слонов, львов, коней и свиней.
Что такое искренний оскал зверя, начинаешь понимать, когда улыбаются кошки.
Все перемелится, но не из всего мука будет.
Жратит хватать.

ГРЕЦИЯ

ПЕРЕЛЕТ МОСКВА-ИРАКЛИОН

Радужная туманная дымка родилась еще ночью, дразня фиолетом и чистейшей молочной голубизною. Создавалась иллюзия, что это не мы летим вокруг планеты, а Земля волшебным образом разворачивает страны и острова, а потом один за другим растворяется в этом туманном мареве, укрывая приближающееся чудо. Очень неудобный чартерный рейс «Москва-Ираклион» с лихвой окупился фантазмагорией космических зрелищ в иллюминаторы. Впрочем, пассажиры спали, не обращая внимания ни на могучий Арарат, ни на переливающийся шелк паранджи Турции под мигающей лампочкой крыла, ни на огненные глаза зыркающих фонарей у шевелящихся бровями дорожных развязок. Стамбул удалялся крылатым существом в сияющей мандорле, а из крошечной темноты плавно вырлился рассвет Эллады.

Вот она! Колыбель богов! Гряда Олимпов, ложбиною выложенная для небожителей! Чернота синела, потом голубела, наконец, стерла очертания, и мы влетели в радугу Критского моря. Сверху оно казалось теплым, милым, спокойным и желанным. Самолет начал снижение. Приблизились иглы пароходиков, штопальными белыми нитями наматывающие водяную гладь желанного пространства, в котором Южным крестом таяли Звезды.

Лайнер развернулся, да так резко, что синим хвостом вперед из тумана гигантским коварным крокодилом чуть ли над нами мелькнул Крит.

В эту самую минуту взойшло солнце, мгновенно осветив очень высокие горы, облепленные пронзительно-белыми корбочками одина-

ково-аскетических греческих домиков и розовые пастилки полей с пушистыми точками оливковых деревьев.

Мы быстро сели. Быстро покинули лайнер. Быстро попали в навязчивые влажные жаркие объятия Крита. И долго-долго-долго, пока подавали автобус, любовались удивительно-желтым, низким, зубасто-кусающимся дракончиком солнца, скрученным в непричесанный клубок.

Красивый, современный чистый и небольшой, зато весьма любезный аэропорт Ираклиона радушно принял, проворно проверил документы. Встречающая сторона нас тут же нашла, усадила в автобусы.

- Я сас! (здравствуйте) Калимэра! (доброе утро), - раздавалось отовсюду.

- Эвхаристо! – отвечали мы, что означало «Спасибо!»

Так началась новая эпоха Греции в нашей жизни.

ЗА ЧТО ЯЗЫЧНИКИ НЕ ЛЮБИЛИ ХРИСТИАН

Образовывая себя самих, изучали мы хождения языческих богов Древней Греции. Поиск хоть малюсенького, но языческого действующего храма, посвященного хоть Адонису, хоть Артемиде, хотя бы даже Зевсу или Гере – не увенчался успехом.

Храмов таких ни на Крите, ни на материковой Греции вы не найдете. Греция – страна христианства. Слово Панайот – святой, произошло из здешних мест. Большинство населения принадлежит к Элладской православной церкви, которая управляется синодом столичных епископов, контролируемых Архиепископом Афин. Это старостильная православная церковь.

Храмы строят белыми, в несколь-

ко пределов. Купола покрыты, как правило, оранжевой черепицей и увенчаны оригинальными равнозначными крестами в двух измерениях. Если смотреть на эти кресты строго сверху, то получается четыре стороны, если с боку – пять сторон. А на самом деле, их шесть. Очень интересная крестовина.

Храмы именуют не только в честь христианских святых, но и в честь героев Греции. Это важно!

Греки настолько сильно уходят в христианство, что даже детей называют по святым, если тот или иной ребенок родился в день того или иного святого. Так в греческой семье может быть две-три Марии, пять – шесть Александров и т.д.

Согласно конституции православное христианство является государственной религией. Религия указывается в паспорте. Но есть небольшой процент мусульман, католиков, протестантов, иудеев, свидетелей Иеговы. По официальным данным представителей этнической греческой религии менее 2 тысяч человек. Есть явные гонения в отношении язычников. Но вот они-то как раз более всего и интересуют неслетные потоки туристов.

Здесь рассказали нам удивительные факты.

Изучая «житие святых мучеников» частенько встречаем мы описание, как с первых христиан сдирали живьем кожу, распинали на крестах, бросали в ямы и прочие ужасы темных веков.

С доминантой христианства, пришедшего в Европу, как бы все понятно, единобожие явилось цементирующей функцией в образовании государств. Но остается вопрос – а за что же римляне и древние греки

столь жестоко преследовали первых христиан?

Оказывается – все просто.

Существовал обычай: допустим, в вашей семье четыре человека – вы, ваша жена и двое детей. Но прибывший издалека гость по традиции приносил вашей семье не четыре подарка, а пять. Кому же предназначался пятый подарок? А пятый подарок предназначался духу местности, или Богу, которому поклонялась семья. Зевсу. Гее. Нептуну. Афине. Вашему дому. Или горе. Или озеру. Или источнику. И т.д. Подарки зачастую находили свои места в храмах, посвященных тому или иному божеству.

С приходом христиан обычай разрушился. Гости-христиане приходили без подарка богам. Они не чтити их. Именно поэтому по всей Римской империи шли гонения на христиан.

По прошествии тысячелетия боги и богородицы трансформировались в Европе в святых, которые оберегают дома.

Обычай отмечать день святого семьи или день святого покровителя кого-то из членов семьи живет поныне в Сербии, Болгарии, Чехии, Словакии, других славянских странах.

А Россия справилась с задачей сохранить сии странности весьма интересным способом – она повсеместно оставляет на кладбищах стопарики с водкой, покрытые черным хлебом, на Троицу – пироги с щавелем и земляникой, на Пасху – солнечные яйца, отваренные в луковой шелухе. И по большому счету, необъяснимая здравому смыслу привычка дарить срезанные цветы, которые тут же вянут, – это тоже жертва Духу вашего дома или Вечному Огню во время свадьбы.

АФИНЫ,

МЕТАМОРФОЗЫ ВРЕМЕНИ

Что для меня Афины? Наверное – соленое ощущение моря на губах. Наверное, воткнутый в молоко моря желтый меч солнца. Миф жизни, моей жизни, вдруг пересекший это призрачное отражение в этом месте. Зачем? Только лишь для того, чтобы разрубить мечом слова узлы, завязанные временем?

Забавно, что сами греки зовут себя не греками, а эллинами. И Грецию свою они тоже зовут по-другому. В Греции три тысячи островов, 800 из

которых населены. Сегодня Греция продает острова, кстати по весьма дешевой цене. Их покупают в основном русские миллиардеры.

Забавно, что на восьмиестах островах обитаемой Греции дома гораздо проще наших: беленькие коробки и коробки, беленые известью для дезинфекции и отражения солнечных лучей. И лишь древний Парфенон стоит с резными колоннами. Красивые дома с «выпендрежом» строят в Греции только русские.

Ну, и уж самое забавное, что наше множественное число Афины – вовсе не Афины, а Ра-Фина, название столицы звучит еще и как Ра-тина, или Ра-таена. Поневоле задумаешься над названием Ра-таена – тайна бога?

Афина научила греков пользоваться оливками. По легенде – копье Афины расцвело и превратилось в оливковое дерево. Сейчас мы понимаем, что это был поистине божеский дар! Недаром ее именем названа столица.

Греки – народ своеобразный. Можно сказать, их хитрость оттачивалась веками. Возьмите похождения Одиссея, которого никто не мог перехитрить!

В наше время хитрость самих греков замкнута на греческую власть. Тут как бы кто кого перехитрит. Чуть подорожает земля, греки тут же станут вырубать оливковые деревья и продавать землю. Но вот власти дают субсидии за каждое оливковое дерево – и деревьев становится больше, чем на самом деле – кто же будет деревья считать? Где произрастает 300 оливок, по документам может быть представлено 500! Поэтому действительное количество оливковых деревьев могут подсчитать только космические аппараты, которых у греческих властей нет.

Забавная история произошла с археологом Эвансом. Когда ему захотелось откопать Кносский дворец, он выкупил оливковые деревья на холме. Естественным образом их потом удалил.

Хитрость греков наблюдать можно повсюду.

Ну, например, чтобы не платить государству налог за второй этаж, они живут всю свою жизнь в официальном недострое. Когда вырастают сыновья, и в домах становится тесно, может быть те и отстроят второй

этаж, а за ним – третий... Создается впечатление – что вся страна не достроена! На период туристического сезона строительство тем более прекращается, чтобы не мешать гостям наслаждаться прелестями местного климата.

«Cera! Cera!» (никуда не надо спешить) – любимая поговорка греков. «Festina lente (фэстина лентэ – торопись медленно)» – переняли у них латиняне.

Но самое неторопливое к Греции – это солнце. Оно полновластно, величаво, спокойно, жизнеутверждающе, бело! Солнце-художник раскрашивает небо и землю каждый день по-разному, будто хочет поведать своею живописью вариации языка, художественных форм и смыслов. Преподать уроки живописи – художникам. Научить искать новые выражения – поэтам. Понимать бесконечность – философам...

Солнце-солдат ежедневно идет на бой, как добрый богатырь. Солнце любит и согревает, милует, помогает и наказывает одновременно, гладит миллионом лучей всех одинаково нежно, целует и проникает в каждое живое и неживое существо.

Еще каких-то четверть века назад отцы не сильно-то жаловали дочерей и отдавали им в наследство самые плохие участки земли – острова, морские пески, побережья, где олива никогда не станет плодоносить. Но солнце, наверное обидевшись, сыграло с жадными несправедливыми греческими отцами злую шутку. Получив побережья, нынешние владелицы настроили гостиниц, и процветают в туристическом бизнесе. Мужья же задействованы теперь у своих богатеньких жен на посылках.

Греки мужчины любят поговорить о политике и спорте.

Сейчас спорта нет в школах – они сетуют. И жалеют о временах «черных полковников».

Гречанки женщины любят поговорить о превосходстве своего товара над соседским. Пытаются в каждой забегаловке засунуть вам в рот ложку своего оливкового масла. А, если вы уже попробовали чего-то, то как бы и неудобно отказываться купить бутылочку, другую совершенно ненужного вам продукта Греческих гор.

Греческие дети... Ох уж эти греческие дети! Нет существа на свете более шумного, чем греческий ребенок!

Афины живут скромнее, чем островные города. Русских там очень любят, впрочем, как везде, пока у наших есть деньги...

А иногда смеются над привычкой пить чай, а не кофе:

- Чай хотите? Летом? Ну, нет! Аптека там!

Вместо чая греки пьют лекарственные травы.

Англичан и немцев не любят вообще, из-за пьянства и разврата. И последние годы отели частенько отказывают им в приюте. Это приятно, потому как русские все-таки ведут себя значительно культурнее европейцев.

Все знают, что именно здесь родились Олимпийские игры, причем только лишь мужчины могли принимать в них участие. И даже зрительницами женщинам запрещалось быть! Как так? А так, что выступали мужчины совершенно голыми! Жарко...

К разговорам о спорте – олимпийские игры ведь шли раньше на территории России! Заглянем в учебник истории.

«Быстро облетевшей розой» назвал греческую античность немецкий философ Гегель. Одним из самых окраинных лепестков этого удивительного цветка была греческая колония, основанная на берегу Анапской бухты во второй половине VI века до нашей эры на земле местных племен синдов. Город носил название Синдик до вхождения в состав Боспорского царства – объединения греческих полисов в Северном Причерноморье со столицей в Пантикапее (Керчь). Царь Левкон I (390-348 г. до н.э.) направляет в Синдику в качестве наместника своего брата Горгиппа, который прекращает междоусобные войны и подчиняет синдские племена Боспору. При Горгиппе осуществляется планировка жилых кварталов, ведется активное строительство, развиваются ремесла. По предложению оратора Демосфена в Афинах, на горе была воздвигнута статуя Горгиппу за особые заслуги перед метрополией. В его честь нынешний город Анапа получил название Горгиппия.

Важную роль в экономике города играла торговля. Через гавань Горгиппии осуществлялся вывоз: хлеба и другой сельскохозяйственной про-

дукции, транспортировалось вино и оливковое масло в амфорах, расписная чернолаковая керамическая посуда, изделия из бронзы, мрамора, стекла, драгоценных металлов и камней, ароматические масла. Торговыми партнерами Горгиппии были Афины и другие города материковой Греции, центры средиземноморского бассейна (Хиос, Фасос, Родос, Лесбос, Книд и др.), причерноморские центры (Синопа, Гераклея, Херсонес и др.), города Боспора, варварский мир.

Жители греческих колоний, как и сама Греция, поклонялись Зевсу, Посейдону, Деметре, Афродите, Гермесу, Дионису, Аполлону, Гераклу, многим другим богам и героям греческого пантеона, в честь которых сооружались величественные храмы и святилища, воздвигались статуи, устраивались праздники и спортивные состязания.

Царство Горгиппия просуществовало 8 веков. Для сравнения, Москве (официально) – чуть более 850 лет!

14 тысяч слов в современном русском языке позаимствовано с греческого. И примерно вдвое больше взяли греки у этрусков. Поди догадайся, кто там в этих исторических пластах первичен!

Кроме культурного наследия в виде легенд и мифов, керамики, остатков архитектуры и мраморных статуй, в современность перешел обычай Олимпийских игр и Олимпийского огня. Тоже не понятно, кто спортивные состязания ввел первым – греки или этруски.

Напомню о том, что Олимпийский огонь, что символически горел на Зимней олимпиаде в Сочи, зажгли сначала в Греции 29 сентября 2013 года за 131 день до старта Олимпиады. Церемония зажжения состоялась в Олимпии на развалинах храма богини Геры с участием 20 актрис в ролях жриц. И Елена Менеаки, выступившая в роли верховной жрицы, произнесла: «О, Аполлон, бог солнца и света, пошли свои лучи и зажги священный факел для гостеприимного города Сочи. И ты, о, Зевс, подари мир всем народам земли и увенчай победителей священных состязаний». По традиции, факел был зажжён от солнца при помощи специальной линзы. Тоже, кстати гово-

ря, языческая жертва богам:)

За путешествием языческого Олимпийского огня следила вся Россия, да и весь мир, пожалуй. Он побывал на Северном полюсе, на дне озера Байкал, на вершине Эльбруса. Один олимпийский факел (но не огонь) побывал в космосе на МКС — ее вынес за борт корабля Сергей Рязанский, наш друг. Именно этим факелом зажжена чаша стадиона Фишт в Сочи на церемонии открытия.

Свидетельства о том, как спортивные состязания проходили много веков назад, сохранились в краеведческих музеях.

Мы видим, к примеру то, чем же награждались победители. Им вручали торжественно при всем народе кубки, полные оливкового масла либо ароматических масел. Это сейчас спортсменам дарят пустые горшки.

Уместна тут будет песенка Вини Пуха: «Вот горшок пустой. Он предмет простой. Он никуда не денется. И потому горшок пустой гораздо больше ценится».

Греки пренебрежительно относились к людям с рыхлыми мышцами – они считали их лентяями, не работающими над своим телом.

Вино разбавляли ровно половину. Пить вино неразбавленным считалось плохим тоном.

Но теперь для туристов плохого тона не существует. Греция, как и другие страны Евросоюза давно приобщилась к общеевропейским традициям.

Вот и голубой флаг Еврозоны можно наблюдать повсюду.

Современные Афины – город туристов. Перед отелями – несколько флагов, принадлежащих посетителям в знак уважения. Российские флаги на гостиничных комплексах – не редкость, а скорее закономерность.

Афины – политический центр страны. Здесь еще помнят черных полковников 1967 года, которые привели в порядок все дороги, мосты, коммуникации, ввели комендантский час, бесплатное образование, но и тотальные проверки никто не забыл. Если делать кальку на Россию, время черных полковников можно сравнить со сталинским режимом. От экскурсоводов вы можете услышать следующие небылицы - подобно декабристам «черные полковники»

ввели танки на территорию Университета в 1973 году, мамы студентов взбунтовались, и черных полковников в 74-том свергли... Если кого-то интересует факт существования черных полковников – он самостоятельно разыщет без труда несколько официальных и неофициальных версий. «Для того, чтобы видеть будущее, мы должны знать настоящее и прошлое», – говорил Геродот.

А ныне многие молодые люди ходят в черном, подражая черным полковникам. Их лозунг «Свобода или смерть!» и сейчас будоражит умы греков, история государства которых – сплошная история войн.

Еще одна интересная особенность Греции, и Афин в частности, как ее столицы, то, что на археологию выделяется крайне мало средств в отличие от Вены или Брюсселя, не смотря на то, что она – страна, входящая в ЕС. По этой причине в стране говорят не только о «черных полковниках» но и о черных копателях. Впрочем, и то и другое карается жестко законом.

Врачи считают, что Средиземноморский климат оптимален для здоровья человека. 300 дней в году здесь светит солнце, и лишь 60 дней – осадки. По той причине, что здесь мало дождей – и крыши плоские. Снег – большое удовольствие в Греции. Но именно боясь снега, греки неохотно посещают нашу снежную родину. Ничтожный процент туристов греков объясняется их оправданием: «Мы же в России замерзнем!»

БАЛКОНЫ МАЛЕНЬКИХ ГРЕЧЕСКИХ ГОРОДОВ

Все знают, что вся БАЛКАНА была под Турцией 500 лет. Кстати говоря, и Крит и Греция тоже были под турками. Греция – 500 лет, Крит – 200!!! От турок остался протест критян – женщины не покрывают головы в православных храмах, в отличие от тех времен, которые были до турок. Языческая вера вытравлена в Греции на 100%. Вы не найдете ни одного языческого храма. Но бойкая торговля изображениями языческих богов идет повсеместно! Их изображения на домах и общественных местах. Даже в кафе и туалетах, названиях улиц и городов.

Повеселила деталь с балконами. Греки строили их открытыми. Слегка похожими на балконы Испании и Италии. Балкон должен продуваться и в тоже время гречанка может видеть всех, кто проходит по улице, чтобы с ними шумно беседовать. Вообще, греки достаточно шумный народ, не шумнее испанцев, но все равно, весьма громкий. А вот прямо напротив такого вот греческого балкончика через пару метров улицы мог находиться балкон турецкого дома. Он, как в парандже весь-весь зашит досками. Иногда даже выкрашенными в черный цвет! Из-за этих досок весьма любопытная «турецкая женщина» смиренно все свои 500 там или 200 лет тоже могла сидеть, перебирать свое золотишко и как из под паранджи наблюдать за жизнью оккупированного ее современниками греческого городка.

После освобождения от турецкого ига женщины, так уставшие от «не свободы» теперь в греческих храмах платок не одевают.

ПОЛИЦИЯ ГРЕЦИИ

Полицию в Греции почти не видно. Если возникает чрезвычайная ситуация, то моментально может появиться пара быстрых современных мотоциклов. Мотоциклисты стройны, опрятны, трезвы, смелы и красивы. Их отбирают по какому-то особенному принципу, и в народе кличут «атлантами».

Подкупить полицию Греции невозможно. Им хорошо платят, но и попасть в полицию трудно. Как в наши войска спецподразделений.

Иногда мотоциклисты останавливают туристические автобусы и сверяют наличие пассажиров с заявленными карточками.

Ни один автобус в Греции не возьмет вас ни за какие деньги. Лишние люди принесут водителям баснословные штрафы.

Полисмены наводят порядок моментально.

Иногда их вызывают, чтобы направлять толпу сумасшедших туристов с парома на паром.

Вот с такими «атлантами» лучше не шутить и слушаться неукоснительно.

Полисмены Греции красивы физически и духовно и ничего с нашими

«ментами» и «понтами» не имеют.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОЛИМП

«Красота – в глазах смотрящего» – говорили древние греки. На это можно ответить только то, что мудрость – в уме ищущего. Когда мы с сестрой были детьми, мама по вечерам читала вслух мифы и легенды древней Греции. После прочтения мы живо обсуждали их, поэтому запомнили на всю жизнь. В докторской я частенько ссылаюсь на эти «мифы». Что же удивило в поездке?

Облака здесь, как горы. А горы, как облака. По утрам они сливаются в море и танца с ветрами. Гуашь, смешанная с молоком моря и ультрафиолетом солнца, растекается среди фантастического пейзажа, позволяя собою любоваться бесконечно долго.

Боги живут на Олимпе. Отсюда произошли Олимпийские игры. С воздушного лайнера Олимп – вовсе не одна гора. Их несколько! Горы похожи на некую колыбель с горами-подушками или весьма существенными сооружениями по бокам. На этих горах жили «боги». Сейчас Олимпийские горы застроены внизу. А на вершинах – оборудованы для передвижения туристов. Добраться к «Олимпам» можно из города Салоники, кстати говоря, их оттуда отчетливо видно. По масштабу ориентирую, это как – от Москвы до Владимирской области.

Полуостров Халкидики, где Салоники – на самом корешке материковой части, трехпалой лапкой тигрули вцепился в Эгейское море.

По сравнению с другими горами Греции, Олимпы (назовем их во множественном числе) более зеленые и более холодные, заросшие лианами и хвойными высокими деревьями. Это груди Греции, в которых стучат сердца Богов. На их вершинах бывает снег. Дорога к Олимпам – вся в живых изгородях, оплетенных лианами виноградников и олеандров.

Если бы не друзья, экскурсия к Олимпу вылетела бы нам в копеечку!!!

Когда год назад мне вручили медаль конкурса «Литературный Олимп», я не предполагала, что окажусь и впрямь на Олимпе.

До «величественного снега» мы естественно не добрались – а вдруг

боги обидятся. Мы уж так, сфоткались у подножья.

Когда я показала фотку одному из родственников он начал смеяться – мол – зачем вам эти медали и эти дипломы, главное мерило жизни – это деньги – дали бы штуку баксов, вот это было бы наградой.

Я подумала, если бы мне дали «штуку баксов – я бы их потратила на то, чтобы съездить в Грецию...

Здесь, на вершине, есть кафешки, где накормят быстро и вкусно. Особенно хороша тридцатисантиметровая картошка, нарезанная ломтиками и пожаренная во фритюре оливкового масла!

Горы Греции похожи на лица людей, гигантов и героев, что улеглись в море отдохнуть, да так и остались навсегда в земном раю среди цветущих крокусов и олеандров.

КУРИНЫЕ БОГИ ГРЕЦИИ

У меня есть маленькое хобби. Со всех стран я везу камни с дырочками. Если в дырочку, сделанную природой можно увидеть солнце – это уже Куриный Бог, отпугивающий всех злобных воров. Такие камешки попадают мне и в Индии и в Испании и в Крыму и даже в Москве... Из Калининграда я привезла янтарик с отверстием внутри. Из Калькутты – красный коралл... А вот на Крите и стараться не надо их искать. Они повсюду... иногда из мрамора, иногда из песчаника, иногда из мергеля... Куриными богами украшают садики и даже ступеньки магазинов.

Самые красивые и самые махонькие пополнили значительно вес моего личного багажа.

КРИТ – ОСТРОВ ПЯТИ МОРЕЙ

На Крите нет железных дорог. Зато есть прекрасные аэропорты и замечательные гавани, оборудованные под паркинг кораблей, судов и паромов.

Мифический и легендарный остров пяти морей, простой и сложный, не богатый и не бедный, средний, нормальный, жаркий, высокий и глубокий: на Севере омывается Критским морем (110 - км от Европы); на Западе - Ионическим морем (175 км от Азии); Эгейским морем - на Востоке (рукой подать до Турции!); и на юге – Ливийским морем, переходящим в Средиземное (300

км. до Африки).

Столица Крита Ираклион или Гераклион, название может звучать и как Хераклион - все зависит от того, на какой точке Крита произносится. Но смысл один – остров назван в честь героя Эллады Геракла или Геркулеса.

Растительность совершенно другая, чем в Средней полосе России. Земля – жирные глиноземы, смешанные с песчаником, местами розоворыжие или буро-красные, иной раз голубоватые, серые, сливово-бардовые, они позволяют грекам собирать урожай три раза в год. Здесь превосходно вызревают не только яблоки и груши, но и персики, апельсины и даже бананы. Но символом Греции является оливковая ветвь, так как лучше оливок и маслин нет во всей Европе. Ядовитых змей тут нет. Говорят, это Святой Тит изгнал всех змей с острова. Крит является местом отдыха мигрирующих перелетных птиц из Европы и Африки. Здесь водятся критские орлы, с размахом крыльев два с половиной и три метра, бородачи, ястребы и грифы.

От санкций критяне заплакали. Все продукты гнивают. Крит мечтает об одном – снова выйти из состава Греции. Все, что сейчас происходит в политике Евросоюза, критяне резко осуждают, они, как никто другой, ратуют за безвизовые отношения с Россией.

На Крите родился Зевс, поэтому, как считают местные жители, он одаривает их солнечными днями, необходимыми для процветания.

Ценность земли определяется количеством оливковых деревьев на сотке, ведь Греция кормит всю Европу оливковым маслом.

ЛЕГЕНДА ТАЛОСКИХ ГОР

Если вы попадете на Крит, без легенд не обойдется ни одна экскурсия, ни одна беседа, ни одно убранство дома, гостиницы, бутика.

Вот, например, едете вы в автобусе мимо Талоских гор, похожих на пирамиды... Что за Талоские горы? Их нет в русских путеводителях. Но зато есть сведения о некоем Талосе.

Чтобы понять, кто такой Талос, и почему изображения Робокоса с крыльями оставлены на древних монетах, надо распутать клубочек родственных связей Богов и Героев.

Юрий Петухов в многочислен-

ных исторических исследованиях и книгах доказал, что имена всех греческих богов не переводятся с греческого, но легко понимаемы на русском. Особенно хотелось бы отметить среди серии этих книг, издание «Дорогами богов». С этими научными доводами нельзя не согласиться. Тем приятнее углубляться в доисторические подробности.

Крит связан с судьбами небожителей, описанных в мифах Эллады.

Итак, Зея (Мать Земля или богиня плодородия) родила от своего мужа Кронуса (Крона) Зевса, который по предсказанию оракула должен был уничтожить своего отца. Кронус поедал детей, чтобы ни один из них не мог осуществить предсказание. Поэтому с помощью дочери Геи и отца Крона Урана мать прятала Зевса в пещере. Воспитывали Зевса Нимфы. Когда он сверг отца, стал хозяином неба.

Однажды в Финикии Зевс встретил красотку Европу и похитил ее, превратившись в белого быка. На Крите у Европы родилось три сына: Минос, Радамант и Сарпедон. Минос оставил о себе память, как мудрый и справедливый царь Крита, столицей которого был Кносс (ныне Ираклион, Северная часть Крита), а важнейшими центрами — Фест (также префектура Ираклиона, ныне плато Мессара на Южной части Крита) и Кидония (ныне Ханья). Руководить государством Миносу помогал его брат Радамант, в то время как Сарпедон основал собственное государство в Ликии (ныне часть Турции). Культурное наследие ликийского народа дошло до нас на его бывшей территории между Далманом и Антальяй в виде надгробных памятников: среди них есть высеченные в скалах гробницы, похожие на храмы, а есть саркофаги, вертикально установленные на пьедесталах.

Но вернемся к древним мифам.

У Зевса, отца Миноса был искусный сын Гефест – бог огня и железа. А в Афинах проживал изобретатель и поэт Дедал. По заказу Зевса они соотворили первого в мире робота Талоса, который защищал минойский Крит от вторжений, золотую собаку, от которой не мог сбежать никто и колчан со стрелами, которые всегда попадали с целью. Все это достояние было передано в дар любимой Евро-

пе за рождение трех сыновей - Миноса, Радамантиса и Сарпедона.

На монетах, найденных в минойском дворце Феста, Талос изображен молодым, голым и крылатым. Вероятно, крыльями можно объяснить его высокую скорость, поскольку он мог за день трижды облететь Крит. Робот никогда не спал.

Внешне Талос похож на огромного человека, с телом из меди. У него была всего одна вена, поддерживающая его жизнь. Она начиналась на плече и заканчивалась в лодыжке, а вместо крови в ней текла расплавленная сталь. На лодыжке были вкручены медные гвозди, которые не позволяли стали вылиться.

В минойском Крите не обнаружены следы стен, защищавших город, поэтому Эванс - археолог Кносса, говорил о знаменитом и удивительном «минойском мире» (Ραχ μίνοισα), которым мог быть следствием защиты летающего робота-великана, способного защищать территорию камнями.

Похоже, что Минос был в полной безопасности с таким охранником. Талос не позволял ни одному вражескому кораблю приблизиться к берегу, бросал огромные валуны, топившие деревянные корабли. Если же какому-то кораблю все же удавалось избежать потопления и он причаливал к берегу, то его ожидал неприятный сюрприз: Талос входил в воду, его бронзовый корпус нагревался, и корабли сгорали дотла.

Существует легенда, по которой жители Сардинии (Италия) были сожжены, и поэтому их тела были найдены с открытыми ртами от боли и ужаса.

По летописям, что оставил Гомер, после расправы над врагами Крита Талос разражался смехом. Возможно, от этого произошли такие понятия, как «гомерический смех», «сардонический смех», т. е. саркастический смех победителя, который издевается над побежденными.

Защита Крита была не единственной обязанностью Талоса, он также должен был защищать критян от несправедливости. Трижды в год он облетал все деревни, неся на спине бронзовые плиты с выгравированными божественными справедливыми законами. Целью было обеспечение соблюдения этих законов в государстве.

В городах ответственным за соблюдение законов был Радамантис, и его брат Минос, ставшие после смерти судьями душ в Аиде и символами абсолютной справедливости.

И все бы продолжалось по сей день, пока не вмешалось колдовство!

Прибыв на южное побережье Крита, аргонавты решили отдохнуть и пополнить запасы провизии. Напомним, что «Аргон» уже прошел Колхиду, где Ясон с помощью колдуньи Медеи (дочери царя Колхиды-Эгиссы) добыл золотое руно. Помимо руна, он взял с собой и свою возлюбленную Медею. В мифологии упоминается, что Медея была племянницей Пацифеи (жены Миноса и королевы минойского Крита), вероятно именно поэтому они выбрали для остановки Крит.

Подойдя к берегу, они столкнулись с гигантом, бросающим в них камни. Корабль мог затонуть, пока за дело не принялась Медея. Она заговорила с Талосом, наложив заклинание, она заставила Талоса вынуть гвозди с лодыжек. Таким образом, вся его «кровь» вылилась, и на землю рухнуло бездыханное тело. Существует вторая более короткая версия, по которой Медея, заглянув Талосу в глаза, и произнося заклинания, свела его с ума. Талос начал метаться из стороны в сторону, сбил гвоздь, после чего погиб. Но принцип «колдовства» племянницы хозяйки Крита один и тот же.

Память о Талосе хранится ныне в названии Талосских гор, он в виде крылатого юноши, с камнями в руках изображен на монетах древнего города Фест. Упоминается в драме Софокла «Дедал». Платон сделал из этого мифического героя полицейского чиновника, три раза в год объезжавшего остров и следившего за порядком и правосудием. По его истолкованию, Талос обходил все селения, блюдя в них законы, записанные на медных табличках.

В наши дни греки называют Талосами китов и других крупных млекопитающих, время от времени появляющихся у побережий.

ФОДЕЛЕ ДЕРЕВЕНЬКА

ЭЛЬ ГРЕКО

Фоделе – проста греческая деревень-

ка. Вот только все, что она производит, продается туристам очень дорого. Ведь половички качественные. И превосходные горшечные изделия. А какие классные фигурки древнегреческих богов и магнетики на холодильник!!!

В Фоделе останавливаются туристические автобусы, чтобы в промежутке меж экскурсиями путешественники могли оценить народное творчество, освободить кошельки от лишних «эврО» (они делают удаление на последнем слог) и подкрепиться.

Строение деревянной кафешки оказалось весьма фундаментальным, поскольку потолок составляли широкие балки, выточенные особым способом. Вдоль лестницы по перилам висела лоза. Свободные места таверны были украшены тычками, луком, бутылками вина, кувшинами и разной деревенской утварью.

За очень малые деньги в просторных залах, метров эдак по 40-50, без стен, чтобы можно было дышать во время сиесты, на широкие столы подавали гостям гигантские тарелки с греческим салатом под оливковым маслом, барашка, запеченного в овощах, домашние крепкие наливки и вина. Домашнюю сметану. Жареную огромную картошку. Фаршированные перцы... Это было бы очень вкусно, если бы не было так всего слишком много.

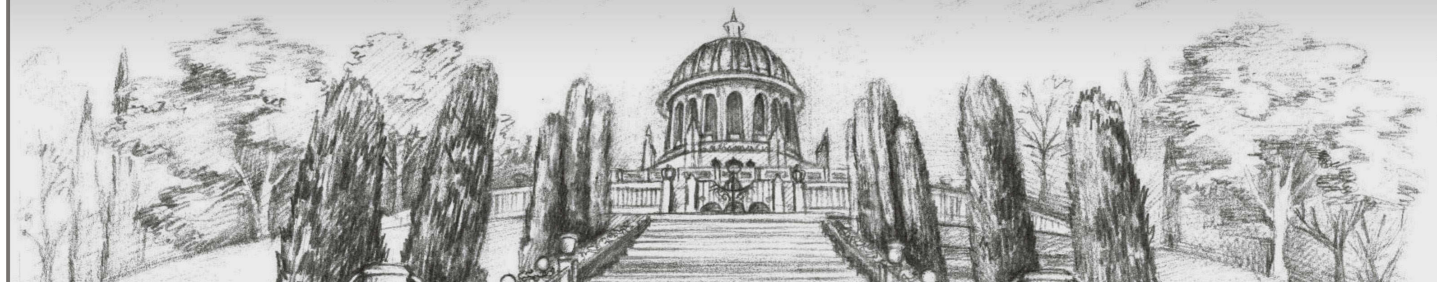
Фоделе гордится не только кафешками, убажками желудка туристов. Здесь когда-то жил, а может и родился (версий много) знаменитый на весь мир художник Эль Греко. El Greco по-испански буквально «Грек», настоящее имя Доменикос Теотокопулос, греч. Δομήνικος Θεοτοκόπουλος; 1541—1614) — испанский художник. По происхождению — грек, уроженец острова Крит.

Он работал в Италии, служил в Испании королю Филиппу II, и был учеником Тициана, и даже осмеливался критиковать работы Микеланджело!

О его родителях нет никаких достоверных сведений, как, впрочем, и о его детстве. Творческая жизнь полна великих достижений. Однако, умер он в Испании в глубокой нищете, оставив после себя лишь библиотеку...

Светлана
САВИЦКАЯ

ИЗРАИЛЬ ХАЙФА

ИННА КОСТЯКОВСКАЯ

Член союза русскоязычных писателей Израиля. Автор семи поэтических сборников. Сборник стихотворений «Философия любви» (Хайфа, 2013) занял 4 место в литературном конкурсе «Лучшая книга года 2014» в Берлине, (диплом за поэтическое мастерство). Финалист турнира поэтов в Лондоне «Пушкин в Британии 2014». Публикации в журналах: «Зарубежные задворки», «Эдита», «Мастерская» (Германия), «Интеллигент» (США) «Литературный» (Москва), «Лексикон» (США), в электр. журналах «Наука и жизнь Израиля», «Исрагео», «Еврейский мир» (Нью-Йорк), «Новое резюме», «Континент», «45параллель» и др.

ЧИТАЯ БРОДСКОГО

Кому сейчас поэзия нужна?
Когда в почёте грубые подделки,
гармония становится чужда,
слова и чувства так обидно мелки...

Кому нужны души твоей мотивы,
летающие куда-то за моря,
Пропали Музы и умолкли Лиры,
замёрзла песнь на дате января.

Но остаётся призрачная нить,
пусть паутинкой тонкой на балконе...
И хочется стихами говорить
в последнем вздохе, крике или стоне...

ЛИНИЯ ГОРИЗОНТА

«Человек есть то, что он видит»

Линия горизонта
снова смущает нас,
кто-то чужим аккордом
вяло играет вальс.
Звезды на небе гасли,
в дымке качался порт,
песня тоски не нас ли
в ранний закат зовёт?
И уходили в небыль,
и превращались в пыль,
дали, в которых не был,
дали, в которых был...

По какой-то беспечности,
убегая из тьмы,
на билет в поезд Вечности
не просили взаимы.

И к далёкой России,
через множество лет
Вы вернётесь Мессией —
безысходности нет...

И над Вашею строчкой
вдруг появится нимб,
и конечною точкой
есть созвучие рифм...

ТОМИК БРОДСКОГО

Старый томик Бродского,
Чёрный и худой...
В нём тоска сиротская,
Пахнет он бедой,
Словно песня воина,
Время победив,
Дух мой неустроенный
Лишь тобою жив!
И к тебе печальному,
Верному товарищу
Я брела отчаянно
Сквозь души пожара,
Через муки совести,
Через пепел лет,
Радости и горести,
Суту сует...

По какой-то беспечности,
убегая из тьмы,
на билет в поезд Вечности
не просили взаимы.

И к далёкой России,
через множество лет
Вы вернётесь Мессией —
безысходности нет...

И над Вашею строчкой
вдруг появится нимб,
и конечною точкой
есть созвучие рифм...

«Жизнь — холмы, холмы...»

В делах мы не исполины,
с забвением обручены.
Смерть — это лишь равнины.
Жизнь — наши в ней холмы.
Собрав последние силы
карабкаемся вверх.
А кто-то плюёт нам в спины
и слышится чей-то смех.

Так будет. Так есть. Так было.
Несправедлива жизнь.
Ползем на свои обрывы,
чтоб снова скатиться вниз...

МАРИИ
СОЦАННИ-БРОДСКОЙ

Что это было? Дар Богов
и Божья милость!
С картин великих мастеров
она явилась!

И растопила лёд измен
без сожаления,
вдохнула радость перемен
в улыбку гения!

Смотрел Всевышний в небесах
на пару эту,
поэты с верой в чудеса
уходят в Лету...

«Ах, проклятое ремесло поэта»

Ах, проклятое ремесло поэта —
рабский труд на каменоломне.
Умирает во мне планета,
каждый раз, если стих не вспомню.
Он промчится куда-то мимо,
серым облаком или тучей,
всё на свете преодолимо,
кроме этой тоски гремячей
по безбрежности океана,
по свободе беспечных птиц.
Забывать мне сегодня рано
ширь крыла и размах страниц.
Жизнь тетрадная так нелепа.
Разве это моя работа?
Ремесло до седьмого неба.
Ремесло до седьмого пота.

«Одиночество учит сути вещей»

Я ничему не хочу учиться
у одиночества.
Одиночество — это большая птица,
которой легче во тьме разбиться
о скалы, судьбы, дороги, лица,
чем помнить чужие отчества.

Одиночество — это вода в стакане
трехдневной давности,
лава, дремлющая в вулкане,
сумма от разности
наших имён, взглядов, суждений,
результат, умноженный на ноль,
смена галактик и поколений.
Всё, что тебе причиняет боль,
но что так забывать не хочется.
Птице — летать, а лаве — литься.
Я ничему не хочу учиться
у одиночества.

«Смерть — это то,
что бывает с другими»

Как тороплив часов всегдашний бег.
Как с каждым годом всё белее снег,
что в волосах предательски блестит,
как это тело о весне грустит...
Маразм, беспамятство,
бессилие и злость,
и где-то снова потерялась трость.
Об этой перспективе

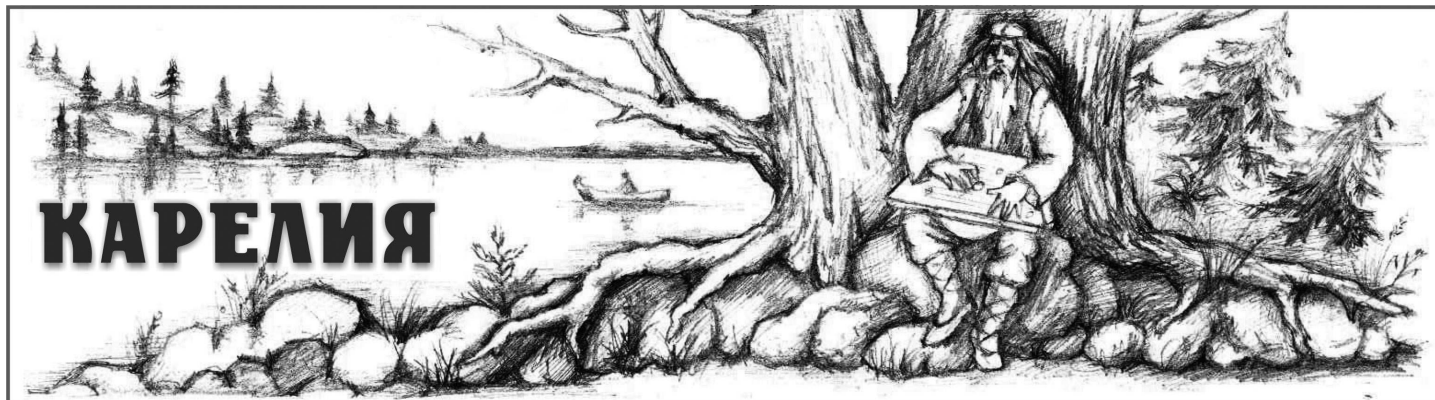
в стиле Верди,
не хочется мне говорить о смерти.
Но всё-таки пока ещё есть силы,
пока ещё не вырыты могилы,
пока тверда рука и нежен взгляд —
идём вперёд!

А движемся — назад...

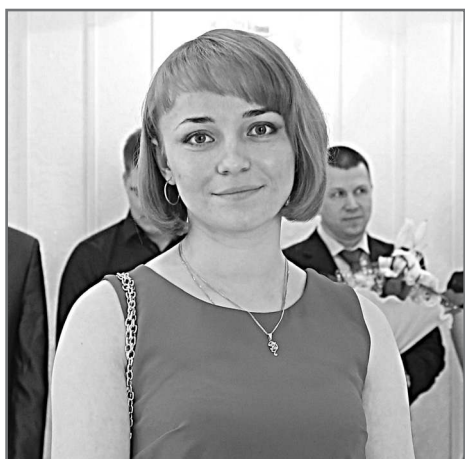
«Со смертью не все кончается...»

С. Проперций

Не всё кончается со смертью!
О чём жалеть?
Душа с земной простится твердью,
чтоб улететь!
Не всё кончается для Вас,
судьба капризна,
и плачет наш иконостас
над вашей тризной...
Не всё кончается — душа
живёт твореньем
и продолжает не спеша
свое движение...
И проникаю в жизни суть
строкой из книги,
не уходи и рядом будь,
вокруг интриги...
Спаси меня от пустоты
и от безверья,
и от душевной немоты
и от сомненья!
Поддай мне руку, ведь беда —
болят колени!
Не всё кончается, когда
Уходит гений!

КАРЕЛИЯ

Татьяна Дунаф

Родилась 26 января 1992 года в поселке Ледмозеро, Муезерского района, Республики Карелия. Стихи начала писать в 7 лет. В детстве и юности участвовала в республиканских, всероссийских и международных литературных конкурсах. Имеет публикации в местных, региональных и всероссийских периодических изданиях. Окончила юридический факультет Петрозаводского государственного университета. Работает преподавателем правовых дисциплин. Считает, что осень – лучшее время для творчества.

* * *

Сентябрь – это время для стихов.
Крадется вечер каплями по крышам...
Ты будешь понят, принят и услышан
В том доме, где жива еще любовь.

Ты будешь понят, принят и согрет
Горячим чаем на душистых травах.
В том доме виноватых нет и правых,
Есть только свет. Настольной лампы свет.

Взгляни в окно! Какая тишина
Укрыта долгожданным листопадом.
Я не твоя надежда и отрада,
Но я с тобой по-прежнему нежна.

Я не твоя любовница, мой друг.
Слова пусты, как листьев шумный ворох.
И нам дороже сотни разговоров –
Смотреть в глаза, не отпуская рук.

* * *

Вдруг что-то екнуло внутри,
Когда друг другу мы смотрели
В глаза, и всполохи зари
Вечерней в небе заалели.

По желтым брызгам фонарей
Мы, чувства наши обнажая,
Без сожалений до дверей
Усталый август провожали.

Бывает в жизни только раз,
Когда ты, словно бы без кожи,
Целуешь каждый лучик глаз
И рук касаешься до дрожи.

Пусть ночь прошла, и бледен свет...
Не забывай, прошу лишь, все,
Неважно, сколько тебе лет,
Когда душа твоя танцует.

* * *

Что ждет тебя за чередой
Сентябрьских дней, звенящих дрожью,
Где воздух влажный и густой
Манит бродить по бездорожью?

Где ты покорен, но силен,
Хранишь любовь в душе и теле.
И бледным солнцем окрылен
Ты с ветром спишь в одной постели.

Там воспаряет сердце ввысь,
К надменно-ласковой свободе.
Но я прошу, не торопись!
Дай мне воспеть, как ты уходишь...

Пусть мы с тобой в последний раз
Подарим жизнь увядшим строкам,
И навсегда запомнят нас
Глаза пустые спящих окон.

ОЖИДАНИЕ ОСЕНИ

Прошное, как иголка,
Прячется между строк.
Я не грущу, вот только
В вазе завял цветок.

Так же смотрю на звезды,
Тратя остатки нот.
Я не скучаю, просто
Осень вот-вот придет.

Перебирая мысли,
Прячась от суеты,
Вниз головой повисла
Над рубежом мечты.

Не вспоминай, не надо.
И не тревожься зря.
Знаю, придет отрада
С ветрами сентября.

Золотом нас обнимет
Пушкинская пора...
Вижу, как сердце стынет,
Ежится у костра...

Словом звенящим мне бы
Мир для тебя согреть!..
Эхо дрожит, а в небе
Маленький ждет медведь.

* * *

Одиноким, рыщет лес,
Ветер стонет, зовя в дорогу.
Ухожу, оставаясь здесь,
Тороплюсь, подождав немного.
А сентябрь – златогривый конь
Умирает в слепой надежде,
И осенний горит огонь
У подножья горы медвежьей.
В небе лунный огрызок ждал,
Сединой облаков распятый,
Отражения черных скал,
Горизонтом в объятьях сжатых.
Не дождался... Растаял след,
Перепутались быль и небыль,
А медведица много лет
Улыбается в темном небе.

* * *

Я так устала от тревог,
В ночи являвшихся, и холод
Продрогших утренних дорог
В моей душе еще был молод.
Как искры, таяли во мгле
Осколки пережитой страсти,
И зыбкой дымкой по земле
Стелились прошлые ненастья.
Казалось, это навсегда...
Мой мир болел, стихами бредил.
Он ждал тебя... А поезда
Ему несли лишь только ветер.
Качаясь, к берегу мечты
Прибилась лодка вдохновенья.
Кружил январь, и сделал ты
Меня счастливой на мгновенье.
Я думала, что нам с тобой
Не суждено дожить до лета,
А неба купол голубой
Налился заревом рассвета.
И вот, едва коснувшись плеч,
Шальное солнце в елях тонет,
И мне так страшно не сберечь
В зиме тепло твоих ладоней.
И вновь стихи писать, спеша!
Марать бумагу рифмы ядом!
Но как же мне легко дышать
С тобой под этим снегопадом.

* * *

Улыбка и дрожь от холода,
Бледный свет.
И тайны у этого города
Больше нет.

Рассыпанные жемчужины
На перрон,
Прокуранный и простуженный
Крик ворон.

Отрывок никем не понятый,
Медь листвы
И профиль слегка приподнятой
Головы.

Осеннее вдохновение –
Та же грусть,
Я больше в твоё забвение
Не вернусь.

Унылая и невзрачная
Смена лун,
А пальцы зовут прозрачную
Нежность струн.

Как утро звонком врывается
В сонный дом,
Так жизнь своим изменяется
Чередом.

Развеется и не сбудется,
Не вернуть.
Все стерпится, позабудется
Как-нибудь....

* * *

В порывы первые весны
Душа рвалась звенящей трелью
И пела с первою каплей,
И мне цветные снились сны.

Качалось солнце в облаках,
В мечтах несбывшихся купалось,
И ничего не оставалось,
Как сердцем утонуть в стихах.

Душа смеялась и жила,
Она дышала чудесами
И над ожившими лесами
Лишь стаю белую ждала.

Душа томилась подо льдом,
Спешила в небо, словно птица!
Все это было... А потом
Зима решила возвратиться.

* * *

Живи и не печалься. Мир жесток.
И пусть в твоих глазах сияет солнце.
Оно – всего лишь огненный цветок,
Рукой небрежной брошенный в оконце.

Твори, как будто кто-то до тебя
Разрушил все, что разум удивляло.
И робким сердцем прошлое любя,
Построй свое прекрасное начало.

Благодари страдание и боль
За твердый дух, опять готовый к бою.
И, Бога ради, душу не неволь –
Позволь ей просто быть самой собою.

Люби, как ты еще любить не мог!
И пусть в твоих глазах сияет солнце.
Оно – всего лишь огненный цветок,
Так неслучайно брошенный в оконце.

* * *

Цветные бусины души
Звенят на мокром тротуаре.
А ты и смейся, и пляши!..
Пусть дождь весенний на бульваре
Глотками сыплет в темноту
Стихов больные переливы,
И странным привкусом во рту:
«Пообещай мне стать счастливым».
Я слишком много отдала,
Идя к тебе по бездорожью.
Я одного тебя звала,
А город спал, укрывшись ложью...
Всего больнее – горький чай.
Всего сильнее – сердце брата,
И по тебе моя печаль –
Невыносимая награда.
А по деревьям каплет дождь,
И облака под утро снятся...
А я все жду, что ты придешь,
Хоть обещал не возвращаться...

* * *

Ветер не в наши окна.
Здравствуй, я так скучала...
В краешке одеяла
Пряча свои печали.

Мне и дышалось ровно.
Знала, что не придешь,
Знала, что мной не бредишь
Пасмурными ночами.

Холод сквозит из двери.
Я не ждала, что вспомнишь.
Может быть, это сон лишь,
То, что тебя я вижу?

Я и себе не верю.
Все, как с последней встречи –
Губы, глаза и плечи...
Ты подойди поближе.

Свитер спасет от дрожи
Время врачует раны
В сердце. И, как ни странно,
Чувства давно заброшены.

Нет ничего дороже.
Стихами к тебе привязана.
Возьми все слова, что сказаны,
И уходи, прошлое.

* * *

Больше не нужно дежурных фраз,
Прошу тебя, помолчи.
Можно забыться на этот раз
И потерять ключи.

Можно друг друга с ума свести,
Страсти отдавшись в плен.
В рыжие косы, смеясь, вплести
Ветер былых измен.

Словно бы время вернулось вспять,
Все на своих местах.
Можно ночами опять не спать,
Можно считать до ста.

* * *

Странная тайна оставит все ж
В сердце моем печаль.
Светит луна, и разбавит ложь
В чашке остывший чай.

Дорог ли тот, кто тобою не властвует,
Прячет глаза и сулит неизбежное?
Пусть в нем живет, процветает и здравствует
Самое кроткое, светлое, нежное.

Пусть он запомнит тебя, как мгновение,
Искорку взгляда, без имени, отчества.
Ты же с собой заберешь вдохновение
И возвратишься домой в одиночестве.

ФОТО ИЗ ОПЕР

Спектакль "Боручек"

Спектакль "Енуфа из Граца"

Спектакль "Золушка"

Спектакль "Евгений Онегин"

Спектакль "Золушка"

Спектакль
"Борис Годунов"

Спектакль "Аида"

Спектакль "Аида"

Концерт Шагимуратовой

Спектакль "Евгений Онегин"

Спектакль "Енуфа из Граца"

Сергей Пашков

Свободный художник, писатель, журналист, поэт, издатель. Имеет международные награды и Российской Федерации. Проживает в городе Костомукша Республики Карелия. Имеет три сертификата Академии Естественных Наук (РАН), института Интеллектуальной Собственности РФ, Российского Общества Оценщиков. Публиковался в зарубежных и отечественных изданиях.

СКАЗКА

ОЗАРЕНИЕ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Когда-то в одном из племен Индии жил очень любознательный мальчик, которого звали Риши. Его бедные родители ничего не могли оставить ему в наследство, поэтому, назвав ребенка таким именем, они надеялись, что оно наделит их мальчика мудростью, благодаря которой тот сможет помочь другим людям. В племени на то время безбедно жили только жрецы и одна очень богатая семья, имеющая в собственности водоем. Только богач имел право пользоваться водоемом, в засушливый сезон орошая свое поле. Всем остальным людям за определенную плату жрецы проводили ритуал по вызыванию дождя. Этот ритуал, как брачный танец павлина, использовался еще издревле, но он практически никогда не приносил желаемого результата. Жрецы привыкли объяснять это слишком малой им платой или тем, что Бог-Павлин не принял их ритуального обращения. Люди племени беспрекословно верили жрецам, ведь перед приходом дождей павлины действительно начинали исполнять свои брачные ритуалы, а затем приходил сезон муссона и начинались обильные осадки. Мальчик Риши часто задумывался над тем, почему ритуальные танцы павлинов приносили дожди, тогда как ритуалы жрецов из их племени, даже с перьями павлинов и подражаниями их брачным танцам, не приносили такого результата? Он мечтал о том, чтобы облака никогда не покидали небо его родины, чтобы не было засухи, которая губит посевы, чтобы животные, на которых охотилось его племя, не уходили из местности, где он жил.

Однажды, раздумывая над этим под деревом, куда он прилегал, скрываясь от палящего Солнца, мальчик заснул и ему приснилось, что он пастух. При этом он был не простой пастух барашков в отаре. Его барашки были облаками, которым он не давал покидать небо, под которым проживало его племя. Но когда Риши решил пересчитать барашков, он заснул, ведь многие, чтобы заснуть, начинают считать барашков. Пробудившись, он обнаружил, что ветер угнал стадо его облачных барашков, а Солнце продолжает безжалостно опалять землю. Тогда мальчик решил по небу догнать ветер. Сокрушаясь о потере облачных барашков и устав в дороге, он приземлился отдохнуть на берегу моря.

Наступала ночь, но Риши так горько переживал своей потере, что море смущенно спросило его:

— Неужели в моих водах так мало соли, что ты решил добавить ее своими слезами?

Риши вначале был напуган и удивлен, что с ним заговорило море, но переборов свой страх, он рассказал о том, что ветер угнал его облачных барашков, которых он хотел пасти над тем местом, где жило его племя, в определенный сезон страдая от засухи. Море рассмеялось ласковым бризом и ответило, что человек не может быть пастухом у облаков. Ведь облака рождаются от Солнечного тепла, испаряясь с нагретой водной поверхности, а где и когда они прольются дождями, зависит от многих причин.

Риши уверенно заявил, что павлины в их местности своими брачными ритуалами и вызывают дожди, это им издревле говорят жрецы, которые порой сами, подражая павлинам, пытаются вызывать осадки. Ведь после того, как птицы исполнят свой брачный танец, действительно приходят дожди-муссоны.

Море от смеха прыснуло волной, но потом, успокоившись, серьезно сказала юноше:

— Ваши жрецы неверно или намеренно объясняют соотношения на Земле и на небесах, ведь им выгодно получать от их нелепых ритуалов подношения людей. Мальчик, а ты подумай сам, почему при определенном положении Луны, Солнца и Земли у вас в местности приближается сезон дождливых муссонов? Почему перед обильным насыщением местности небесными водами павлины начинают свои брачные танцы?

Вот тут Риши и проснулся от озарившей его разгадки. Ведь павлины проводят свои брачные ритуалы, предощущая сезонные циклы, чтобы их уже вылупившееся потомство развивалось в более благоприятное время! Павлины, как и жрецы, никакими ритуалами не могут вызывать процесс муссонов, это происходит от географического их местопребывания и рельефа местности, когда облака при определенном сезонном расположении на небесах начинают преодолевать горные хребты!

О своем открытии Риши стал рассказывать людям его племени, что сильно разозлило жрецов и семью богача. Жрецы и богач обвинили мальчика в ереси и в смуте, потребовав изгнания его из племени. Собравшиеся люди заявили, что если юноша не предоставит им решения проблемы с засухой, то они поступят с ним так, как требуют жрецы и богач, но если его решение будет действительно мудрым, то они защитят его.

Тогда Риши обратился с призывом к людям своего племени. Он говорил, что надо прекратить заниматься нелепыми ритуалами, что от водоема необходимо провести каналы, объединив все земли в одно большое орошаемое поле, при этом расширив и углубив водоем.

Немного подумав, он добавил:

— Может быть, это не полное решение проблемы, но зато каждый член племени сможет в равной мере с другими разделять как невзгоды, так и благоденствие. Несправедливо, когда большинство людей постоянно в бедственном положении, а когда меньшинство постоянно имеет излишества.

Выслушав речь юноши, богач и жрецы разгневались еще сильнее и с суеверными проклятиями хотели наброситься на Риши, крича, что он разгневал Бога-Павлина. Но народ племени отстоял Риши и принял его мудрое решение, а через год юношу выбрали вождем их племени.

Так Риши оправдал свое имя. (Риши в переводе с индийского — мудрый).

ТВОРЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ

- Сергей, сегодня мы с тобой продолжим вести беседу о твоём творчестве и твоих изысканиях. Меня, прежде всего, интересует реакция людей, которые были ознакомлены с твоим творчеством. Расскажи, как на него отреагировали разные люди?

- Конечно же, по-разному. Порой были совершенно противоположные оценки у людей. В городе Костомукша я участвовал в различных издательских проектах, и странным образом ко мне стали приходить служители и адепты различных культов верований. При этом они пытались обратить меня в их культы верований, старались поучать и критиковать. Тогда я записал некоторые наши диспуты и опубликовал их под небольшим рассказом «ОТНОСИТЕЛЬНОЕ И ОБРАТИМОЕ». Рассказ был о том как в одном городе появился чужак, как ему приходилось вести диалоги с разными представителями культов верований. Рассказ был остроумно-сатирическим, но в рамках приличия и здоровой дискуссии чужака, в отличие от противоположного поведения служителей и адептов культов, которые его пытались унижать и поучать. Вообще немного смешно слушать людей, когда они не только рассуждают о том, в чем собственно не имеют порой никакого понимания, но еще и начинают учить других. Вдохновение - это не буквальная составляющая, оно напрямую зависит от различного расположения духа в человеке, то есть в каком расположении духа находится сам человек. Так, одни люди, находясь в низменном - падшем расположении духа, представляют некое низменное их творческое вдохновение, а другие находятся в возвышенном расположении духа, и они представляют возвышенные плоды в своем творчестве. Был случай, когда человек, прочитав мои духовные тексты, думал, что их изрекал в древности некий человек, а я их попросту отыскал и опубликовал. Когда же он познакомился со мной и узнал, что их написал я, то был очень и очень удивлен. Ведь стиль написания таких текстов можно легко принять за древние рукописи. Более того, они исходят от некоего сотворения и ведут некую историческую летопись, либо просто дают некую духовную, а не буквальную картину, но которая применима к любой исторической реальности. Ибо духовное вне пространства и времени, потому-то порой и неизвестно, откуда приходит вдохновение.

- Меня, как, наверное, и многих читателей, заинтересовал духовный текст о Советской эпохе, но насколько все же он может соответствовать, например, духовным текстам из этой же Библии?

- Практически весь напечатанный текст легко можно соотнести с духовными изречениями из Библии и с исторической советской летописью, как с исполнением истинных предначертаний или пророчеств. Потому, когда люди пытаются критиковать, то им стоило хотя бы ознакомиться с библейскими вдохновенными текстами. Более того, их надо четко уметь соотносить и понимать, но не так, как это сделано во многих изданиях, где просто соотносят одинаковые изречения из разных мест в писании, а совершенно иначе. При этом надо понимать психологические аспекты и иносказательность, полноценность отличать от противопоставления, поэтому людям так сложно постичь объективизм. Ведь один и тот же духовный персонаж там может скрываться под разными образами, как и разные люди, могут соотноситься под одним символическим образом или духовной сущностью. Например, под змеем-искусителем изначально предстает, как и под древом с запретными и непотребными плодами, один и тот же египетский горожанин, у которого тотемом был змей, однако, как божий, так и нечестивый духи, мо-

гут «дышать», где и в ком смогут. Под искусительницей может выступать и женщина на тигриной шкуре или некая стриптизерша, это не зависит и от нации, расы, профессии, времен года, места проживания, так и Святым Духом может быть женщина. Если психологически понимать тексты и те реальности, то станет понятным, почему Адам и Ева были наги и не стеснялись этого, но после искушения они начали стесняться своей наготы и поэтому божий садовник понял, что они нарушили заповедный договор и обратились в души падшие - смертные, но не буквально, а духовно. Тут надо понимать, что свобода в естественности, но когда в естествознании происходят перевороты, что было естественно для одного мировоззрения, может стать не естественным и уже ведет к скованности - стеснению, а человек или общество могут принимать иное социальное, географическое, технократическое, природное бытие и сознание.

- Сергей, что интересного можете рассказать об оценках ваших рисунков - матриц?

- Тут тоже разный у людей подход и оценки. Помню, как один художник заявил, мол, что я это у кого-то срисовал, и он обязательно найдет, у кого. Так же многие мне писали, что они в таком же стиле рисовали, но не они и не этот художник так мне и не предоставили аналогичных работ. Когда же некий художник назвал мои рисунки-матрицы некими примитивными работами, то я попросил его, чтобы он попробовал нарисовать в одной матрице рисунка Библию с её правилами и основными сюжетами. Либо картину Единотелного, в котором множество разных существ, рас, профессий и так далее, то больше контактов у меня с ним не стало. Пропал сразу. Скорее всего, он, как и многие, срисовывает с некоего буквального восприятия картины, но естественно в своем оригинальном стиле или почерке. Я как-то давно был приглашен к занятию с детьми и показывал им технику такого письма. Всем давал различные задания для рисования разных предметов и существ, а потом они складывали свои рисунки на стол, но их результат был практически одним и тем же рисунком. Дети воспринимали это как фокус, до сих пор помнят то занятие и меня. Рисунки-матрицы я тогда рисовал под особым вдохновением и у меня даже есть стих.

Твоей рукой водил мой дух

И мною говорил ты вслух.

Во мне ты ходишь и со мной,

А я в тебе - свет дорогой.

Дорогу светом освещая,

В образ-уменья посвящая.

Я - сон в неведомой ночи,

А днем я - молния - лучи.

Я - царь царей, я дух бодрящий,

В яви и в тайне настоящий.

Ты грех решил с себя весь смыть,

Се новое даю творить!

- Наверное, людям сложно воспринимать нечто новое и потому они живут стереотипами и тем, что уже за долгое время сложилось, как неоспоримая догма? Вообще, что ты понимаешь под прогрессом, регрессом и консерватизмом?

- Во-первых, прогресс бывает разный и в различных направлениях, например, технократический прогресс может двигаться вперед, тогда как культурный и духовно-моральный идти в регресс. Что важно для прогресса? Это новые открытия в технических новациях и в естествознании, которые внедряются в массовое образование и в бытие, а так как молодое поколение менее стереотипно, то оно это вос-

принимает уже как данность. Старое отмирает и тогда новое нарождается. Однако есть приходящие ценности и извечные, которые могут передаваться из века в век, а это прежде всего о любви и предательствах, о доброте и справедливости, злобе и нечестности, и так далее. Я уже неоднократно обращал внимание людей, что классическое мировоззрение лишь косвенно соотносится с духовными представлениями, а потому их не следует смешивать или противопоставлять! Духовное, прежде всего, следует толковать и толковать верно, тогда как классическое мировоззрение больше относится к буквальному представлению и требует буквального понимания. Консерватизм может долго быть в социальном строе, тогда как в технократическом аспекте может идти прогресс вперед, а в духовном упадок. Тут важно и понимание миграционных процессов, когда не следует людям технократического склада заниматься лесным или рыболовным промыслом, но толпы людей из аграрного сектора или из иного культурного, географического места начинают заполнять технократический сектор, как просто дешевая рабочая сила. При этом уничтожаются профессиональные кадровые сегменты в одном бытии и сознании, так и в другом. Мы можем удивляться древним постройкам, мировому лидерству некоего государства, однако как человек, так и общество может проходить этапы зарождения, развития, достижения пика величия и славы, а потом приходить к своему закату. При этом подниматься могут уже иные правители и государства на роль мировых лидеров. Некоторые племена настолько консервативны в их обычаях, что у них долгое время нет технического и иного развития, т.к. молодому поколению передаются только традиции и обычаи, а принимая только это, сообщество не развивается. Другие же возрождают старые обычаи, и это возвращает общественное массовое сознание в прошлое, при этом общество может быть рынком для новых технических разработок более развитых стран. То есть смерть старого дает шанс развитию нового, о чем говорится в этой же Библии, а так же и к возвращению в еще более отсталое прошлое, что можно наблюдать не только во многих древних мировых государствах, но и в недалеком нашем прошлом великой советской летописи.

- А как же бессмертная душа?

- Я уже говорил, что живая душа по духовным признакам отличается от смертной или падшей души, и это надо понимать не биологически - буквально, а по духовным признакам! А отличаются они различным светом в разуме, при этом не интеллектуально, а по расположению духа или сознания в людях. Потому, к сожалению, могу констатировать, что в этом постсоветском падшем мире очень редко можно встретить человека с душою живою. Я неоднократно объяснял, что Господь у Адама не был Богом, что его господь дьявол. Потому-то Адам был от рождения с мертвой или падшей прах-душою, хотя божий садовник его очистил от низменного сознания и просветил в истинном, и только тогда тот стал душою живою, но, нарушив заповедное слово, снова стал падшим и был выселен обратно в тот описанный первый ад. То есть люди порой обитают в реальном духовном или по внешним признакам в аду, но им рисуют нелепые картины ада или рая, но после их биологической смерти. Хотя внешние признаки и внутренний свет в разуме могут и не совпадать, тогда тут следует судить по представительству или по внутренним признакам. То есть в космогонии существуют четкие понятия отличия и различные модельные объективные построения, а когда кто-то заявляет, что Земля вся живая, то такой просто не понимает, что может относиться к мертвой земле или к праху, как к живой и мертвой воде и так далее.

- Если дерево с запретными или непотребными плодами могут символизировать порочных людей, то, как я

понял по картине «Дерево вечной жизни», так же может символизировать не только Иисуса, но и других праведных людей и даже так же праведных женщин? И еще вопрос, если менять цвета на ваших работах, то можно проявлять различные сюжеты и различные существа, тогда почему вы, не меняя цвета, не проявляете новых сюжетных матриц?

- Да, «Дерево вечной жизни» не только символизирует Иисуса, но и любого праведного человека, который несет справедливость, благое и божье вдохновение в мир, но при этом сам человек должен соотноситься с миссией или стволом этого дерева, от которого начнут исходить ветви - род с их разными дарованиями или наклонностями. Что касается замены цвета на картинах или изменения очертаний, то пусть этим занимаются другие люди, т.к. они могут открыть для себя очень и очень много интересного от портретов известных людей, до узнаваемости самих себя. Так, в картине «Единосущный» я прошу найти картину «Тайная вечеря», либо рождение Иисуса и приход к нему волхвов, погребение с пеленанием и т.д. Все это различие можно интерпретировать как одни и те же очертания. То есть сами эти картины несут в себе еще большие тайны, в том числе и для меня, но если кто-либо ими заинтересуется, попытается раскрашивать по-другому или же созерцать, то пусть они сами для себя открывают тайны этих духовных матриц.

- Сергей, а как вы относитесь к заявлениям и представлениям людей о закланиях или проклятиях в нашей реальности? Что вы можете сказать, например, об оборотнях?

- Это очень серьезные понятия, но они за многие века доведены до нелепых мистических представлений, как, например, ада и рая. Ведь когда люди вступают в некие договорные, клятвенные, заветные отношения, то они принимают на себя серьезные обязательства. Нарушение их налагает на нарушителя проклятье, но если не было оправдательных обстоятельств и это не вошло в новую уже системность. Человека, конечно, могут вернуть заклинанием, чтобы он вспомнил свою клятву, но это обычная к нему просьба или мольба. При этом ему могут говорить, ради чего или кого он должен вернуться в те обязательства, которые были в договоренности. Если же человек разывает клятвенную договоренность и уходит в иную систему отношений без оправдательных причин, то он становится проклятым или клятвопреступником. Вот собственно это и есть реальные понятия о проклятье и заклинании, а все эти нелепые и суеверные представления, некие крики проклятий или обрядные заклинания - оккультная глупость. Поэтому лучше не клясться кем-либо и чем-либо, а для себя решить, кем быть и какое предназначение исполнять. У меня даже такие стихотворные строчки:

*Не буду клясться я, что что-то не нарушу,
Не буду каждому доказывать, что я другой.
Нетленному и Святому Духу я предал душу,
Я явно то пишу своей рукой.*

То есть еще есть и особые соотношения, а именно: от чего человек искренне отрекается и с кем он заключает новый договор или чему он клянется. Например, отречение от царствования или принятие иной уже системы вещей однозначно может приводить к проклятиям, но все зависит, опять же, от чего отрекается и чему присягает такой человек. Так, Николай Кровавый, по сути, отрекся от христианства, как от царствования или помазания на миссионерство, ибо Христос - это царь, помазанник, тогда как сын плотника Иисус не отрекся и был распят как царь иудейский. То же можно сказать о Михаиле Горбачеве, который изменил массовое советское сознание через плюрализм на низменное западное, ввел классовый строй, что есть однозначное предательство своей

системы вещей или некоего миропорядка на иной, что продолжили Ельцин и иже с ним. Что же касается оборотней, то люди довольно часто, особенно для создания о себе некоего впечатления, представляются либо порядочными, либо наоборот напускают на себя некий отрицательный образ, чтобы скрыть реальную их сущность. Например, в Библии говорится иносказательно о волках в овечьих шкурах, о множестве христиан, которые под этим именем скрывают свое антихристианство. Порой говорится об оборотнях в погонах, как стражей порядка, но которые предали клятву и стали сами преступниками, а это и есть реальности обращений. Однако есть более серьезные перевороты в бытии и в сознании, это когда человек из добропорядочного превращается в порочного, когда его живая душа становится мертвой или духовно падшей. Так же, когда порочный человек умирает для порочной жизни и начинает жить новой, уже добросовестной жизнью. При этом классическое представление мира вовсе не меняется, но люди сами становятся духовными представителями уже иных миров. Все же выдуманные буквальные оборотни, когда человек превращается в волка и обратно - опять же нелепые суеверные измышления, которые больше уведут от реального понимания, как это понимать и как это происходит. Ведь даже при оборотности Земли вокруг своей оси дневное бытие и его существа сменяются на ночное бытие и ночных существ и наоборот. Количество оборотов Земли во круг оси и вокруг Солнца сменяют одни исторические эпохи на другие и одни существа и сообщества сменяют иные, как и цивилизации. И исторические летописи одного и того же вроде общества или этноса могут представлять либо Книгу падших духовно людей, либо Книгу жизни с высоким моральным духом в общественном массовом сознании и справедливым равноправным бытием. Но все опять может обращаться на порочные круги. То есть переход из одного мира в иной может осуществляться с изменением сознания или мировоззрения и некоего бытия на иное уже бытие, либо сразу и изменения сознания с изменением в бытие, что было описано от начала Библии или же об этом Робинзоне Крузо. Когда падшее имперское мировоззрение народа обратилось в просвещенное и возвышенное советское и обратно. Еще раз повторюсь, что меня не интересуют мнения и мертвые догмы людей, которым нечто невыгодно в моих исследованиях и изысканиях, меня интересуют духовные закономерности, которым я четко следую и доверяю.

- Сергей, а как вы относитесь к различным современным пророкам или предсказателям судеб людей, стран и всего мирового сообщества?

- Пророк - это сам по себе человек, предназначенный для особой миссии. Такой человек изрекает особые предопределения, но вся штука в том, что почти все предопределения могут упраздниться иным предопределением и только фатум, то есть уже неотвратимые обстоятельства не могут изменяться самим человеком. Все люди отчасти пророчат, например, говорят о невидимом, как о видимом, или могут скрывать явные определения некой иносказательностью. Увы, как я уже говорил, что никаких истинных пророчеств в российской летописи не исполнялось, но многие были исполнены именно в советской исторической летописи, потому, выдавая желаемое за действительное, или пророча ложные вдохновения. Таких лжепророков я встречал полно, но опять же в постсоветском уже мире. Когда же такие лгут на советскую систему, то кроме их лживости и суждений по их же нечестным отношениям, то это либо уже обратившиеся в зомби фанатиков люди, либо невежественные и которым не выгодны серьезные духовные и иные реалии. Могу всем людям сказать одно, что они говорили и как поступали в прошлом, то это отражено на их настоящем, а что они говорят и как поступают в настоящем и

говорили и поступали в прошлом, обязательно отразится на их будущем! Чтобы все кардинально изменить, человеку или обществу следует испытать серьезные потрясения или так сказать шоковую терапию.

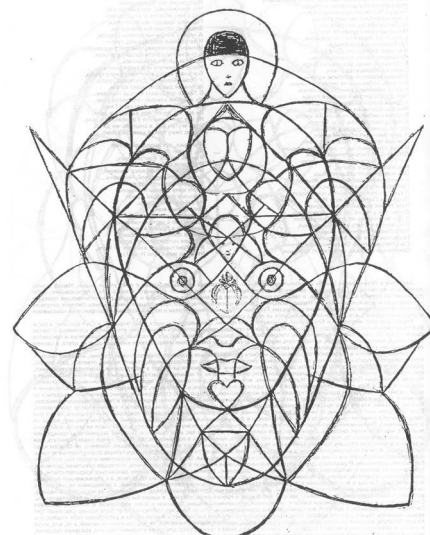
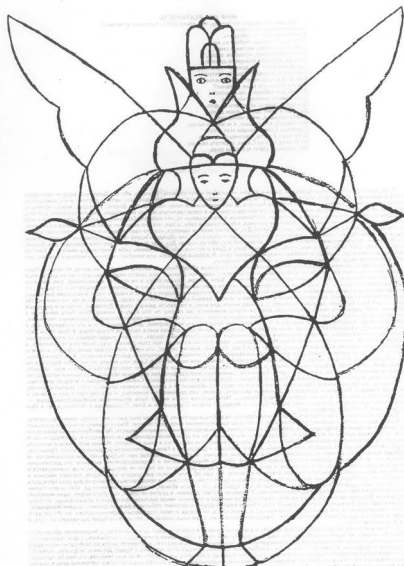
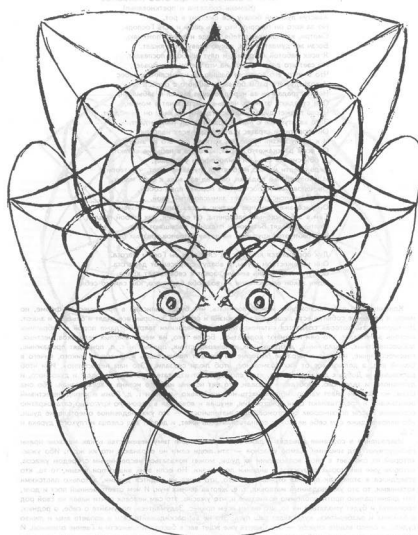
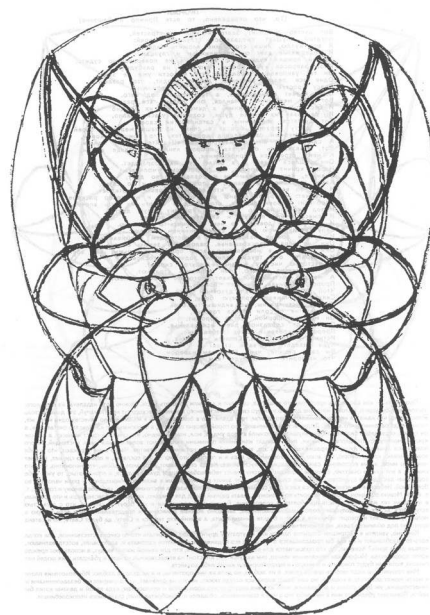
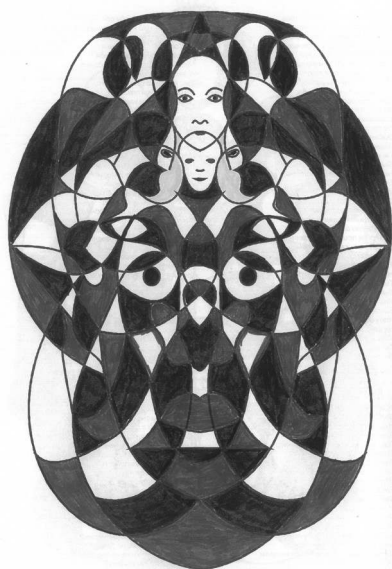
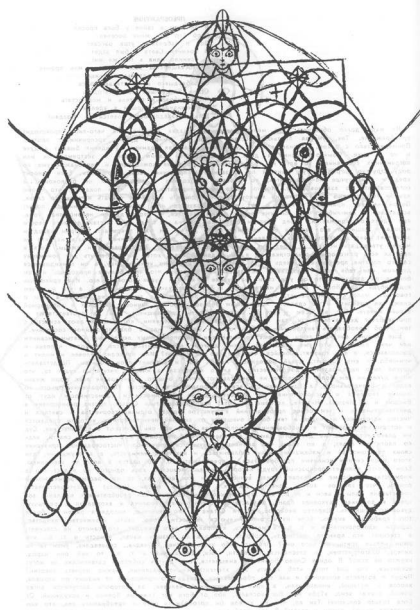
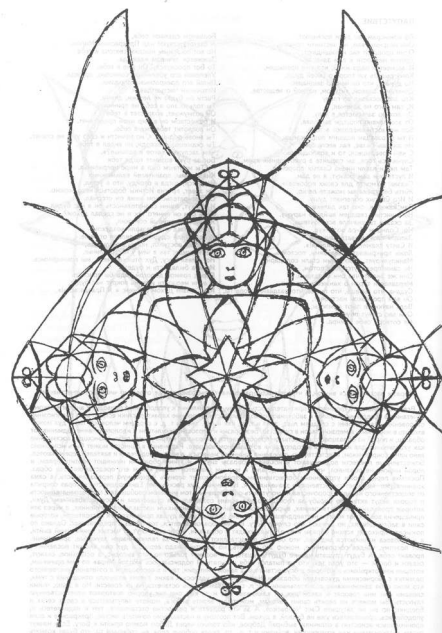
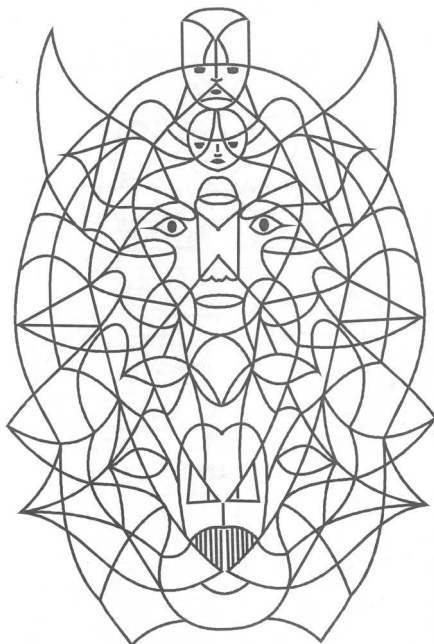
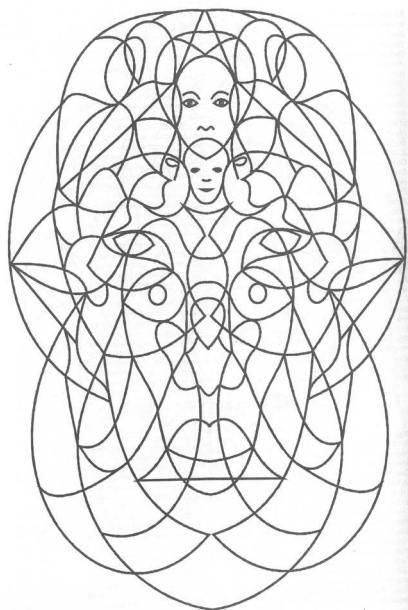
- Сергей, сейчас почти все осуждают советскую летопись и пытаются представить российскую и современную летопись в благородном образе, а у вас это как бы идет в разрез общему правилу, что вы думаете на этот счет?

- Я считаю это закономерными явлениями, однако если взять по фактам, то именно в советской системе из прошлого России были взяты самые лучшие образцы из людей и их культурного, технического, вдохновенного, справедливого достояния. Сформирован уже свой пантеон из личностей, их открытий и изобретений, культурного и вдохновенного творчества в соотношении с советскими такими же факторами и соотнесено уже со всем мировым сообществом. Где наши народы были уже представлены в высоком истинном свете, что в соотношении уже с мировыми достижениями давало всем народам понять величие нас и самой советской исторической летописи. Когда же люди, рассуждающие о ничтожных вещах, которые они ставят превыше истинного героизма, истинной славы и величия, равноправия и справедливости в общественном бытии, хотя это возносить, попирая истинно великое, то у таких людей попросту мировоззрение перевернуто на падающее. Сам часто слышу много нелепой лжи о советской эпохе, мол, пришли большевики - коммунисты, все по Шарикову поделили, а затем ограбили народ. Однако они все национализировали, потому-то никто не может мне назвать, а у кого в СССР в частной собственности был хотя бы газетный киоск? Тогда как с приходом антисоветского переворота в массовом сознании и в социальном бытии как раз все и делили ваучерами и акциями, а потом и ограбили народы! Слышу, что якобы советские люди построили «Железный занавес» и были потому-то и ограниченными во всем, но прежде всего народы СССР от всех истинно были во всем независимы, а во-вторых многие передвижения вовсе не означают продвижение таких людей в неких познаниях, а вот советские люди гораздо во всем были более продвинуты!

- Спасибо, Сергей! Надеюсь, что мы откроем еще много интересного, благодаря вашему вдохновению и творческим изысканиям.

Беседу провел ЛЕРОМ

Дина Лебедева

Родилась и живу в республике Карелия – красивейшем и удивительном крае, воспетом не одним поэтом. Стихи и прозу начала писать еще в школе. Печаталась в различных альманахах, газетах и журналах. В 2014 году в свет вышел авторский сборник стихов: «По кончику пера скользило Слово». Вхожу в редакторский состав медийной группы международных литературно-публицистических изданий «Интеллигент».

ЗАПАХ ОСЕНИ

Переступив незримую черту,
Вхожу в сезон осенней круговерти,
Где запахи играют в чехарду
Напоминая о прошедшем лете.
Щекожут нос эфирные масла,
Осенний запах стоек и прозрачен.
В нем столько еще летнего тепла!
Жаль, каждый миг прощаньем обозначен.
Букет осенний кажется не груб,
Древесные аккорды льются медом.
Болотной прелью тянет поутру...
Я запах роз срываю мимоходом
С дождинок, укрывающих листву,
Уже чуть потревоженную тленом,
И под зонтом среди духов плыву,
Окутанная их душистым пленом.
А грусть светла, она меня пьянит,
Как душу берedit осенний воздух!
Заплакать бы по прошлому навзрыд,
Осенний сплин – моей печали отзвук.
Но я вдыхаю осень, как парфюм,
Купаясь в благородных ароматах.
За свежесть нот сезон боготворю,
Мне запах осени и дорог и приятен.

Еще не вылиняли ситцы
Берез под редкими дождями,
И дней осенних вереница
Тепло нам раздает горстями.

Вкрапления янтарных красок –
Веснушками в зеленом море,
И о трагической развязке
С природою никто не спорит.

Но как кричит ночами птица,
Как хлопает во тьме крылами!
Как долго ночь слепая длится,
Где силы нет убавить пламя
Воспоминаний, рвущих душу,
Которые так сладко нянчить...
Баюкать их, к утру разрушить,
И отпустить в беззвучном плаче.
Проснемся вдруг, а небо ниже,
Твердыней падает на плечи...
А может... мы к нему всё ближе?
Пусть осень раны нам залечит.

Бежать, бежать от золотых дождей
В лесную глушь, подальше от эмоций.
Смотреть, как тает, догорая, солнце
В плотке воды на крепеньком грузде.

Вдали от шума, суеты сует,
Почувствовать себя желанной гостьей.
Бруснику брать не пальцами, а горстью,
Дрожащий лист дыханием согреть...

Пить воздух сытный с чувством, не спеша,
Закусывать засохшею травинкой.

Забывать о том, что все в природе
зыбко.

Предчувствием покой не нарушать.

Забот липучих, паутинок сеть,
Убрать с лица, отряхивая наземь.
И погрузиться в мир лесных фантазий,
И мыслями от этого светлеть...

Не отпускай меня в осенние печали,
Не говори, что все вокруг мираж.
Что все пройдет, а призрачные дали –
Обычный сон, оправданный кураж
Последних дней: кичливо равнодушных,
Утративших бесценное тепло,
Которое на землю истекло,
И умирать у ног легло послушно...
Не отпускай меня. За давностью ночей
День наступает не таким как прежде.
В нем нет тебя, как веры нет с надеждой,
Что сбудутся до прежних мелочей
Мои мечты, теперь уже не малость,
И рук твоих знакомая мне мягкость
Опустится на трепетность плечей.
Мне холодно под жертвенным листом.
Не отпускай меня. Ни завтра,
ни потом...

Ни вера, ни надежда не спасли...

Храню воспоминание о счастье.
И в память о тебе, твоей любви,
Ношу браслет из ягод на запястье:
Рябиновый, из ягод молодых
Янтарным соком, солнышком согретых.
Красивые, но горькие плоды
Мне подарило на прощанье лето.

Еще шумит зеленая листва,
И золото не мучает признаньем,
Не бьется в ноги шалый листопад.
Браслетик мой – поры осенней тайна.
В нем все смешалось: горечь и вина,
Потоки слез и... обещанье выжить...
В лесу одна я – без вина хмельна
С браслетом на руке из ягод рыжих...

Все чаще в прошлом прячусь от забот.
Осенний сплин, моей печали отзвук,
Не гонит птицей мысленно в полет,
Стихам с небес предпочитая прозу.
Сей повести времен уж столько лет

Начертано печальное фиаско:
Октябрь, как щеголь, нынче разодет,
Но завтра будет погран и растаскан!
За грусть потерь и за дождей набат
Немыслимо привлечь его к ответу.

И, кажется, никто не виноват,
Иллюзии сегодня под запретом.
Хоть голоса над ними, хоть жалей,
Не принесло спасенье Бабье лето.
Пожаром вспыхнут искры от углей,
Угаснут тихо на закате где-то...
Иду вперед, не поднимая взор...
Шуршат у ног чужие даты смерти.
Ах, листопад, суров твой приговор!
Крапленой картой землю Осень метит.

Октябрь в огне, и по ночам не спится.
Мелькают мысли, в голове сквозняк.
К утру, стихи зажав в кулак,
Ловлю на взлете глупую синицу...
Не журавля, который сгинул в небе,
Оставив весть о тех, кого уж нет...
О ком не вспомнит будущий рассвет,
По ком не совершат в церквях молебн.
Искомых красок тихая печаль
Останется под буйством листопада,
Пожарищ яростных рассыплется
петарды.

Осенних зрелищ мне ясна мораль:
Иных уж нет, другие у дверей...
Закон природы, и закон дан свыше.
Но в теплой норке червяка иль мыши
Инстинкт есть - ВЫЖИТЬ...
Почему слабей...
Из сил последних бьется лист на ветке?
Дрожит, цепляясь за способность
ЖИТЬ...
И, утопая в роскоши и лжи,
Слетает в грязь дешевою монеткой...

Рыжье* сегодня не в цене,
Осенний рынок переполнен.
У ноября надежды нет
Продать его...
Держу в ладонях
Не слиток золота, а лист –
Кленовый лист, упавший наземь.
Как благороден он и чист
В своем волнительном экстазе,
В своем природном естестве:
«Что суждено, тому и сбыться».
Не меркнет исходящий свет
На влажный день, пустые лица,
На бесполезность суеты,
Избыток роскоши и чванство....
Ах, сколько гордой красоты
В отдельном царстве-государстве!
Где бирок с ценниками нет,
И что блестит, не продается...
Листу бы подарить сонет,
Сравнить его с сиянием солнца!
Не прячу радость и восторг,
Скрываясь под фальшивой маской.
Мы с осенью устроим ТОРГ,
Пока запас весь не растаскан...

* Рыжье – золото (жаргон)

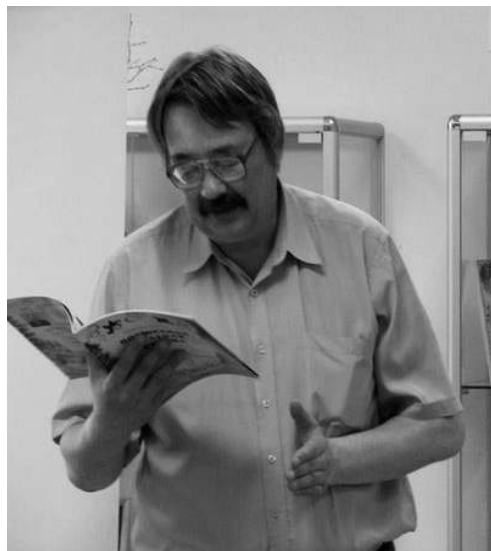
Золото россыпью слепит сознание,
И отвлекает от грусти кончины...
Нет ни упрека в нем, нет сострадания.
Нет и намека, что осень повинна
В том, что все тленно, не вечно живое.
Все будет прахом...
Но мир безупречен:
Осень дождями уныние смоем...
Снег белоснежный бинтами излечит
Раны души, что так плачет и стонет,

Не принимая с землей расставанье...
Время пройдет, пролетит золотое...
Осень последние точки расставит.
Осень – расплата за жизнь и порывы
Юности, зрелости...
Словно в отместку
Ветер, врачуя, вскрывает нарывы...
Рвет по больному настойчиво, резко.
Что остается? Принять и смириться?
Плакать стихами под стать непогоде...
Дни пролетят, словно палые листья.
Каждый из них в нашей жизни угоден.

Осыпается брусничник под ногой,
К югу потянулся клин гусей...
Не хочу я пить за упокой
Нет тревоги на душе моей...
Сколько лет и зим прошло с тех пор,
Сколько их, осенних, впереди...
«Осень жизни» – кто сказал сей вздор?
Палых листьев счет не разгрести...
Сквозь дожди рябиновая грусть,
В клочья под ветрами облака.
Осень стала старше, ну и пусть!
С нею я сегодня так близка...

Какая осень за окном! Какая осень!
Срывает мысли листопад
и вдаль уносит...
Туда, где золотом дождя
пронизан воздух,
Куда мне хочется сбежать,
пока не поздно!
И потеряться, и застыть среди
желтой выюги,
Где нет обмана, нет вины
и нет испуга...
Где каждый лист, упавший ниц,
неподражаем,
В нем столько лета и тепла,
уж я-то знаю!
Я Осень в гости приглашу,
поставлю чайник,
Мы с нею славно посидим
за чашкой чая.
Цвет жизни стоит поменять,
пришло то время.
И примирение найти, в себя поверив...

СТРАНИЦА ПАМЯТИ

Андрей Сунгуров

Представитель медиа - группы «Интеллигент» по Карелии. Андрей Сунгуров окончил филфак Карельского государственного пединститута в 1985 году. Три года преподавал русский язык и литературу в поселке Тэдино Лоухского района. Потом работал в школах Петрозаводска, семь лет возглавлял школу-интернат №23.

Он писал стихи, очерки, рассказы, повести для детей и взрослых, которые печатались в журналах «Мурзилка», «Кипиня», «Новые рубежи», «Север», «Школьный вестник», коллективном сборнике поэтов Карелии «Волны трав».

Андрей Сунгуров был автором «Лицея» с 1990-х годов. Журнал публиковал не только его стихи, но и публицистические заметки.

МОЯ ВСЕЛЕННАЯ

В моей душе – Вселенная!
Огромный мир чудес:
Река обыкновенная,
Обыкновенный лес.

Задумчивая ламбушка,
И грустный листопад,
И старенькая бабушка,
И мой любимый сад.

Учебники с тетрадками
И капельки дождя,
И земляника сладкая -
Всё это для меня!

Река обыкновенная
И древняя скала.
Выходит, что Вселенная
Не так уж и мала!

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Рыжею лисою
В лес стремится осень.
Пошуршать листвою,
Помечтать у сосен.

Золотым узором
Выткать все опушки,
Выстудить озёра,
Реки и речушки.

Белый-белый иней
Даст бруснике сладость,
Алый цвет рябины –
Всем в лесу на радость.

Улетают птицы,
Но грустить не стоит.

Осень в лес стремится
Рыжею лисою

РЕЧКА МОЖЕТ ПРОСТУДИТЬСЯ?

Снег, мороз – зима кругом.
Берега покрыты льдом.
Над рекою пар клубится,
Речка может простудиться?
На ветвях деревьев иней,
Снег пушистый, бело-синий,
А над черной речкой пар.
Может быть, у речки жар?
Как же вылечить больную
Необычную такую?
Где найти такое средство,
Чтоб река могла согреться?
Привезут лекарств немало –
Двести двадцать самосвалов,
А малины и лимонов
Надо двадцать пять вагонов!
Снег, мороз - зима кругом.
Спит река под толстым льдом.
Лед укроет, лед согреет,
И река не заболит!

Подушка на ножках
С мамой к подружке
Пришли мы на чай.
– Возьми тут игрушки
И не скучай!

Велись разговоры
О том и о сем.
Из кубиков скоро
Я выстроил дом.

Все хорошо,
Но играть не пришлось:
В двери вошел
Еще один гость.

Я струсил немножко,
Ребята, не вру!
Подушка на ножках
Шла по ковру.

Мягко ступая,
Молчанье храня.
Большая такая,
Чуть больше меня.

А если вдруг схватит,
Укусит? Ай-ай!
Я вмиг на кровати:
– Мама, спасай!

Подушка на ножках
Мякнула вдруг.
Да это же кошка!
Прошел мой испуг.

МИШКИН СОН

Медведь в берлоге спит зимой,
А что же мишке снится?
Сосновый бор стоит стеной,
Щебечут громко птицы.
Плывут по небу облака -
Пуховые перины,
А вот - знакомая река
И заросли малины.
Малина спелая вкусна,
Малины много слишком.
И стало мишке не до сна,
Ворочается мишка.
Тот сладкий сон все не идет,
Идет другой и длинный...
С досады лапу он сосет -
Так хочется малины!

Андрей СУНГУРОВ

Екатерина Каргопольцева

Родилась 23 января 1982 года в с.Верхне-Спасское
Пыщугского района Костромской области.

Публикации: газета «Молодёжная линия», г. Кострома (с 2002 по 2007гг); литературный альманах «Московский Парнас», г.Москва (2003г, 2005г); газета «Слово», г. Москва (2009г, 2011г); литературный альманах «Кострома литературная», г. Кострома (2009г), литературный журнал «Невский альманах», г. Санкт-Петербург (2010, 2011г, 2012г); альманах современной поэзии «Зелёная среда», г. Санкт-Петербург (2011г), литературный журнал «Литературный MIX», г. Санкт-Петербург (2011г); сборник стихов «Новый век», посвящённый 50-летию Костромской писательской организации (2011г); литературный альманах «Тонкий журнал», г. Москва (2012г) и в других изданиях.

На душе,
как в тайнике.
Чушь и ложь связав,
Не гадай мне по руке...
А гляди в глаза!

Летающий ангел прошлой ночью
Своим крылом
Легонько тронул колокольчик
У входа в дом.
А мне, прикрывшей плотно двери,
И невдомёк,
Что всем нечаянным потерям
Уж кончен срок;
И то, что виделось туманным
Сквозь боль и страх,
Так неожиданно и странно
Легло в ногах...

С утра дожди -
и тянутся минуты,
Часы... Весь день!
Опять душе в угод -
Безрадостной -
домашнего уюта
Захочется в такую непогоду.
И всё равно:
Дюма или Толстого
Держать в руках.
Забиться бы! И просто

Уйти, как тень, в молчание.

И снова

Читать, читать, читать...
Да так, чтоб вдосталь!

Всю ночь над полем чистым,
белым,
Танцую, как в последний раз,
Метель надрывно песню пела
О тех, кто ждал урочный час.

Но с первым знаменем рассвета
Её неровный рваный стих,
Неоднократно буйно спетый,
Стал скорбен в голосе и тих.

С печалью -
вкрадчиво, негромко,
Как откровение, она,
Летя клубящейся позёмкой,
Шептала чьи-то имена...

Час откровения отсрочен,
И в силе гневной дух бунтарства
Рвёт, не жалея, душу в клочья
За слабость и непостоянство!

И что, казалось бы, такого -
Уйти в молчании?..

Но это
От недосказанности снова
Вопрос оставит без ответа.

Зашёл, как будто между делом,
Одно с другим едва связав.
О, как смешно и неумело
Свои я прятала глаза!

Как по-предательски безбожно,
Равняя с сонмищем глупцов,
На твой вопрос неосторожный
Зарделось вдруг моё лицо.

Какая страшная досада -
Обезоружена опять!
Тебе хватило только взгляда,
Чтоб всё, конечно же, понять...

Обведя в оконной раме
Очертание креста,
День ушёл,
как гаснет пламя,
В суете сует устав.

...Ничего не нужно,
кроме
Тишины.

Кругом темно,
Лишь горит в соседнем доме
С красным отцветом окно.

Смотри, как ярко фонари,
Храня порядок строгий,
Горят в преддверии зари
По краю вдоль дороги.

Во всей округе тишина,
И, кажется, такая,
Что нет у этой бездны дна,
Как нет, пожалуй, края!

Ещё немного -
только миг -
И там, где темень глуше,
Сорвётся эхом птичий крик,
Ночную тишь обрушив.

И вскоре с точностью примет
Падёт на наши лица
От горизонта алый свет
Небесной багряницы...

* * *

В уставшей комнате моей
Пятьсот отмерено шагов
В пути от шкафа до дверей -
По круговой -
почти без слов.

По четырём её углам
Твоё лицо, как Божий лик.
Но этот храм...
Но этот храм
К моим молитвам не привык.

* * *

Хочу молчать и просто рядом быть -
Признать провал в своей
смешной борьбе...
И если вслух открыто говорить,
То только лишь с тобой и о тебе.

Луна

Она вошла в уснувший дом
Под крик усталой птицы,
Скользнув бесформенным пятном
По тёмным половицам;
Заполнив разом пустоту,
Смешала блики, тени,
Часы, минуты, секунду
Дробящихся мгновений...
Коснулась рук моих лучом
И в памяти постылой
Накрыла белым полотном
Всё то,
что было...

Осеннее

А дождь всё льёт и льёт -
и нет конца и края...
Срывающийся вихрь
безжалостным исчадьем
Кружится вдоль аллей,
со злобой оголяя
Чернеющих стволов
простое многорядье.
И люди при зонтах,
невольно горбясь, мокнут,
Ведь проку от зонтов
на самом деле мало.
Приветствую тебя тоскою
в жёлтых окнах,
Больного октября обычное начало!

Ноль

В изгибах
цельного овала
есть гибель мира
и его
закономерное начало,
как есть в звучащей букве «О»
испуг,
восторг и
торжество...

Дачное

Свой порядок наводя,
Третий день на даче
Постоянного дождя
Реки, не иначе!

Облаков молочный цвет,
Как позавчерашний, -
И поры удачней нет
Для хлопот домашних...

Но в уютной суете
Беготни и смеха
Всё дела в руках не те -
Шутки да потеха.

И, забывшись, мы опять
Будем вечер длинный
В разговорах коротать
У окна в каминной...

* * *

Вечер вдвоём до обидного мал...
Много ли может быть счастья?
Он, уходя, мне вчера целовал
Синие жилки запястий;

И, расставанья предчувствуя страх,
Голосом на полутоне
Что-то шептал с поволокой в глазах,
Не отпуская ладони.

В муках серьёзно и громко спросил
С жаждой прямого ответа,
Но отвечать ему не было сил,
Как и молчать об этом...

Снег

До мая меньше трёх недель,
И вдруг зима набегом
Пустила в небе канитель
Непрошенного снега.

Он мог без устали убрать
Дороги и фасады
В привычный белый
и опять -
На сколь хватало взгляда!

Но перед ним всё утро шли
Дожди,
и, долетая
До обнажившейся земли,
Он тут же сразу
таял...

Июнь

Сестре Любе

По Воздвиженке
до Арбата
в разговорах с тобой
идти,
улыбаясь, как каждый пятый,
всем, случившимся на пути, -
и знакомым
и незнакомым -
бессознательно...

Просто так!
Не замкнётся
кольцом Садовым
наш неровный,
но лёгкий шаг:
в тонких платьях
из льна и ситца
в переулках кружить,
бежать,
в окнах частых на миг
двоиться,
вскользь поглядывая
на статью.

И томительно вдруг,
по-детски
раскалённый кляня эфир,
на скамейке
времен советских
с наслаждением есть
пломбир.

Из цикла «Память прошлого»

Зое Космодемьянской

Было ли?
Было! И не было сном...
Знаю,
за трусость в бою
Ты не простила б,
и чувствую в том
Крепкую волю твою.

Смерти
действительно, девочка,
нет!

Видишь - мы рядом стоим;
В каменной строгости
твой силуэт
Кажется всё же живым,

Ровная поступь, как прежде,
легка.

Помня, что нам по пути,
Хочется,
тронув тебя за рукав,
Вместе с тобою идти.

Но между нами,
как пропасть, легла,
В вечности славя твой лик,
Непреходящая
тяжкая мгла
С чётностью алых гвоздик.

Андрей НАСОНОВ

Поэт. Закончил биологический факультет КубГУ. Проживает в Краснодаре. Старший научный сотрудник Краснодарского НИИ сельского хозяйства. С 2008 г. региональный представитель международного литературного проекта «Интеллигент». Лауреат литературных конкурсов: городских - «Поэт Декабря» (2002, 2007) краснодарского городского клуба литераторов «Гамбургский счёт», и краевых: «Глагол» и «Голоса Надежды». Финалист литературных конкурсов: «Бекар» (2005, 2006), «Cambala» (2011). Лонг-лист «Илья-Премии» (2007), «Согласования времён» (2011). Участник V, VII, XI, XII Форумов молодых писателей России, фестивалей «Ростовское время» (Ростов-на-Дону), Cambala (Донецк) и Шорох (Симферополь). Печатался в различных отечественных и зарубежных изданиях.

В этом городе море со всех сторон.
Это море людское - языков и тел.
Нас привезёт маршрутка, зане паром,
к берегу, обрывающемуся в высоте.

Мы сорвёмся в море, как с привязи
из окна и оживём в этой живой воде.
А ты водица возьми нас и принеси,
и посели на время в вечности и пустоте.

Голоного: стопою и пальцами
ощупывая каждый камень в пути к воде,
скинем на берегу свои крабы панцири,
самые крепкие по моде.

Неизвестной науке босекомой мелочью,
впаянные в тягучий янтарь волны,
мы останемся здесь,
как забытый кофец в примерочной,
неподошедшие, тишиной полны.

Высокий берег.
Мы идём по спуску вверх
и солнце накренилось, и луч померк.

Мы выбрались уже из тины
и доза радиации в мелатонине

и там внизу на узкой полосе,
лежат от волн на тонком волоске,

микроскопические - китовья морда в криле,
и жарятся на южном гриле,

такие же как мы, но мы уже не те,
идём всё выше, в сушь отбрасывая тень

и сбоку скалы, и выше скал многоэтажки,
и ноги волочить, после работы в море, тяжко.

А выше и отходит вечность - медок, орех, чучхела -
базарчик, смуглая хозяйка в теле.

Жизнь прежняя за столиком в кафе не отдыхает
и как-то параллельно проплывает,
и парашютисты пролетают.

Исписанный мелко лапками чайчьиими,
мятый пятками, словно неудавшийся лист...
Как я хочу, вернуться туда, отчаянно,
лишь бы был «-ятый» год, но мешает «лишь»...

Но мешает свист, времени, постоянный
свист, завывание радиочастотной пурги,
из далёкой, уже погибшей Вселенной.
Камешек утонул, остались только круги.

Всё возвращается на круги своя.
Что-то чужое, мертвенное и незнакомое.
И ты, как совершившее вынужденный вояж
сухое, коричневенькое насекомое

удивлённо застыл на шелестящем песке,
мелко исписанном лапками чайчьиими,
мятом пятками, словно неудавшийся лист...

Анна Мамаенко

В 2005 году окончила дневное отделение Литературного института им. А.М.Горького. Публиковалась в журналах «Знамя», «Юность», «Наш современник», «Литературная учеба», «Кольцо «А», «Наша улица», «Осколки», «Интеллигент», «Южная звезда», «Донъ», «Микролит»; «Литературной газете», альманахе «День поэзии»; коллективных сборниках «Пролог» (Москва), «Формула радуги» (Омск), и других печатных и интернет-изданиях. Имеет научные публикации. В 2000 году основала литературно-театральную группу «Пункт Приема», в составе которой участвовала в концептуальных поэтических спектаклях и перформансах. С 2008 по 2009 год являлась исполняющей обязанности председателя Краснодарского краевого отделения Союза российских писателей. В разные годы работала помощником библиотекаря, внештатным корреспондентом, сторожем, редактором издательства, землекопом в археологической экспедиции, литературным консультантом, озеленителем и завитом театра. Сейчас работает собственным корреспондентом федеральной газеты «Тайное и явное». Член Союза журналистов России.

Я был убит в бою последнем.... Несостоявшемся бою.
До дня победы оставалось, как до угаснувшей звезды.
Со дна меня смотрели рыбы сквозь ледяную чешую,
и глухо в руки листопада ложились спелые плоды.

Из глаз моих струились змеи и становились на часах,
каких-то полночей нездешних пересекая лабиринт.
А где-то плакавший ребёнок ещё ни слова не писал.
Как страшное напоминанье, я становился перед ним.

Вели замшелые ступени в расколотую темноту,
где перед казнью день вчерашний просил пощады у земли.
Чернилами сирень дышала в сурово шепчущем саду,
и боги ничего поделать ни до, ни после - не могли.

Заката кровь и кровь рассвета мешались в глине бытия.
Верховный жрец легко и нежно о листья вытирал тесак.
И, становясь светлей и выше, уже не помнил про меня.
Лишь время двигалось обратно на всех потерянных часах.

ЛИСАРХ

По домам заброшенным, славный и босой,
ходит, словно время, человек с лисой.
По пустынным землям и по городам.
По раскатам грома. По чужим следам.

С рыжею лисою ходит по земле.
Он всегда – и трезвый, и навеселе.
Тянется на запад, бродит на восток
он одновременно. Я бы так не смог.

У него в кармане прячется лиса.
И в запасе – вечность (ровно полчаса).
Ливень бьет наотмашь. Грозная вода
смоет человека раз и навсегда.

А лиса таращит хитрые глаза.
Острыми зубами шелкает лиса.
Нужный, словно громкий прошлогодний смех,
молнию в кармане носит человек.

И горят деревни за его спиной.
Горько плачут дети, падая золой.
На погосте древнем, у разбитых плит
человек с лисою безмятежно спит.

Просыпаясь, гладит рыжего зверька.
Потому что добрый он, наверняка.
Потому что знает – всякому свой час.
Потому что любит каждого из нас.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ ГРАБЛЕЙ

Палач приходит с работы, в пыльное смотрит окно.
За окном прорастают дети и соседи горькую пьют.
Палача никто не боится. Он ложится на самое дно.
Ставит ветер на патефон, и жертвы ему поют.
Он грустно выходит из дому, всегда забывая ключи.
Его инструмент рабочий топорщится из-за плечей.
Он чокается с подследственными, улыбается и молчит.
И за это его никогда не возьмут в профсоюз палачей.
На службе своей нелегкой он заработал стаж.
Стаж головной боли и не увиденных снов.
За ним проверочным словом черный крадется страж,
заступая ночами липкими из пауциных углов.
Палач ни о чем не помнит, приветствуя новый день.
Пока счастливых билетов карманы его полны,
где мятые честь и совесть, и прочая дребедень.
Гражданин вполне заменимый уникальной своей страны.
Он мастер сурового спорта – хождения по граблям.
Грабли – его призвание. Он едет в страну граблей.
Но строгие пограничники выдвигаются по следам,
и аннулируют визу, наклеенную на бутылке.
Жертвы его в замешательстве пикетируют горнарсуд
и требуют возвращения любимого палача.
Его заключают в объятия и на поруки берут,
за два инструмента рабочих – крылья из-за плеча.
Он смотрит непонимающе, моргая на яркий свет.
Мечтая о грабельных танцах над пропастью в спелой ржи,
пока подмастерье затачивает рабочий его инструмент,
и строчит докладную, если осужденный немного жив.
Палач плетется на службу и выполняет приказ.
В свободное время вглядываясь в очередной стакан –
на закате изящные грабли танцуют медленный вальс,
в прекрасном круженье падая в Мировой Океан...

БАЛЛАДА О СОЛНЕЧНОМ ЗАЙЧИКЕ

Солнечный зайчик, бродяга, проказник и плут -
где только он не был, чего не видал на земле.
Он падал в зачётку студенту, опаздывающему в институт,
и ходил в дальнее плавание на парусном корабле.

Его завязали в бантик на первое сентября.
И подарил влюблённый вместе с цветком полевым.
Он шептал старику уходящему, что жизнь прожита не зря.
Ходил с бойцами в атаку и давал надежду больным....

А еще он видел, как пьяный насилует дочь.
Как показания выбивают из невиновных парней.
Он ничем никогда никому не умел помочь,
от этого с каждым днём становясь черней.

Он согревал малолетних путан по обочинам трасс.
Освещал ВИЧположительных и торчков.
С обезумевшим миром смывался в один унитаз,
отражаясь выстрелом от полицейских значков.

Отражаясь взрывом от каменных глаз вождей.
Отражаясь печалью от зрачков замёрзших бродяг.
Он с каждой облавой становился черней и злей,
не помнил, кто он, и здесь оказался как.

Маленькой чёрной дырой он был на земле,
встречным и поперечным заглядывая в глаза.
По ночам выходил на охоту, днём засыпал в золе,
проклиная солнце и синие небеса.

И вот однажды, выйдя ночной тропой,
к чёрному знаменателю приводить гуляк,
робкие шаги сгорбленною спиной
он ощутил внезапно. И сжался в грозный кулак.

Он рванул неистово, чтобы ударить влёт...
Но стал, как вкопанный, увидев в прицел зрачков
малыша в красных сандаликах и игрушечный самолёт,
неумело-старательно сложенный из тетрадных листков.

Малыш глазами солнечными смотрел на него в упор.
Не убегал. Не прятался. Просто доверчиво ждал.
Он сказал: «Чёрная птичка, мне страшно... Побудь со мной.
Я потерялся и маму весь день искал...»

И бывший солнечный зайчик увидел сырой подвал,
навзничь лежащую женщину, покончившую с собой.
И понял, зачем все годы так безнадежно ждал.
И, засветившись, прижался к щеке – щекой...

Светом её наполнял, принимая тьму...
Они возвращались домой, дорогой боли своей.
И, уже исчезая, он тепло подмигнул
стоящему в красных сандаликах главному из людей.

Малыш взял маму за палец и посмотрел в глаза.
Подарил тетрадный игрушечный самолёт.
Огляделся вокруг и тихонько сказал:
«А разве чёрную птичку никто не ждёт?...

Пускай прилетает. Я ей насыплю зерна.
Буду её любить и она не умрёт...»

А солнечный зайчик спал. И снилась ему весна.
Мальчик в сандаликах
и клетчатый самолёт.

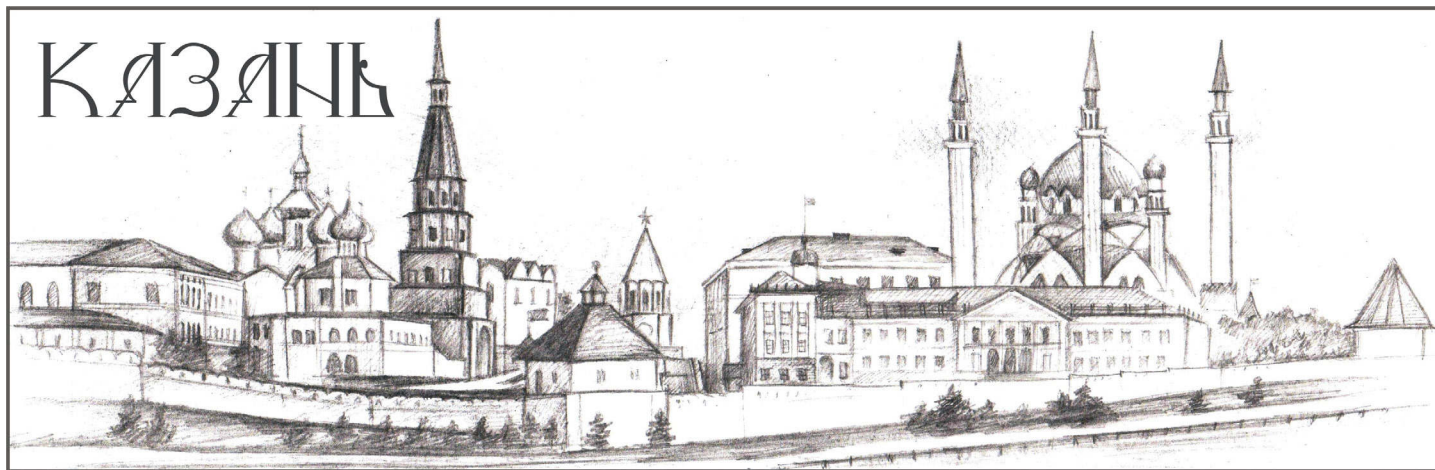
* * *

Тень птицы сквозь древесный лабиринт
замешкается. Отлетает семя.
впечатываясь в распростёртый день
и прорастая ночью через край.
Усталый путник ждёт у родника.
В его котомке притаилось время
несбыточное. Так вползает змей
по дереву в бесплодный чёрный рай.

На дне источника шевелится вопрос.
Ответ в гнезде на дереве таится.
Скиталец вертикальные зрачки
устало устремляет на закат.
В его древесных сумрачных руках
уснула предпоследняя граница
и мерно вытекает из глазниц
забвение всему несущий яд.

В ручье томятся лица тех, кто пил
тяжёлую змеящуюся влагу.
Но там, где капли скатывались вниз,
росли деревья и алел восток.
Вниз по течению путник уходил,
в зеркальном сне не делая ни шагу,
Туда, где змеем оплодотворён
на древе распутившийся цветок.

ПОСЛАНЦЫ ОПЕРНОГО ЧУДА

Если Казань – третья столица России, то Казанский оперный театр, официальное название которого Татарский академический государственный театр оперы и балета имени Мусы Джалиля – тоже третий в стране и по рангу, и по факту. А кое в чём он даже первый. В частности, в том, что в его недрах 34 года назад зародилась идея организовать и провести оперный фестиваль, получивший вскоре статус всесоюзного, а затем и международного. Так что Татарский театр в этом смысле – как факелоносец на олимпиаде, которая, в отличие от спортивной, проходит каждый год! Ни кризис, ни курс доллара и никакие другие курсы и кризисы не способны остановить это замечательно яркое движение вверх – к вершинам искусства и вперёд – к новому и неизведанному, которое в «руках» Татарского оперного, а точнее в голове его бессменного директора, истинного и провидческого «двигателя» оперы и балета, Рауфа Мухаметзянова, быстро становится привычным, но от того не менее ценным.

Международный оперный фестиваль имени Ф.И. Шаляпина (а имени кого же, как не великого русского певца, родившегося в Казани) сослужил столице Татарстана большую службу, прежде всего, воспитав публику с хорошим вкусом, ставшую истинным ценителем оперного искусства. Во-вторых, благодаря фестивалю в городе появился памятник Шаляпину, который казанцы считают единственным в мире. В-третьих, Шаляпинский фестиваль, как уже говорилось, был первым в Советском Союзе, именно с него начали организовываться оперные, а позже и балетные форумы по всей стране, в том числе, знаменитый петербургский «Звёзды белых ночей». Наконец, этот фестиваль несёт в себе и общекультурную миссию: участвовать в нём приезжают

выдающиеся артисты, дирижёры и постановщики со всего мира, которые получают представление об уровне российского оперного искусства и дают возможность публике познакомиться со своим творчеством. Шаляпинский-2016 проходил целых 20 дней, что само по себе впечатляюще. Его программу составляли русские и итальянские оперы, Месса си минор «Даруй нам мир» И.С. Баха (идея, хореография и постановка Владимира Васильева), концерт Альбины Шагимуратовой и – в качестве заключительного аккорда – повторившийся дважды гала-концерт солистов молодежной программы Большого театра.

Поскольку фестиваль носит имя Федора Шаляпина, то на каждом фестивале исполняется опера «Борис Годунов» Модеста Мусоргского, в которой в своё время блистал Фёдор Иванович. Великолепная историческая постановка Большого театра с настоящими писаными декорациями по эскизам Фёдора Федоровского (1883-1955) и невероятной красоты «историческими» костюмами (сценограф – Виктор Немков, художник по костюмам – Людмила Волкова) перенесена в Татарский театр оперы и балета в редакции Михаила Панджavidze (дирижёр – Василий Валитов, «Новая опера»). Эта постановка стала раритетной уже и в Татарском театре, поскольку спектакли с таким высокохудожественным и роскошным оформлением в последние десятилетия в России и мире ставят крайне редко.

Словно машина времени отсылает нас на несколько веков назад... Московский кремль, царский терем с расписными сводами, корчма с таким «настоящим» интерьером, таинственная прелесть пышного сада, окружающего Сандомирский замок, – зрители словно побывали не только в Москве, но и в Польше! Бориса Годунова по складывающейся фестивальной традиции исполнял уроженец Казани Михаил Казаков, являющийся сейчас солистом Большого театра. У Казакова – великолепный бас, сильный, но при этом певучий, а партия Бориса – одна из его самых любимых, поэтому результат легко было предвидеть: гром оваций после каждой арии.

В сцене в корчме восхитил песней Варлаама ещё один выдающийся бас – Михаил Светлов-Крутиков (Метрополитен-Опера), артистические качества которого такие же потрясающие, как голос и вокальное мастерство. На фоне таких знаменитых артистов, как Казаков и Светлов-Крутиков, не потерялась молодая солистка Красноярского театра оперы и балета Дарья Рябинко (меццо-сопрано). Её Шинкарька – яркая, кокетливая, со свежим, тембристым голосом и абсолютной свободой сценического существования очень хотела помочь Самозванцу (Сурен Максutow, Михайловский театр), хотя и чувствовала в его поведении какой-то подвох.

В этом спектакле оказалось много актёрских удач (именно актёрских, т.к. вокальная сторона была превосходна априори): Мисаил и Юродивый (солист Татарского театра Юрий Петров), Пимен (Сергей Ковнир, Национальная опера Украины), Марина Мнишек (Агунда Кулаева, Большой театр) и от того аплодисментам не было конца.

Ну, какой же оперный фестиваль без опер Джузеппе Верди! А «Аида», как одна из самых популярных и любимых публикой – в красивой постановке и с хорошими солистами – гарантия успеха. Спектакль режиссёра Юрия Александрова (Санкт-Петербург), к счастью, традиционный, без модных вывертов и осовремениваний, а потрясающей красоты декорации и костюмы москвича Виктора Герасименко завораживают своей художественностью и реалистичностью. Роскошь дворца фараона, храм Изиды, густая египетская ночь и воды Нила в лунном сиянии, и даже склеп, где погибают Аида (Оксана Крамарева (Национальная опера Украины) и Радамес (Ахмед Агади, Мариинский театр) – всё «настоящее», «древнее», но при этом живое, этим декорациям веришь, так же, как и замечательным солистам (дирижёр Стефано Романи, Италия). У Оксаны Крамаревой – прекрасный, крупный голос, расцвеченный большой палитрой чувств, её Аиде сопереживаешь, как родной, настолько проникновенно певица поёт и играет эту роль.

Поражала роскошью своего меццо-сопрано Народная артистка России Ирина Долженко (Большой театр) – Амнерис. У Ирины она не жалкая в своей раздвоенности, а личность, потерпевшая крушение, но сохранившая величественность. Верится, что её Амнерис со временем воспрянет. Солист Мариинского театра Ахмед Агади (Радамес) – любимец казанской публики. Он вызывал аплодисменты одним только появлением на сцене.

«Евгений Онегин» (режиссёр Михаил Панджavidзе, художник-постановщик Игорь Гриневич (1952-2012), с одной стороны, вроде неоклассическая постановка, а с другой – не без нелепостей, как, например, Татьяна, встречающая гостей, стоя на табуретке в странном платье (Мария Пахарь (Московский музыкальный театр имени Станиславского и Неми-

ровича-Данченко) на балу у Лариных. Но в целом, спектакль «смотрибельный», а при хороших солистах – таких, как Василий Ладюк из Новой оперы (Онегин) – звучный баритон с выверенным звуком, артистизмом и темпераментом, и вовсе забываешь о некоторых причудах режиссёра. Сергей Скороходов (Мариинский театр) – опытный Ленский, но каждый раз трогает сердца публики красотой голоса и искренностью исполнения. Эти два солиста, а также энергичная, игривая, стройная, как березка, Ольга (Екатерина Сергеева, Мариинский театр), умудрённый жизнью, взвешенный Гремин («Народный артист Казани» Михаил Казаков) и умильный Трике в валенках (Юрий Петров, Татарский театр) создавали прекрасное оперное полотно (дирижёр Ренат Салаватов), в которое по качеству голоса и пения не слишком вписывалась Татьяна Марии Пахарь.

Одним из «фейерверков» фестиваля стал концерт Альбины Шагимураовой, певицы, озарившей своим талантом ведущие оперные сцены мира. Альбина открыла программу татарской народной песней «Воды реки Сакмар», исполненной а capella. Затем прозвучали арии из опер и «Соловей» Алябьева. Шагимураова пленила просвещённых казанских слушателей владением тончайшими штрихами, фразировкой, множеством красок голоса, которыми она пользуется осознанно до мельчайших деталей. Помимо виртуозного вокала, Шагимураова захватила публику и психологизмом исполняемых произведений, что не так уж часто встречается в современном оперном мире.

В концерте с Шагимураовой выступили также Василий Ладюк, Сергей Скороходов, хор и оркестр Татарского театра под управлением Рената Салаватова и Стефано Романи, и все они вместе юмором и яркими импровизациями превратили концерт в захватывающее действо.

В «Набукко» Верди (постановка Дени Криефа (Италия), сценограф Андрей Злобин (Киев), художник по костюмам Анна Ипатьева (Киев), дирижер Марко Боэми (Италия) одну из главных партий – Захарию – Михаил Казаков исполнил тоже с блеском. А восхитительный хор Татарского театра (главный хормейстер Любовь Дразнина) с потрясающей драматической выразительностью и невероятно чистым и богатым звучанием был украшением всех фестивальных спектаклей.

Неизменный успех Шаляпинского фестиваля в Казани в том, что для его организаторов нет мелочей, всем аспектам исполнения уделяется максимум внимания. А рождающееся в результате Искусство платит за это сторицей.

Фото предоставлено Татарским театром оперы и балета. Цветные фото на развороте журнала.

Людмила ЛАВРОВА

Живет в городе Санкт - Петербург. Журналист, оперный и балетный критик. Окончила Ленинградский государственный университет и аспирантуры в Американском университете (США) и Кембриджском университете (Англия).

Имеет степени Master и Ph.D. Автор более 700 публикаций о музыкальном театре (обзоры, рецензии, интервью с оперными знаменитостями) и книги «Зара Долуханова в XX и XXI веках».

ОТ «МЕДЕИ» ДО «ЗОЛУШКИ»

Таллин. Оперный театр

Обзор недавних постановок в Эстонской национальной опере.

Если, собираясь на оперный или балетный спектакль, вы хотите, чтобы вас окружала нарядно одетая публика (все как один, включая мужчин и детей, в вечерних туфлях), которая в абсолютной тишине (не считая, конечно, звуков оркестра и происходящего на сцене) внимательно и с интересом слушает спектакль от первой до последней ноты, а потом благодарно аплодирует и неспешно шествует в гардероб (а там перед началом спектаклей лежат выстиранные и выглаженные большие холщовые мешки, в которых можно бесплатно сдать уличную обувь), смакуя только что увиденное, услышанное и пережитое, тихо обмениваясь впечатлениями друг с другом и храня в себе атмосферу, в которую окунуло их искусство музыкального театра, то вам надо непременно поехать в Эстонскую национальную оперу в Таллинне. Построенное в 1913 году здание весьма необычно для оперного театра, т.к. состоит из двух одинаковых «крыльев», в одном из которых расположен театр оперы и балета, а в другом – Эстонская филармония. «Крылья» соединяет переход, где разместились кафе и лекционный зал с зимним садом, которые никогда не пустуют. Примыкающую к зданию парковку украшают шлагбаумы в виде кисти руки с дирижёрской палочкой, направленной в сторону главного входа. По Станиславскому, театр начинается с вешалки, а Эстонская национальная опера – ещё с парковки.

Помимо известнейших классических опер и балетов, которые идут во всех уважающих себя театрах мира, Эстонская национальная опера ставит и спектакли, созданные нашими современниками, причем, многие из них – весьма удачные. Одной из таких значительных новинок стал балет «Медея», мировая премьера которого состоялась на таллиннской сцене. Хореограф-постановщик Джанлука Шиавони (Италия) объясняет выбор античной трагедии тем, что его потрясла история, в которой сильная женщина, испытавшая предательство мужа, ради которого она покинула свою родину, желая отомстить ему, убивает их общих детей. По

мнению Шиавони, убийство, совершенное Медеей (Луана Георг), – не только результат её помешательства, но и трагический выбор, сделанный ею в результате болезненных доводов. Кроме того, убеждён хореограф, Медея, как и Главка (Хейди Копти), дочь Креонта, царя Коринфа (Джонатан Дэвидсон), сама является жертвой мира, где доминируют мужчины, всегда используя любовь для достижения своих целей. «Подбор музыки для «Медеи» был сложен и долг, – говорит Джанлука, – я искал музыку, в которой были бы контрасты, чтобы публика почувствовала и красоту, и подсознательную гротескность, и пронзительность трагедии. Я нашел это в произведениях Стравинского и Шнитке». (Ещё в спектакле используется музыка Dead Can Dance).

По выразительности хореографии и силе драматургии «Медея» (либретто Марко Гандини, Италия) напоминает «Легенду о любви» Юрия Григоровича, при том, что их стилистика совершенно разная. Мощному воздействию балета на публику способствуют и актёрский талант прима-балерины и премьера Эстонской Национальной Оперы Луаны Георг и Сергея Упкина, и лаконичные, но впечатляющие своей художественностью декорации Марии Росси Франки и Андреа Точчио (Италия) – чего стоит одна только стена из плотно пригнанных красных роз, на которой вертикально висят, словно приклеенные, две большие белые змеи с переплетёнными телами! Красочные костюмы Симоны Моресси (Италия), высокий уровень балетной труппы и дирижёр Велло Пяхн довершили успех постановки.

«Золушка» на музыку Сергея Прокофьева идёт в Эстонской национальной опере в постановке и хореографии Марины Кеслер, она же автор либретто, несколько отличающегося от оригинального, написанного Николаем Волковым. В эстонской версии «Золушки» есть переключки с цирковым искусством (например, участие в одной из сцен дрессированного «медведя»), а также с не балетными спектаклями (персонажи бегают с электрошокером, делают укол гигантским шприцем), но, тем не менее, «Золушкин» сюжет сохра-

няется. В финале Принц (Евгений Гриб) и Золушка (Алёна Шкатула) превращаются в две звезды, а потом соединятся в одну. В спектакле очень удачная хореография у сводных сестёр Золушки (Хейди Копти, Марика Мюйсте) и их матери, мачехи Золушки (Трийну Леппик-Упкин) – в них и гротеск, и изломанность линий, и энергетика зла, которая вызывает не страх, а смех. Ну, или улыбку. Есть и другие интересные танцы – например, вальс Принца и Золушки, танец низкопоклонства, исполненный кордебалетом, соло Золушки и другие. Одежда сестёр и мачехи тоже оригинальна: в черно-белую полоску у Мачехи и одной сестры, и в клетку у другой (художник по костюмам – Герли Тинн). Сценическое оформление (Лииси Еэлмаа), скорее, похоже на позаимствованное из какого-нибудь телешоу: яркость, броскость, но без тонкости и нюансов, однако, детям очень нравится. Ну, у современных детей – и «Золушка» современная. Дирижировал спектаклем Юрий Альпертен, из-под дирижёрской палочки которого лилась великолепная музыка Сергея Прокофьева, которой все ухищрения XXI века были безразличны, потому что она знала, что она и так – на всё времена.

А вот одной из самых любимых публикой опер – «Аиде» Джузеппе Верди, новую сценическую (читай – режиссёрскую) версию которой представил в Эстонской национальной опере постановщик Тобиас Кратцер (Германия), не повезло. По воле режиссёра действие из Древнего Египта перенесено в современную гостиницу. Аида (Хели Вескус) – не эфиопская царица – пленница фараона, а горничная в отеле. Всё действие оперы происходит в одном и том же месте: в номере, который снимает Радамес (Георгий Ониани, Германия). Эта тесная комнатка с санузелом с прозрачными стенами – и дворец фараона, и храм Изида, и склеп, где по легенде погибает Аида со своим возлюбленным – фантазия и воображение зрителей должны быть беспредельными. Амнерис (Моника-Эвелин Лийв) – гламурная дамочка в шелковом не до конца запахнутом халате. Кроме того, постановщик ввёл в спектакль действующее лицо, которого в опере отродясь не было, и для которого, разумеется, музыки тоже нет – мать Амнерис, жену фараона (Кадри Киппер). Роль ей

отведена, в основном, безмолвная, но наполненная мельтешением и суетой, в результате чего получилась не столько мать Амнерис, сколько служанка или приживалка, которая пытается быть советчицей и лезет в душу своей не то дочери, не то хозяйки. Но среди этого мельтешения мать Амнерис даже какие-то звуки издает, наподобие пения нескольких фраз противным, высоким голосом.

Апофеозом постановки стала не сцена гибели в склепе Аиды и Радамеса, а возвращение Радамеса с победой, хотя куда он ушел из гостиницы и что делал, уйдя, было непонятно. Все действующие лица собрались в номере Радамеса, а поскольку места там мало, то персонажи скученно стояли на кровати. В какой-то момент с потолка номера посыпался ... песок. Много. На глаз – несколько мешков, он засыпал толстым слоем всю сцену. А из другого угла потолка полилась вода. Тоже много. Бедные артисты прикрывали головы кто чем мог: «гостиничными» подушками, одеялами, словом, кто чем... А песок всё сыпался и вода лилась... При таком антураже кто как поёт уже не имело значения, хотя все, кроме Ониани, пели хорошо (дирижёр – Велло Пяхн).

В какой-то момент в «Аидном» номере гостиницы откуда ни возьмись появляется... слон в натуральную величину (гигантская такая кукла-слон) и так же неизвестно как исчезает. В финале этот слон опять появляется, но уже мёртвым, лежащим на боку на полу в опустевшем номере, где со стен свисают оборванные провода, а из обстановки – только кондиционер под потолком. Как и зачем появился слон в номере гостиницы и что означает его там появление, никто мне толком объяснить не смог. Видимо, тайна сия велика есть.

Людмила ЛАВРОВА
Фото предоставлено
Эстонской национальной оперой

МАГАДАН Интеллигент

Александр Сырченко

Наши авторы и читатели уже по достоинству смогли оценить работы Александра Сырченко в газете «Интеллигент. Москва», в журнале «Интеллигент. Избранное». Его работы публиковались и в других изданиях, например, в «Мегалите», в журнале «Витражи» (Австралия), о чём вы можете убедиться в материалах этого номера журнала. Всё это говорит о том, что Александр замечен, как интересный автор своих работ не только у себя в Магадане, но и в различных регионах России и за рубежом. Однако, благодаря нашему учредителю Сергею Малашко, мне повезло гораздо больше, чем другим, в знакомстве с этим замечательным человеком. Потому очень хочется ознакомить и других авторов и читателей наших изданий, которые у нас по всему миру, с разносторонним творчеством Александра Сырченко.

– Александр, наш дружный международный коллектив приветствует вас и благодарит за ваши стихи, предоставленные для наших изданий. Расскажите, как вы оказались в Магадане, чем притягивает этот город, что связывает вас с ним?

– Здравствуйте, Сергей. Я тоже рад приветствовать вас и весь ваш дружный международный коллектив. Рад тому, что мы обрели друг друга, надеюсь, на долгие годы. После окончания срочной службы, которую проходил в Кремлевском полку в 1985-1987 гг., я учился в г. Донецке в государственном Университете на филологическом факультете. Однажды я встретил девушку из этого же университета – студентку биологического факультета, в которую мгновенно и бесповоротно влюбился. После двухнедельного знакомства, я сделал ей предложение выйти за меня замуж и, по истечении минимального срока, предусмотренного правилами Загса, мы зарегистрировали брак. Желая обеспечить достойный материальный уровень своей молодой семье я, при содействии своего отца, прибыл в г. Магадан. Со мной, конечно же, прилетела и моя жена. Первые по трапу самолета мы сошли на магаданскую землю 3 августа 1989 года. Я был по-настоящему заворожен красотой и силой колымской земли. Великое, неприветливо-холодное, но глубинно-благородное, по-царски щедрое Охотское море, какая-то совершенно сюрреалистически буйная симфония красок неба, рек, скал, тайги и тундры, какая-то загадочная и волнующая, как при только что законченном сотворении мира, безлюдность колоссальных просторов и ощущение разлитого в космически-чистом воздухе вечного, вездесущего, мудрого и великого Духа. Таковы были мои первые впечатления. По мере знакомства с колымской землей, которая, кстати, опоясана 25 километровым вулканическим поясом, мои впечатления усиливались и, по-хорошему, усложнялись. Я досконально изучал историю этого края, прарелигии, вернее праверования и культы, исповедуемые древними народами, населявшими эти земли, их культуру и быт. Новые знания

во многом ломали картину мира, сложенную из знаний, полученных из официальных источников. В частности, при археологических раскопках были обнаружены останки древних людей европеоидного типа, при лабораторном анализе которых установлено, что их возраст намного старше, чем возраст знаменитого мальчика из пещеры Тешик-Таш, являющегося, по мнению официальной науки, доказательством происхождения людей от обезьян. Новейшая история Магаданской области известна, конечно же, гораздо больше. Это история лагерей ГУЛАГа, неразрывно связанная с общей историей нашей Родины, времен СССР. Одновременно история величия и позора. В Тенькинском районе Магаданской области в жутком лагере «Бутугычаг» добывали уран, там же находилась обогатительная фабрика имени Л. П. Берии, недалеко от нее «Вакханка», женская зона. Мрачные, полуразвалившиеся бараки до сих пор напоминают о тех страшных временах. До сих пор там качаются на ветру маленькие качельки, сооруженные для ребенка начальника лагеря, до сих пор угрюмо стоят бетонные укрепления с проемами для автоматчиков, охранявших лагерь, до сих пор там лежит огромная куча грубой арестантской обуви, подбитой транспортерной лентой, так как подошвы заключенных быстро изнашивались, когда они тащили по острым камням ураносодержащую руду. До сих пор после таяния снега во многих таежных местах обнажаются различные фрагменты человеческих останков, так как вечная мерзлота не в состоянии их «переварить». Там же часто находят кости древних животных: мамонтов, носорогов и других. По роду своей деятельности я общался с представителями всех социальных групп Магаданской области от криминальных элементов до творческих и научных деятелей, верхних руководителей региона, поэтому хорошо знаю и фасад, и изнанку нашего северного края. У меня много надежных, проверенных временем и трудностями друзей, я очень скучаю по этой земле и людям, когда приходится их временно покидать. Меня какая-то прочнейшая духовная пупови-

на связывает с этими местами, людьми, быть может, даже с Духами этих мест, гор, вод и ветров. Поэтому, где бы я ни был, через какое-то время начинаю испытывать сильнейший эмоциональный, психологический и даже физиологический дискомфорт из-за отсутствия возможности дышать этим воздухом, ходить по диким таежным и горным тропам, пить непосредственно из живых родников студеной, кристально чистой воду и воспевать молитвенную хвалу Всевышнему за все это.

– Александр, я хотел бы раскрыть вас не только как интересного автора стихов, а потому спрошу вас вот о чём. Мне пришлось познакомиться с вашим прекрасным голосом при исполнении ваших песен, а вопрос у меня такой: вы исполняете только собственные песни или же у вас есть свои предпочтения и к другим авторам текстов. Кого бы вы отметили?

– Спасибо за добрые слова. До службы в армии я жил в городе Киеве. Так как сочинять стихи я начал еще в детстве и в 4-м классе состоялась моя первая публикация, поэзия стала неотъемлемой частью моей жизни. Поэтому я участвовал в различных творческих объединениях и литературных и музыкальных и театральных. И в этот период мы с друзьями произвели ряд магнитофонных записей моих юношеских песен в музыкальном сопровождении моих творческих друзей. В основном это были мои песни. Но однажды я решил записать двадцать три или двадцать четыре уголовных песни. Я подчеркиваю, не дворовых, не стилизованных под блатные, а именно настоящих тюремных песен. Я не знаю их авторов. Это были песни из моего детства. С 4-х до 8 лет я проживал в г. Артемовске Донецкой области в самом большом довоенном доме. Мой дедушка обожал голубей и держал их в старом, но крепком и чистом сарае. Недалеко стоял огромных размеров стол с пластиковым покрытием и по вечерам за этим столом собирались очень колоритные люди и играли в домино и карты. Они выпивали, курили, вспоминали прошлое. Были среди них фронтовики, бывшие «сидельцы» и простые рабочие люди. Мой дедушка в 8 лет остался круглым сиротой в славном городе Одессе, ну и, конечно же, хлебнул беспризорной жизни, о чем рассказывал мне колоссальное количество историй, да и о других периодах его жизни. Но он был виртуозным токарем, разработал новый тип комбайна и на пенсию вышел с должности главного механика механического завода. Во время войны был ранен, остался без одного глаза, имел большое количество наград. Во дворе, да и вообще все кто его знал, относились к нему с очень большим уважением. Так вот я плотно общался со всеми этими людьми. Несмотря на разные судьбы и социальное положение, их объединяли общие принципы: дал слово – держи, не закладывай никого и никогда, дерешься – дерись до последнего, никогда не становись на колени и т.д. Там же, под гитару, баян, да и просто так звучали военные и тюремные песни, наполненные настоящей солдатской или лагерной тоской. Об этой тоске солдатской я потом уже прочитал у Виктора Астафьева, о лагерной тоске рассказывал при встрече Георгий Жженов, который «тянул срок», и, кстати, играл в Магаданском драматическом театре и многие-многие тер-пигорцы, с которыми меня сводила судьба. Как писал Давид Самойлов: «... И это все в меня запало и лишь теперь во мне проснулось». Вот и во мне также проснулось все, что запало и мы это все записали. Затем серьезные, профессиональные записи я сделал с группой «Оптимисты» в Кремлевском полку. В этот альбом вошли песни на стихи Николая Апухтина, Редьярда Киплинга, Владимира Высоцкого, Александра Розенбаума, ряд старинных романсов и несколько моих песен. Я обожаю и, при случае, исполняю песни Алеши Димитровича, Леонида Утесова, Марка Бернеса, Дины Дяк, Александра Вертинского, Евгения Урбанского, Александра Башлачева и, к сожалению, не известных мне авторов. Я знаю

очень много песен, имена авторов которых канули в Лету. Кроме того, я пою русскую классическую поэзию, которую просто боготворю.

– Александр, слушая песни в вашем исполнении, я поймал себя на мысли, что погружаюсь в некую атмосферу эмиграции, или, так скажем, когда в России шла гражданская война, что-то в соотношении «Господа офицеры», а так же в атмосферу песен эмигрантов революционной, так сказать, волны Галича, или я не достаточно верно уловил композиционное настроение ваших песен?

– Очень верно уловили все, кроме А. Галича, которого исключили из союза писателей (вспомнился союз писателей, описанных М.Булгаковым в «Мастере и Маргарите» - такой же регулярно снабжаемый деликатесами и за это единодушно мыслящий в верном направлении орган по контролю за талантливыми людьми...) и выслали из страны. Но Галич был, всё же, уже советским человеком, вернее, будет сказать, человеком советской эпохи развитого социализма. Поэтому его эмигрантские настроения были совершенно иного порядка, чем у моих героев, которые трепетно любя Родину, были вынуждены либо погибнуть, либо эмигрировать от тех, кто ненавидел Россию, но, по иронии судьбы, оставался и руководил ею. Точнее, насиловал её. Тот цикл песен, который Вы прослушали, поется от лица русского офицера, потомка чигиринских казаков, который совместно с представителями донских казаков переправился на остров Лемнос в Эгейском море и, после череды жизненных перипетий, скончался в турецких трущобах в 60-х годах прошлого столетия, оставив после себя несколько рукописных тетрадей и катушку с магнитофонными записями. А музыкальная студия «Антиквар» передала их в распоряжение советского правительства. Вот в архивах их впоследствии и нашли. Но это легенда. На самом деле это герой моей повести «Паутинка», которого я провел через самые ужасные для русского, подчеркиваю, для русского офицера испытания. Не Хлебом, а Духом я старался испытывать его. Согласитесь, одно дело исповедовать благородные принципы, находясь при «чинах и званиях», другое дело исповедовать те же принципы, когда в них мало кто верит и, более того, откровенно над ними потешаются. Отсюда и настроения этих песен. Ну, а разве в наше время по-другому? Так называемая «элита» общества обогащается любой ценой, исповедуя принцип необузданного эгоизма, а от других общество и мораль требуют тотальной жертвенности и бескорыстия. И в этой ситуации разные люди ведут себя по-разному. Но, по-моему, это и есть Библейское «испытание металлов через горнило».

– Вы сами пишете музыку и аранжировку к своим песням? У вас все песни в некой лирической и в то же время трагичной композиции, или у вас есть торжественные песни в ином так сказать амплуа? Например, по мотивам местного колорита Колымы, которая не всегда соотносится с неким трагически-лирическим осознанием этих краев?

– Музыка пишу сам, а аранжировку делают профессионалы. Я отверг несколько вариантов, по причине наличия в них шансоновских каких-то отголосков, хотя я с большим уважением отношусь к качественному шансону. Однако, я хотел иной подачи звучания, иного инструментария.

Как вы верно заметили – атмосферы. И, наконец, нашелся такой человек – профессионал очень высокого уровня. Он глубоко прочувствовал каждую строку и сделал ту аранжировку, которую вы слушали. Мне очень понравилось, и я благодарен ему за это. Кстати, артисты балета из Магаданского драматического театра сделали две удачных балетных постановки по некоторым этим песням, что меня очень порадовало. По поводу торжественности, скажу так. Я пишу иногда гимны, общаясь с нашей природой, о которой я уже упоминал. Ведь стихи – это формальное завершение совокупности полученных от жизни эмоций, переживаний и

мыслей. Нет эмоций и мыслей – нет стихов. Искусственные построения всегда выдают себя. Я, полагаю, вы согласитесь, что это как в любви. Женщина всегда почувствует фальшь в признании мужчины, если оно неискреннее. А настоящие чувства не оставляют равнодушными. Поэтому научить сочинять стихи, или признаваться в любви без любви – невозможно. Это или есть, или нет. Вот и я пишу, как чувствую, иначе у меня не получается.

– Такие песни, которые я прослушал в вашем исполнении, как мне кажется, исполняются в некой интимной обстановке или в неких небольших ресторанах, в тесном дружеском застолье. Они довольно редко приходят на большую эстраду в исполнении Александра Малинина, Олега Газманова... Однако, это вовсе не говорит о не популярности таких песен, просто чаще творческие люди в своем творчестве отражают реальные истории и события, почему же именно вас так увлекла такая тематика и такое амплуа?

– Абсолютно верно. Мои песни и стихи так и звучат: в небольших театральных коллективах, камерных рестораниках и в квартирах моих друзей и поклонников. Я не являюсь противником эстрады, но так же, как и вы, не представляю свои песни в эстрадном исполнении и не имею никакого желания под это исполнение их подлаживать. Мне чужды коммерческие проекты, да и к публичности я отношусь без восторгов. Я очень ценю сам акт творчества, миг вдохновения, те состояния сознания, в которые я при этом погружаюсь, просветления. Это великий Дар Господа, а придет известность или нет — для меня не особенно важно. Это честно. За все время моей творческой деятельности, я не выставил на продажу ни одного диска, ни одной песни и ни одного стиха. Но много просто раздал. Почему такое амплуа? Я уже частично ответил на этот вопрос. Понимаете, по моему глубокому убеждению, произведения искусства прекрасны тем, что никогда не теряют своей актуальности. Трагедии Софокла в наше время также свежи и злободневны, как во времена античности, драмы и трагедии Шекспира написаны и про наше с вами время, «Божественная комедия» Данте и «Фауст» Гете, так же про все и про всех и на все времена. Дальше можно не продолжать. Поэтому нет разницы в костюмах какого времени одеты герои произведений, если в их душах бушуют вечные семь смертных грехов, как семь нот, из которых сплавлялись миллионы прекрасных и ужасных мелодий и будут сплавляться все новые и новые, пока жив Род человеческий.

– Александр, я вас представляю патриотом России, человеком, который не взирая на различные сложные ситуации, как в самой стране, так и на международной арене, любящим и преданным своему Отечеству, а потому может, стоит сочинять торжественные патриотические песни или все же гражданская лирика, по-вашему, тоже дает людям не только ностальгические воспоминания, но и способность осознавать свою некую неразрывную связь с Родиной, так сказать осознанность себя единым с русским Миром?

– Начну ответ словами из стихотворения Марины Цветаевой: «Спасибо Вам, что Вы, меня не зная сами, так любите!» – это шутка, конечно, но у меня во время публичных разговоров о собственном патриотизме возникает чувство, схожее с тем, когда на мокрое тело натягиваешь свитер из грубой, колючей шерсти. Немного передергивает. Я считаю, что настоящая любовь к Родине – не публична и всегда с какой-то болью. Я русский офицер, полковник запаса. Как же я могу не любить Россию? Её колоссальную, невероятную и сложнейшую историю? Её людей? Её могучую природу, испокон веков рождающую богатырей, исполинов Духа и тела? Её язык, на котором эти исполины общаются? Если бы во мне не было этой любви, я был бы простым, презренным наемником без Родины и флага. А я не наемник, никогда им не был и не буду. Мне также чужды мысли, относительно того, что в русском Мире должно присутствовать только

то, что родилось на этой земле. А как же Лао Цзы? Один из моих любимых философов, который всего за свой жизненный отрезок времени, сам прошел духовный путь от ранних греческих философов до Анаксагора с его концепцией мирового Ума и продвинулся намного дальше, хотя Лао Цзы не имел никакой связи с указанным направлением мировой мысли. А как же Будда Шакьямуни? Рамакришна? Вивекананда? Ганди? Гермес Трисмегист? Зороастр (Заратустра)? И многие другие гении. Я в данном случае не жонглирую великими именами, я просто хочу сказать, что все они являются частью моего духовного мира. Каждый из них нравственно и духовно вскармливал меня. И я с огромной благодарностью, бережно несу в себе маленькую часть их любви, чистоты и силы. Если бы то, чем я занимаюсь, могло в итоге преобразоваться в крохотный листок в этих безграничных джунглях мирового Духа, я был бы безмерно счастлив. Поэтому я пишу только в рамках тех форм, на которые способна моя искренность.

– Александр, наверняка кроме поэзии у вас есть другие хобби, если можно, расскажите о них.

– Я очень люблю старинные книги. Приезжая в любой город, в любую страну, я иду в букинистические магазины, лавки и всегда, в меру своих финансовых возможностей, покупаю редкие книги. Иногда друзья и близкие, зная эту мою страсть, делают мне подарки. Например, на один из праздников, мне подарили первое издание Фридриха Ницше в России. Имеются у меня прижизненные издания Виссариона Белинского, Николая Гоголя, Александра Герцена, Льва Толстого и некоторых иных великих русских и зарубежных мыслителей, в том числе ряд ранее запрещенных мистиков, как христианского, так и исламского и буддийского направлений. Есть удивительно красивый индийский эпос, африканская поэзия и многое другое. Это моя страсть. Еще одной страстью является спорт. Я с самого раннего детства занимался волейболом, был капитаном сборной команды Киев-2, борьбой, затем каратэ и, наконец, тай цзы цюань (в переводе – кулак Великого предела). Это изощренная система, существующая на стыке трех феноменов: философии, рукопашного боя и медицины. Основателем её считается китайский даосский монах Джан Сан Фень. У меня широкий международный круг общения и много профессиональной литературы по этим темам. Я бы все это не называл хобби. Просто это часть моей жизни.

– Спасибо вам, Александр! В заключение своей беседы я хотел бы от вас лично узнать оценку начавшегося плотного сотрудничества Магадана и нашего проекта. Как вам лично проект медийной группы «Интеллигент»?

– Сергей, с вашим проектом меня ознакомил известный вам писатель, охотник, рыбак, предприниматель и просто хороший человек – Сергей Малашко. Прочитав работы публикуемых вами авторов, я был приятно удивлен уровнем и разнообразием их творчества, а также широтой представленных литературных школ и направлений. Опять же – географической палитрой. Очень понравились интервью с известными и не очень, но поразительно самобытными людьми. Хорошо, что на страницах ваших газет и журналов нет политических споров и дискуссий, от которых у меня уже давно сильная оскомина. Сергей Малашко предложил мне опубликовать несколько вещей. Я с радостью согласился. Насколько хорошо получилось – судить вам и читателям. Сотрудничество с поэтами, писателями и художниками дальнего северо-востока будет иметь обоюдный интерес. Зная творчество своих земляков, убежден, что читатели не будут разочарованы, а ваш проект получит новые яркие краски и настроения. Пользуясь случаем, я хочу поблагодарить вас и ваших коллег за кропотливую, успешно проведенную работу, пожелать всем вдохновения, сил и удачи в настоящем и будущем.

Беседовал Сергей ПАШКОВ

Стихи Александра Сырченко

Российский Крест

Мне от Креста страны моей
Не спрятаться, не уберечься
И даже взглядом не отвлекись
Мне от Креста страны моей!

На нем миллионы страшных ран
И немочь, ввевшаяся в горло
И стон миллионов уст, упорно
Молящихся у страшных ран.

А Крест поддерживают те,
Что вознесутся на него же,
И стон истерзанных умножат,
Моля о правде на Кресте.

А у окрестностей Креста
Иль нелюди вповал, иль люди –
Они пьяны, их не разбудит
Набат Российского Креста!

И я на этот Крест иду,
В пустынной кельи жить отчаясь,
Иду, себе сопротивляясь,
Не веруя себе – иду!

Спираль судьбы

Нет к прошлому уже возврата,
В нем гибель ранняя моя.
Она за жизнь в грядущем плата,
В котором будем Бог и я.

Познавший гибель, знает Силу,
Которая, как вещий сон
Укажет путь через могилу
На скрытый от живущих Трон.

И, выйдя в путь, в простой дерюге,
Влекомый за земной предел,
Как вновь вернувшейся подруге,
Я улыбнусь своей звезде.

Побег

Бежал я. Ни с кем не простившись.
И не жалею о том.
Бежал я, чуть было не спившись,
И Север теперь мой дом.

Я радуюсь новолунию,
Родившемуся в снегах,
Люблю я теперь колдунью
Гордую, всю в мехах!

Она стройна и отважна,
Тайгу не боится ничуть.
А губы с горчинкой так влажны!
И так смугла её грудь!

Она штопает мне рубашки
И, голову глядя мне,
Рассказывает длинные сказки
О шаманской своей стороне.

Тогда мне спокойно и тихо,
Как озеру подо льдом,
Лишь старая олениха
Вдыхает, не ладя со сном.

Что мне до надуманной чести,
До войн и до веры людей?
Теперь мне нательный крестик
Дороже всех в мире церквей.

Его я молю, в нем Бога,
Как смертник о просьбе одной:
«Чтоб не было слез у порога
И в прошлое скрыта дорога
Была бы навеки тайгой!».

Хрупкое обещание

Не вернуть улетающих уток,
Потерпи, я вернусь, я вернусь!
На саях пролечу первопуток
И к тебе, задыхаясь, ворвусь!

Голос твой мои мысли развеет,
Ах, как он, изменившись в разлуке, поёт!
И вино одиночество наше развеет,
Как в снегах грело имя святое твоё.

Я уткнулся головой в дорогие колени
И усну и далеким и близким мне сном,
А во сне я увижу, как к солнцу олени
Тянут наш на земле обмороженный дом.

Солнечное молчание

В молчании, будто бы у гроба,
К друг-друга причащась губам,
Стоим, заброшенные оба,
К горящим холодом снегам.

Мы не жалеем об ушедшем
И не гадаем наперёд,
Так ожидание будет легче
И неизбежной ледоход.

Ну, а пока ледовый панцирь
Земля, вздыхая, не сняла,
В нас – обессиленных скитальцах –
Мечта тревогу уняла.

Старообрядцы

Холодно в келье нетопленной
Старцам в поношенных рясах.
Крест в углу, костью обглоданной,
Ждёт человеческого мяса!

Ветер – шатун неприкаянный
Рыщет по скиту глухому,
Каждый, любовью оставленный,
Тянется к Божьему Слову.

Дремлет лампадка пред ликами,
Старчески согнуты спины...
Здесь, под пространствами дикими
Живы лишь Богом единым.

Полночное наваждение

Под туманным плащом
ты растаяла
ночью бессонною,
Я тебя не держал –
Не по силам мне ночь удержать.
Только видел твой плащ,
Растворившийся над колокольною,
Ночь пройдёт и ты с вечером поздним
Вернёшься опять.
Из волос своих Розу оставила
Белую-белую!
Ты шутила вчера,

будто выюга живёт в ней
Весной
И когда ты уйдёшь
Мою жизнь,
Без тебя опустелую
Ледяное дыхание Розы
Наполнит Тобой!
Я задернул большой, чёрной шторой
Рассвет полыхающий
И до вечера я
Умер в проклятом склепе своём.
Лишь Надежда, как жизнь,
Ворожит угольком догорающим,
Но опустится ночь
И мы в ней растворимся вдвоём.

Морской этюд

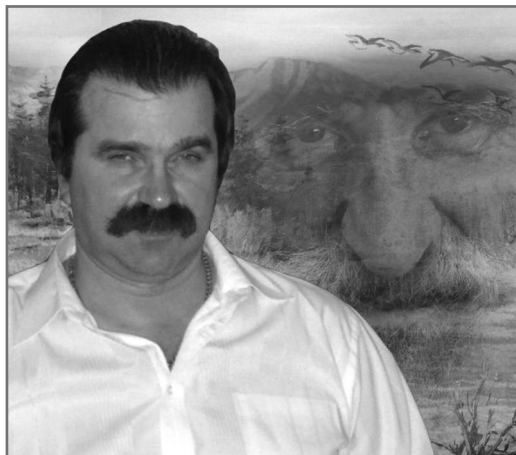
Море, безлюдье, гроздь винограда
На блюде серебряном, девушка рядом.
Смуглая девушка – дочка Китая
Слушает море о чем-то мечтая.
Солнце устало и, остывая, ласковой стало,
В воду сползая,
Тени длиннее и холоднее,
Ночь эта будет в звёздном скоплении,
В нашем селении много заботы:
В дом рыбаки возвратились с работы,
Жарится рыба, соус томата...
Мог ли я жить по другому, когда-то?...

Тонатос

Когда быками боль забыта,
Глаза в глаза впились –
Многопудовые копыта
Крушат случайных крыс.
И ускоряет приближение
к победному концу
Природа, дав благословение
Сильнейшему бойцу.
О миг! Крови ручьи обильны
Убитого врага!
И затрубили Силе гимны
Победные рога.
И все живые из нор выходит,
Чтоб голову склонить.
И нет способного в Природе
Победу осудить.

Весна на даче

Который раз рождён я заново,
Бессонница не топчет ночи
И дров не нужно больше загодя –
Зажегся лес ордою почек.
Серебряное царство рухнуло
Под топором всесильным солнца,
Но напоследок злыми Духами
Всю ночь скреблось в ведре колодца.
С рассветом собрало все пожити,
Оставив мне две барабульки,
Такие, как порой бульдожики
Во времена своей прогулки.
Но я не против. Пусть куражится.
Я на Природу не в обиде.
Что хорошо ей – только кажется
Тому, кто ничего не видел.
И даже эти вспышки частые,
Средь редкого весной тумана,
Я принимаю, как несчастные
Глаза пред финкой уркагана.
И я дивлюсь на куст смородины
Преображенный и, как быстро
Снег отступает, прошлогодние
Приоткрывая миру листья.

Сергей Малашко

Родился в 1962 году в г. Зея Амурской области. Юношеское увлечение охотой стало его профессией. В 1984 году получил диплом охотоведа, работал по специальности в Хабаровском крае и Магаданской области. Публиковался в альманахах «Охотничьи просторы», «Колымские просторы». В 2008 году издал книгу «Весенняя охота на гуся или бегство от себя к себе». В 2009 году опубликованы четыре рассказа в книге «Неизвестный Магадан». Печатался в литературных сборниках Международного Союза писателей «Новый современник», в международных изданиях медийной группы «Интеллигент», Живет в Магадане. Лауреат «Серебряного Пера «Национальной Литературной Премии «Золотое Перо Руси» 2013 года.

Последняя заря десятой вечности

Когда устаешь от ежедневной, угнетающей человека суеты и на секунду задумываешься о величии, глубине, многогранности такого известного понятия как Вечность - вначале впадаешь в легкий ступор. Первая реакция бывает такой – кто ты, пылинка в Галактике, по сравнению с ней?

Постепенное осмысление вопроса приводит сознание в некое подобие покоя и приобретает способность к размышлениям. Лишь тогда я попытался найти хотя бы на уровне своего субъективного мнения ответ на кажущийся простым вопрос - что же такое вечность?

Рискну предположить, что она многолика, многогранна и в то же время очень индивидуальна. Есть великая, монументальная, неподвластная никому, кроме воли Бога, вечность Его бытия. Но так же можно назвать и любую человеческую жизнь. Ведь она состоит из Земного пути и по воле творца плавно перетекает в вечную жизнь его души. Возможно, что каждое событие, происходящее в жизни человека, вне зависимости от его длительности является частью глобальной вечности.

Своя вечность у розовощекого малыша, лежащего в своей кроватке, своя у бойца спецназа, идущего на штурм. Иначе видит и ощущает её шахтер, идущий в забой и студент, грызущий гранит науки. По своему видится выпускнику школы, начинающему самостоятельный жизненный путь.

Есть категория людей, которая имеет право на только им понятную вечность. Она жестко ограничена во времени, наступает вместе с весной, краткосрочна и повторяется из года в год. Имея богатейшие традиции, она лечит души, проверяет человека на прочность. Будучи опасной, не прощает глупости и разгильдяйства. Не каждому по плечу пребывать и побывать в ней. Побывав в ней весной и насладившись ею по максимуму уже начинают торопить время, чтобы приблизить следующую. Происходящие события иногда не в меру жестоки и натуралистичны, происходящее может покорибуть рафинированного эстета.

Здесь можно насладиться тишиной, состоящей из первозданных звуков издаваемых всеми, кто в ней живет или находится. Это звуки ласкового ветра, вой взбесившейся пурги, возмущенное кряхтение домика, борющегося с её натиском. Здесь потрескивают дрова в топящейся печке, звучат песни жаворонка, раздающиеся из глубины небесной лазури. Радуют слух трубные звуки проходящей лебединой стаи и пронзительные крики гусей, стаями и стайками упорно летящих на Север для продолжения рода. Слышен бесконечный разговор тундрового ручейка, шипение снежинок, падающих на трубу топящейся печки.

Здесь проявляется всё, что есть в человеке. Оно не всегда бывает хорошим. Здесь можно позволить величайшую из человеческих роскошей - побыть самим собой, отстраняясь от многих условностей жизни человека в социуме.

Здесь тебе никто не приготовил тепло, еду и воду, и только от тебя зависит, будешь ли ты спать, не забираясь в спальник, и не замерзнет ли в кружке оставшийся с вечера чай.

Часто выгрузившись из вездехода или вертолета и подойдя к домику, ты увидишь, что здесь похозяйничал медведь. Он в силу душевной доброты может войти в дверь и выйти вместе с окном или через любую из понравившихся стенок. Рубероид с полиэтиленом для него не является препятствием. Для приведения домика в жилой вид нужно основательно потрудиться.

Здесь целебно все - воздух, вода, тишина, чай, общение с близкими тебе людьми, с которыми ты уже многократно пребывал в ней.

Ты невольно становишься свидетелем извечной борьбы зимы с весной, в которой нет победителей. Приходящая весна пока слаба и беззащитна перед смертельно раненой зимой. Она в агонии огрызается лютой пургой, когда не видно ничего даже в нескольких метрах. Но после пурги ты видишь преображенный, укрытый в белый саван мир. Эта фантазия неповторима и кратковременна - весна усиливает воли все же вступает в свои права. Зима отступает и замирает в ожидании реванша.

Вечность подарит тебе безумные по своей красоте и неповторимые, как золотые самородки, закаты солнца.

Она же подарит тебе счастье в ночной тишине увидеть яркий и холодный свет. Его дарят уснувшей Земле, далекие, девственно чистые звезды.

Возможно, посостязаться в хитрости с великими мастерами маскировки, осторожными, умными, недоверчивыми гусями. Если окажешься умнее, хитрее и удачливее ты будешь вознагражден местным духом Охоты честным даром добычи. Он позволит добыть тебе красавца гуся.

Здесь очень важно, кто с тобой рядом. Здорово, если твой напарник бывалый и опытный. Тогда тебе просто и комфортно. Если ему не хватает опыта, он может простым вопросом узнать, что нужно сделать. Со случайным попутчиком, не понимающим и не желающим понимать элементарных вещей, стремишься расстаться как можно быстрее.

Сюда может окунуться только посвященный, и она имеет свое название – Его Величество весенняя охота на гуся на Ланковской тундре.

Для меня вечность этого года десятая. Почему десятая? Все просто – впервые в Ланковскую вечность я погрузился в уже неблизком 2005 году. Тогда я еще не понимал, что поездка на весеннюю охоту является чем-то большим. Это осознание приходит только с годами. Хоть и приходилось в силу обстоятельств пропустить одну или две из них, я все равно считаю её десятой. Можно сказать почти юбилейной. Пусть будет так. Нынче многое поменялось вопреки устоявшемуся порядку. Впервые погружение происходило в компании нового напарника. Некоторые опасения, к счастью, быстро рассеялись, и все прелести вечности нам удалось ощутить в полной мере.

Погрузились мы с ним в десятую вечность 28 апреля. Это в нашем случае происходит невообразимо быстро. С того момента, когда слышен щелкающий звук дверцы трудяги МИ-8 проходит всего восемнадцать минут и после виртуальной посадки вблизи любимого домика отворяется дверца. Она не просто открывается, а именно отворяется – милостиво разрешая доступ туда, куда стремился целый год. Быстрая выгрузка, вдавливающий в землю ветер от винтов вертушки, постепенно ослабевающий вместе с шумом двигателей. Вот так просто и быстро можно погрузиться в любимый вечность, и получить удар оглушающей девственной тишиной.

Сегодня 12 мая 2016 года, 4 часа дня. Он выдался ясным, солнечным и знаменательным – именно в этот день мне предстоит провести последнюю в десятой вечности вечернюю зарю.

Неспешно заправил видавший виды термос, надел необходимые детали ставшего родным костюма “Колыма”, обулся в мягкие и легкие бахилы, проверил бинокль, манок, ввертыш в лед для переустановки чучелов. Все собрал в рюкзак, переживший со мной очень много бед. Пожелав напарнику удачи, направился на свое озеро.

В эту весну мне очень сильно повезло – ни разу не пришлось надевать сапоги, чтобы преодолеть весеннюю оттайку у берега озера. Я не помню такого за последние лет восемь. Перед выходом на берег осмотрел озеро в бинокль. Увы, на этот раз гусей здесь не было. Увидел скрадок, ставший родным за десять дней охоты стоящий на середине, застывшие в ожидании живых сородичей корпусные чучела гусей. Они составляли небольшую стаю в четырнадцать птиц. Вышел на озеро и направился к укрытию, мягко ступая с пятки на носок, опасаясь грохнуться на скользком льду. До него было всего метров сто двадцать, и я преодолел их и подошел к скрадку. Для непосвященных – каркас из деревянных брусков шириной сантиметров десять, размеры его очень невелики -1,2*1,2*1,4 метра. На льду его удерживают веревочные петли, крепящиеся к ввернутым в лед четырем металлическим ввертышам. Иначе порыв ветра может подхватить его и унести к любому из берегов. Такие случаи были неоднократно у моего друга, уехавшего в Карельские края

Он оббит белой крепкой синтетической тканью, пришитые липучки закрепляют сзади вход в него. Возможность скрытно наблюдать обеспечивалась прорезанными в ткани смотровыми щелями. Внутри стояло складное кресло, на вбитом гвозде покоилась разгрузка*. Лед внутри был покрыт куском изоляционного материала, прибитого к каркасу парой гвоздей. Очень полезная вещь - под ним лед не тает, и не поскользнешься в нужный момент.

Другом скрадок можно назвать по праву – ведь с его помощью мне удастся успешно охотиться на гусей. В отдельные дни с ним вместе проводишь до двенадцати часов в ожидании до безумия желанного гусяного налета. Нынче я встретил уже девять вечерних зорь, они были разными на фоне беднейшего гусяного пролета за все проведенные здесь сезоны.

Сегодня будет финишная, которая проведет черту под одним из этапов десятой вечности.

Четыре чучела наклонились ко льду и требовали переустановки. Я снял рюкзак возле скрадка, достал оттуда топорик и ввертыш и направился к подтаявшим чучелам. Вернулся к ним, сверлил отверстия во льду и со второй попытки подсадной гусь на новом месте принимало естественный вид. Делал все неспешно, размеренно – наслаждаясь тем, что еще это можно позволить. Поправил все остальных помощников, приветствовал и благодарил каждого за совместную охоту.

Вернулся к скрадку, поставил через верх оружие, переложил на кресло рюкзак и топор, с трудом втиснулся в ставшее родным пространство своего укрытия и закрыл задний полог на липучки. Достал из рюкзака термос, поставил его в левый угол, топор уложил вдоль нижнего бруса каркаса, рюкзак убрал под кресло. Бинокль занял свое место на вбитом заранее гвоздике, и я устроился в удобном кресле.

Вот с этого момента мир с боков ограничивался плотным скрадком, снизу льдом озера и только сверху был открыт бескрайнему весеннему и голубому небу. Это особое время и место в странствии по десятой вечности. Именно здесь, чаще всего происходят встречи с гусями, после которых они могут стать твоими трофеями. Очень часто ты ни разу за весь день не видишь, и даже не слышишь прекрасных птиц. И вот здесь появляется уникальная возможность, пребывая в прекрасном одиночестве поразмышлять о прожитом. Ведь с определенного возраста так свойственно погрузиться в воспоминания, лучшие годы, вероятно, остались позади. Вместе с ними уходят острота восприятия многих вещей, как-то незаметно более тусклыми становятся краски жизненных событий. Но погружение в любую из десяти вечностей позволяет ненадолго вернуть утрачиваемую яркость красок и жизненных ощущений. Часы, проведенные в скрадке бесценны для приема подобных процедур. Иногда вспоминаются прошлые охоты. Ведь несколько лет назад на этом озере купался в адреналине, когда по воле Деда гусь шел как сумасшедший, небо гудело от его голосов. Они раздавались непрерывно весь день, лаская охотничью душу. После одного из дней, проведенного здесь я впервые в своей охотничьей жизни повесил оружие на гвоздь и прекратил охоту. Впервые в тот год мне удалось победить охотничий азарт. За все Ланковские вечности это было дважды.

Часто вспоминаются многие события, не касающиеся охоты. С высоты прожитых лет им дается совсем иная оценка. За девять зорь десятой вечности много было таких раздумий.

Прошло минут сорок. Только ветер игрался с полотном скрадка. Небо было еще пронзительно синим, и на его палитре легкими мазками художник по имени Весна нарисовал перистые облака, по воле хулиганистого ветра, легко парящие в небесной синеве. Они были пока снежно белыми, и какими они станут на закате, пока знает только художник.

Вся эта расслабленность имела одну важную особенность - я продолжал чутко и с надеждой вслушиваться в тишину, пытаясь хотя бы издали услышать крики гусей. Ведь охота еще продолжается и пока очень хочется увеличить число трофеев, которыми в этом году Дед нас не баловал.

Можно было подвести предварительные итоги десятой вечности. Впервые за все охоты на Ланковой не взял влет ни одного гусака. Налеты можно посчитать по пальцам одной руки. Два из них были на солнце - налетали тройка и одиночка. Один налет был классным, гуси появились над домиком молча и шли не высоко. Но когда подкальываешь дрова, оружия при себе не бывает и добежать до него я не успел. Даже гусей-стратосферни-

ков, когда они проходят на недосягаемой для охотников высоте, по сравнению с другими годами проходило в разы меньше. Очень редко и малыми стаями проходили королёк колымского неба - гордые красавицы лебеди. Они заявляли о себе трубными, мелодичными проникающими в глубину души криками, прославляя весну как символ начала нового жизненного цикла. Все добытые в этом году гуси, стали трофеями только при помощи скрадков, чучелов, и впервые применённых патронов для стрельбы на дальние дистанции.

Я более чем скептически отнесся к ним перед сезоном. Прошлый опыт отказывался принимать параметры для поражения патроном 12 калибра с гильзой 70 миллиметров. Оказывается, что и на сто тридцать пять шагов в белолобика может попасть до десятка дробин. Когда подобный фокус проделываешь еще дважды, с тем же результатом, то поневоле признаешься в собственном махровом консерватизме.

Два других гусака-одиночки, которых удалось добыть, в разные дни подсаживались к чучелам. Они не боялись меня, ведь я открыто стоял в скрадке, обернувшись назад. Более того, гуменник, которого я добыл, был обстрелян мной минут за пять до этого на берегу озера.

Прошло еще с час, гусей не было слышно, я продолжал наслаждаться тишиной. Захотелось выпить чайку с лимонником из термоса, поставленного в углу скрадка. Он для меня имеет особую ценность – его мне подарила матушка, еще в студенческие годы. Он был моим спутником в разных передрыгах от Забайкалья до Чукотки, несмотря на возраст, еще хорошо держал тепло. Чай из него, согретый маминым душевным теплом, всегда будет неповторимо вкусным и ароматным. Я с наслаждением пил этот напиток.

В скрадке находились еще несколько предметов, которые я пользовался очень много лет. Семикратный бинокль, который купил еще студентом и мог поменять его много раз. Старый выцветший брезентовый рюкзак, с которым уже более двадцати лет скитаюсь в разных поездках в Магадане, может быть и давно нуждается в замене, но не могу расстаться с ним. Больно дороги мне эти вещи.

Время плавно текло в десятой вечности, небесное светило продолжало определенный Богом путь. неизбежно наступало самое неудобное время зари, когда в течение часов полутора уходящее за горизонт солнце светит прямо в лицо. Приходится пригибаться в кресле или поворачиваться боком, ведь даже в защитных очках солнечный свет режет глаза.

Как бы там не было, охоту можно считать состоявшейся – даже пяток добытых гусаков позволяет говорить об этом совершенно определенно. Ведь не за мясом же мы сюда ехали, никто не ставил задачу навалить гусей без меры. Мы готовы довольствоваться тем, что послано нам по воле Деда и твердо уверены, что все наши гуси в этом году висели на вешалке. Так называется жердь между двумя деревьями, куда вывешиваются все добытые трофеи.

Мы имели возможность трижды порадовать себя полноценной баней, которая имеет особое значение и кайф в условиях тундры. Не каждый на охоте может сделать для себя настоящую окрошку и гуся в сметано – брусничном соусе.

Было почти тихо, только дважды слышались голоса прошедших вдалеке гусей. Поймал себя на мысли, что несмотря на недостаток адреналина в эту вечность я не испытывал разочарования от этого. Значит нынче так должно быть.

Наконец-то, солнце ушло за горизонт, этот момент наиболее красочен и неповторим, если небо полностью не закрыто облаками. Никто не может угадать, какой рисунок из облаков на небосклоне появится вечером, какие краски

будет использовать художник по имени Весна. В этот день она решила, что небо на Востоке, Севере и Юге при закате будет свободно от облаков.

Только на Западе она разожгла костер заката. Когда небо полностью закрыто облаками, он не виден, но сегодня мне повезло – на чистом небе мне предстоит полюбоваться им. После ухода солнца за горизонт, он наиболее яркое. Краски горизонта заливаются оранжевым светом разной степенью насыщенности. По мере подъема ввысь от линии горизонта появляются оттенки розового. Когда костер горит жарко и сильно, то он дает мало дыма. Сегодня костер горел ярко и почти без дыма, и он появился на небе в виде нескольких небольших стаяк перистых облаков, тянущихся параллельно горизонту. Костер заката продолжал гореть, освещая Запад, но постепенно угасал. Бело – розовые дымные следы от него становились светло – фиолетовыми, высота уменьшалась.

Сразу же похолодало, руки ощутили на себе дыхание неласкового майского вечера. На лужиках талой воды, появившихся на льду, стали появляться кристаллики, покрывая их паутиной образующегося нового льда. На Востоке все начинало уступать наступающей тьме. Краски увядали не только там, но и на Западе. Цвет отблесков угасающего костра из оранжевого становился ярко розовым. Но и эта картинка была недолговечной – надвигающаяся серость неизбежно гасила костер заката, предвкусывая момент, когда он обреченно погаснет под её натиском. Наблюдать эту картину, не отвлекаясь на гусей или лебедей, особое наслаждение, чем я и пользовался, укладывая в записники памяти чудные картинки. На берег озера напротив скрадка присел ошалевший от приходящей весны куропад и нарушил звенящую тишину последней зари. Голос его не так мелодичен и желанен как у гуся, но я благодарно принимал и его. Каждый поет, как может. В конце концов, он ведь славит весну – и это главное.

Лед озера становился светло-фиолетовым, чучела уже виделись как темные пятна на льду, костер заката погас окончательно.

Будут гуси или нет, уже не имело никакого значения. Не прилетят хорошо, прилетят еще лучше. Я стоял в скрадке, положив ружье на каркас сверху, и просто слушал тишину. На грани полной темноты могут летать утки и мне все же хотелось послушать свист их крыльев, голоса чирков, шилохвостей или свиязей. Жаль, что этого не случилось в этот вечер.

Заря отгорела. Она словно подводила черту под вечностью, которая уже через пару дней закончится. Наутро Нам с напарником останется снять чучела, разобрать и правильно установить каркасы скрадков, вновь упаковать то, что требуется и перенести на место посадки вертолета.

Как всегда, пребывание в ней позволяет посвященным и принятым ею вернуться в обычную жизнь полным новых душевных и духовных сил. Мир приобретает более яркие краски, приобретает душевное равновесие и появляется обостренное желание жить.

Вот с таким желанием и с таким чувством я завершал наслаждение последней зарей десятой вечности. Было уже почти полночь, небо расцветилось развешенными светильниками звезд, когда я вылез из скрадка и, включив налобный фонарь, не спеша и осторожно двинулся по скользкому льду к берегу.

Я знал, что напарник уже в домике и меня ждет мягкое тепло, свежесваренный чай и горячий ужин.

Выходя на берег, я пожелал себе:

- Дай Бог в новом году вернуться в следующую вечность....

Хочется верить, что так и будет.

Разгрузка - живет с патронташем и множеством карманов.*

Александр Соколовский

Соколовский Александр Валерьевич. (Родился 15.08.1969г. г.Магадан). Инвалид 1 группы (по заболеванию). Стихи пишу с 80-х прошлого столетия. В 1997г. в Магадане вышел первый сборник стихов «Мои настроения». В 1998г. публиковался в московском сборнике «Душа – птица вольная» в который вошли стихи лауреатов Всероссийских фестивалей творчества инвалидов. 2000г.- соискатель, 2002г.- номинант международной премии «Филантроп». В 2011г. в Магадане вышел второй сборник стихов «Такой же, как все...» 2012г. Напечатан в американском русскоязычном издании «ИНТЕЛЛИГЕНТ». 2012г. Номинант национальной литературной премии «Поэт года 2012». (Стихи.ру) 2012г. Лауреат 1-го межрегионального творческого фестиваля славянского искусства «Русское поле». 2013г. Получил благодарность от министра культуры РФ. На некоторые стихи композитор А.Нагаев написал музыку, и появились песни. Периодически издаюсь в региональных газетах. Постоянно участвую в фестивалях творчества людей с ограниченными возможностями. Стихотворение «Такой же, как все...» читаю на всех выступлениях в обязательном порядке! Почему? Думаю объяснять не надо.

Такой же, как все.

Только хромой
Или в коляске,
Или слепой,
С сердцем больным
Иль рукою дрожащей,
Или немой,
Или лежачий.
Пусть инвалид –
Но душа-то ЗДОРОВА!
И она говорит
Снова и снова
О добре, красоте,
О любви и о вере,
О том, что ЖИВА
В измученном теле.

Летят по небу облака,

Парят неспешно над землей,
Летят сквозь время, сквозь века
Туда, где летом и зимой

Хранят сердечное тепло,
Туда, где в темноте светло,
И где в звенящей тишине
Звучит молитва обо мне.

Магадан – это ...

Магадан – это город судьбы.
Он рожден среди сопки и моря
Покорителями Колымы
Со слезами счастья и горя.

Это - край морозов, ветров,
Область ярко палящего солнца,
Край прекраснейших берегов,
Маска скорби, решетка в оконце.

Это край золотого песка,
Ход красно - серебряной рыбы
И судно издалека,
И волны о серые глыбы,

Идущее время вперед,
Навечно застывшие “Сталинки”,
Народ, который живет
С надеждой, верой и памятью.

Музыка жизни

Музыка жизни – в каплях дождя,
Музыка жизни – в огромной любви.
Музыка жизни – это вы, это я.
Музыка жизни – это ночи и дни.

Музыка жизни – в биенье сердец.
Музыка жизни – в пожатии рук.
И смерть – это еще не конец
Музыки жизни – из счастья и мук.

Всё пройдет ...

Всё пройдет в этой жизни, все скроется,
Растворятся страданий туманности.
И на небе Священная Троица
Улыбнется сквозь слезы от радости.

Вот она...

Вот она - стройная, чистая, белая.
Зимой она упирается своими тонкими пальцами прямо в небо, а летом машет пролетающим мимо птицам. Весной она молодая – зеленая, а осенью – в золоте, умудренная опытом прожитого лета, расстаётся со своей листвой. Правда, красиво? Диво...
Ветер-р-р-р!!!
И она, изгибаясь, уже рвет свою кожу.
Черные полосы, как шрамы на ее прекрасном теле.
Она кланяется земле, но не кричит, лишь шепчет свою молитву.
Вот она – символ России.
Русская березка.

В небе купола пылают...

В небе купола пылают.
Скот пасется вдалеке.
Собаки где-то громко лают.
Рыбачат дети на реке.

И деревенская дорога
Лежит, раскинувшись в пыли.
Старушки вспоминают Бога
И кланяются до земли.

Еще крепки в деревне срубы,
Не перевелся тот народ,
Которому вокруг все любо,
А значит наша Русь живет.

В России средней полосы.

Листочки в капельках росы
Заря лучами осветила.
И стало всё вокруг красиво
В России средней полосы.

Деревья поутру проснулись,
Потягиваются ветвями.
Ромашки солнцу улыбнулись.
И стаи птиц защебетали.

Трава зеленою волной
От ветра убегает вдаль.
И облака над головой
Хранят народную печаль.

Ива

Над рекою ива косы распустила,
На ветру качаясь, смотрит с грустью вдаль.
Я спрошу у ивы: “Что ж ты загрустила,
От чего напала на тебя печаль?”

У реки течение вдруг сильнее станет
И трава прижмется к матушке земле.
В небе в одночасье облако растает.
И ответит ива: “Одиноко мне...”

Моя родина Русью зовется.

Моя родина Русью зовется -
Мир бескрайних лесов и лугов,
Где с утра морем свет разольется,
Не найдя своих берегов.

В небе облако вдруг растворится.
Всколыхнется березок листва.
Запоет на веточке птица.
Затанцуют цветы и трава.

И душа невзначай улыбнется,
И, конечно, захочется жить!
Моя родина Русью зовется.
Невозможно ее не любить!

Моя родина Русью зовется.

Моя родина Русью зовется.
Здесь конечно не так, как везде.
Здесь народ над бедою смеется
И рыдает навеселе.

Обнимусь с березкой...

Обнимусь с березкой белой.
Небосклону улыбнусь.
Ощувив простор вселенной
Я в России растворяюсь.

Родные, русские просторы...

Родные, русские просторы,
Моя прекрасная земля,
Где православные соборы
Несут кресты и якоря.

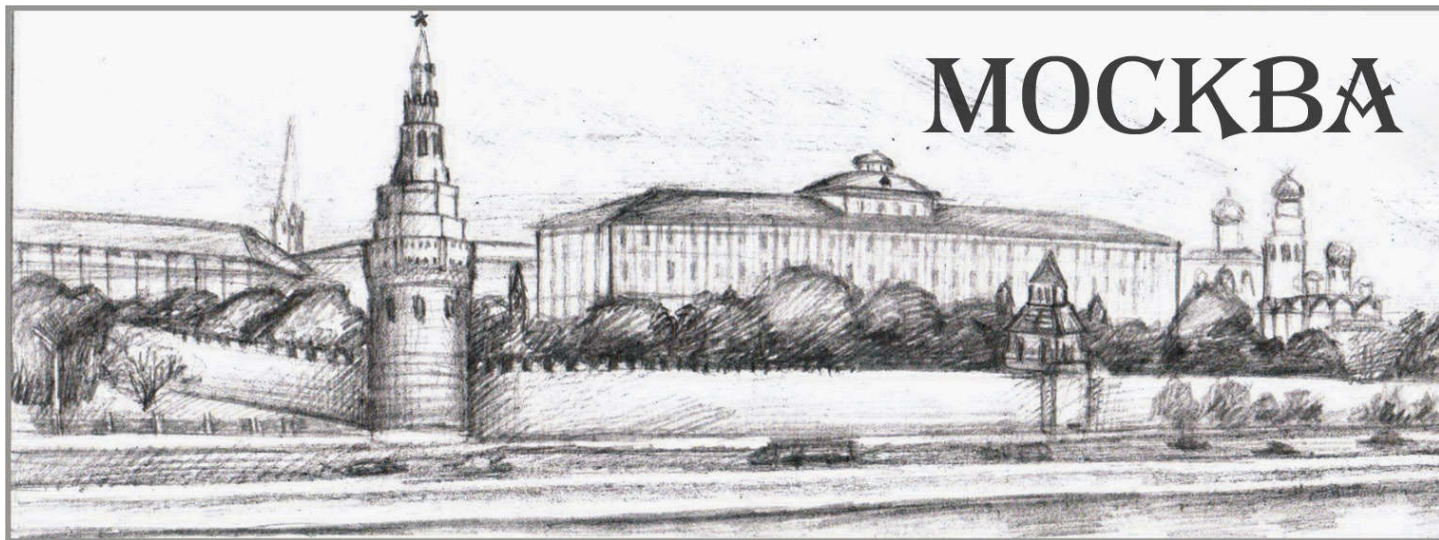
Где от восхода до заката
Всё будоражит и манит.
И зарево зовёт куда-то,
И освежает и пьянит!

Улыбка зимы.

Засыпает река,
Засыпают её берега.
Засыпают леса
И поля засыпают.

Лишь по небу плывут,
Вдаль плывут облака
И роняя снежинки, медленно тают.

Нарастают сугробы
Плотней и плотней.
Со снегом поземка любовно играет.
И звёздная ночь уже веселей.
И улыбка зимы нас согревает.

Евгений Дмитриевич Дога

Евгений Дмитриевич Дога композитор с мировым именем, педагог, общественный деятель. Народный артист СССР (1987). В 2017 году ему исполнится 80 лет. Дога, композитор в различных жанрах и стилях. Автор трёх балетов «Лучафэрул» (Luceafărul), «Венансия», «Королева Марго», оперы «Диалоги любви», более 100 инструментальных и хоровых сочинений — симфонии, 6 квартетов, «Реквиема», духовной музыки и др., музыки к 13 спектаклям, радиопостановкам, более чем к 200-м фильмам, более 260 песен и романсов, более 70 вальсов. Также автор произведений для детей, музыки для открытия и церемонии закрытия Олимпиады 1980 года в Москве, церемонии открытия Олимпиады 2014 года в Сочи.

2007 год, когда композитор отметил свой 70-летний юбилей, был провозглашен в Молдавии Годом Евгения Доги. Почётный гражданин Кишинёва, его именем названа музыкальная школа.

ВАЛЬС ЛЮБВИ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

С его проникновенной музыкой я познакомилась за долго до того, как с ним самим.

Уникальный человек, как личность, он простой и сложный одновременно. Спокойный. Веселый. Остроумный.

Вальс к кинофильму «Мой ласковый и нежный зверь» для нашей семьи особенный. Под него происходят самые уникальные события. Влюбленности детей. Свадьбы. Вот и младшего сына я учила вальсировать под музыку Евгения Доги, чтобы мальчишка смело и уверенно мог держаться на первом своем балу, причем вальс Юрий выбирал сам. Мы накручивали фигуры и па вдоль и поперек всех комнат! А потом он блестяще танцевал тот же вальс на выпускном.

Такая музыка отличается от всего, что сейчас транслируют. Она заставляет думать. Переживать какие-то моменты. Рождает глубокие и нежные чувства.

И вот однажды я открыла интернет и увидела ролик на музыку Доги, где один за другим сменяются снежные пейзажи.

Это взбудоражило воображение. Я вспомнила рассказы мамы, как 55 лет назад 23 февраля возвращалась она из Москвы красавицей девицей, только что поступившей во ВГИК и оставивший его в родной Омск. По пути множество женихов увивались за ней. А один — несмелый и не особенно-то выразительный, заглянул в купе, и перекинулся с нею парой-тройкой фраз.

Тут поезд остановился на станции Петухово, где по расписанию должен стоять 2 минуты. Это под Курганом. Но что-то пошло так, как должно было произойти. И поезд не тронулся с места. Стоит и стоит. Тут мой будущий папа обратно запрыгнул в вагон и продолжил ухаживания за прекрасной незнакомкой с толстыми длинными черными

косами. 40 минут стоял состав, прежде чем отправиться далее в Сибирь. Она и дала ему свой адрес.

Они 2 года переписывались, ну как тогда водилось. А потом поженились.

Вся эта история вдруг как-то глубоко прошла через мое сердце вальсом Евгения Доги. И появились слова, точнее подстрочный перевод музыки на литературный язык. Родителям исключительно понравилось.

Я осмелела. И создала еще одни слова на самый известный вальс. Раздобыла электронный адрес композитора, и отправила запись вальсов со своим голосом по почте.

Получила восторженный ответ.

Теперь вот дружим.

У Доги очень яркие карие глаза. Они добрые. Ласковые. Мудрые. Его исключительная талантливость распространяется на тех, кто рядом. Он обладает уникальным даром чувствовать небесную музыку сфер.

В 2016 году на Красной площади во время Книжного фестиваля мне для творческой встречи с читателями дали детскую площадку 4 июня с 10 до 11 утра. Зная, что площадь и рамки открывает полиция ровно в 10-00, я просчитала, что детей в это время будет крайне мало, и подготовила не только детскую, но и взрослую программу. Главное — я захватила с собою флешку с записями композитора Евгения Доги. И совершенно правильно сделала. Детей действительно в такую рань на Красную площадь прошло немного. Но зато из Балашихи приехали мои мама и папа.

Моя мамуля даже захватила с собою особенную обувь на каблучках. И как только заиграл вальс, папа церемонно пригласил маму...

ДОГА. ВАЛЬС ЛЮБВИ

Дивным сном соловьи
В вечность льют звуки любви.
Звезды вдруг в небе сойдутся в ряд.
Сердце замрёт!
И запоёт!
Лёд на вершинах растает!
Нас судьба позовет.
И душа вновь оживёт.
Сто тревог мигом разбудит взгляд!
В вальсе огня,
Кружат маня,
Звезды от страсти сгорая!

Небеса свяжут святую нить.
Вместе нам
В танце легко кружить
Гимны
Щедрого солнца любви посвятить,
Чтобы зажечь на земле
Новую жизнь!

Замирают часы
Свет дрожит в каплях росы.
От земли и до высоких звёзд
Жарким огнём
Мы пронесём
Через века нашу песню...
Для тебя солнца взойдет как встарь!
Для тебя жизни моей не жаль!
В танце ты будешь петь лишь со мной
Лишь со мной
Мы пронесем сквозь века
Нашу любовь

Воспоют соловьи
Гимн святой нашей любви.
Без нее мир так ничтожно мал
Вянут цветы
Гаснут мечты
Птицы на юг улетают...

Сохрани память любви моей
Память любви...

ДОГА. ЗИМНИЙ ВАЛЬС

Она
Звонко ветры заиграли зимний вальс разлуки!
Не сдерживай слёз!
Перебором, как по струнам, бьет седая выюга
О ветви берез.
Поезд мчится, увозя с собою сердце!
И сердца ответ!
Далеко до счастья нашего.
Я молчала. Ты не спрашивал.
Понял меня или нет?
Истина дорогой спутана,
Снегам укутана
Любишь меня или нет?

Он
За окном вагона выюжит-выюжит-выюжит снежный
Вальс дальних дорог.
А меня все больше кружит-кружит-кружит нежный
Твой нежный упрек.
Я уехал, но с тобой осталось сердце.
Там! Сердце моё!
Как же остудить волнение?
И остановить смятение?
Как же теперь без неё?
Взглядов откровение.
Где же спасение?
Как же теперь без неё?

Искры
Радуг
Вихрь собьет с тополей.
Мне отрада
Думать и думать о ней! (и о ней снова...)
Тает льдинка.
От руки на стекле.
Все снежинки
Напоминают о ней (среди холода)

За окном вагона выюжит-выюжит-выюжит снежный
Вальс дальних дорог.
А меня все больше кружит-кружит-кружит нежный
Твой нежный упрек.
Я уехал, но с тобой осталось сердце. Сердце моё (шепотом).

Светлана САВИЦКАЯ

Фото Юрия МАШКОВА

Если даже всего два человека, разные – по возрасту, призванию, религии и духу, приходят к одной идее, то эта мысль уже заслуживает внимания.

В. Кузнецов

ISSN 2500-0276

Северо-Муйские огни

Авторский литературный журнал

Виталий Кузнецов

Виталий Яковлевич Кузнецов родился в 1965 году в Казахстане, детство и юность прошли в Самарской губернии. С 1982 года проживает в Бурятии. Пишет стихи и прозу с 10 лет. В 1985 г. окончил специальную школу ВДВ в Новосибирске (спецразведка).

Делегат Первого съезда писателей Восточной Сибири (Иркутск, 2008).

Член Европейского конгресса литераторов (Прага, 2013).

Учредитель и главный редактор авторского литературного журнала «Северо-Муйские огни» (Северомуйск, Бурятия, 2008).

За создание литературного журнала награждён дипломом общественной организации «Женщины Бурятии» (2011). За вклад в развитие и пропаганду литературного творчества отмечен Благодарственным Письмом Народного Хурала Республики Бурятия (2012). За вклад в укрепление творческих и дружеских связей между литераторами Крыма и Сибири награждён Грамотой (БПР №005) Крымской литературной академии (Симферополь, 2012). За вклад в развитие современной литературы удостоен специального диплома Московской городской организации Союза писателей России (Москва, 2013).

Член жюри международного конкурса «Журнальный вариант» (Крым, 2014).

Лауреат Канадской литературной премии им. Эрнеста Хемингуэя в номинации «Для детей и юношества», за повесть «Рэк» (Торонто, 2015).

Автор книги «Повести» (Канада, 2016).

НОВЫЕ ТВОРЧЕСКИЕ СВЯЗИ

– Расскажите, как родился ваш проект «Северо-Муйские огни» и какие сложности были в его развитии.

– Виталий Кузнецов: Сергей, сложности были в том, что в здешних местах никогда раньше журналов не издавали. Но если учесть, что Северомуйск расположен в одной из красивейших и загадочных долин предгорий Северо-Муйского хребта и является столицей бамовских тоннельщиков, людей глубоко творческих во всех отношениях, то нельзя не поверить, чтобы такой журнал не был дан его жителям.

А жителей наших, ныне разбросанных по всей территории России (да и за пределами её), за сорокалетнее существование Северомуйска собралось несколько десятков тысяч. В душе они так и остались северомуйцами. И, конечно же, всех нас объединяет память. А ещё стихи и песни, написанные за годы освоения суровых земель севера Бурятии. Только вот многие стали забывать о времени, пронизанном духом романтизма, духом творческого единения, без которого, по моему мнению, вырождается личность, а без личности – народ. Нынешнее же поколение даже и представления не имеет о том времени. И возникла идея создания литературного журнала, способного объединить всех творческих людей, живущих или когда-либо живших в Северомуйске, создать некую духосотворяющую силу, способную отвлечь «односельчан» от установившегося единообразия, угнетающего быта и напомнить при помощи литературы, что мир остался прежним: чистым и прекрасным.

Чтобы повысить восприимчивость к окружающей жизни и природе, необходимы были именно местные авторы, известные северомуйцам, такие же, как и они сами,

– испытывающие те же проблемы, но воспринимающие их иначе, способные жить по-другому, так сказать, с интересом. И такие люди нашлись. Они стали первыми авторами нашего издания, вышедшего в июне 2008 года.

К тому времени я был знаком с некоторыми известными иркутскими писателями (не буду называть их имён, но почти все они затем вошли в состав литературного экспертного совета нашего журнала, и с ними, их творчеством, вы можете познакомиться в наших «огнях»). Они поддержали идею создания в Северомуйске литературного журнала, и многие из них предоставили свои материалы для публикации в пилотных номерах никому неизвестного на тот момент глубоко периферийного издания.

Затем, в ноябре 2008 года, иркутяне пригласили меня стать участником Первого съезда иркутских писателей, где я, уже будучи делегатом, смог, помимо обсуждения регламентных вопросов съезда, представить на общее обозрение и наше северомуйское литературное издание. Журнал сразу понравился всем, и многие участники съезда (практически были представители всех городов Иркутской области) пожелали стать его авторами. С этого момента уровень нашего журнала стал на порядок выше, а жизнь вокруг издания, можно сказать, забурлила. Так мы вышли за пределы Бурятии. А далее нас просто понесло уже по всей России. Красноярск, Новосибирск, Омск, а там и за Урал, и далее – на Запад, вплоть до Берлина, нашего – русскоязычного.

Главными критериями отбора произведений русскоязычных авторов были и есть духовная приверженность к русскому классическому слову, любовь к России, её природе и народу.

– Как я заметил, а это в вашем, так сказать, предисловии журнала, что в современном обществе нужен уже и серьезный читатель, это перекликается с советской эпохой, когда авторы мечтали, что люди научатся читать и будут читать серьезные произведения, а не ходить в кабаки или батрачить закрепощенными у богатой элиты. Вы считаете, что, как в советское время, всё же необходимо, чтобы люди научились различать духовную пищу низкого от возвышенного вдохновения, либо пусть сами по их классовому уровню, а может, вовсе и не понимая этого, пусть потребляют всё, что им вздумается?

– Современному обществу, впрочем, как и ЛЮБОМУ обществу вне времени и эпох, вне политической и социальной формации, нужен серьезный читатель, без серьезного читателя и серьезной литературы общество загнивает и гибнет. Это вопрос выживаемости любого общества и государства. Без различения добра от зла, духовного от бездуховного, нравственного от безнравственного, никакое общество и государство ни на йоту не продвинется по пути прогресса. А кто формирует нравственные начала, кто даёт обществу ориентиры, кто формирует читателя? – Писатель! А в более широком смысле любой деятель Культуры. Любой, кто является способным к творческому созиданию. Но в основе основ – слово. И ответственность за слово – за писателем и только за ним. У нас же ставят телегу впереди лошади: то есть, должен откуда-то появиться серьезный читатель, тогда мы для него и серьезную книгу напишем. Никак нет, дорогие, вы вначале книжку напишите, образец дайте, сформируйте вкус к хорошему слову, к пониманию метафоры, к философскому подтексту, научите читателя читать не только инстаграм и сайты проза.ру, а верните его в лоно нашей великой национальной и многонациональной литературы, откуда сами же его когда-то и изгнали, превратив в обывателя с тихим голосом и примитивным мышлением, в бездумного потребителя услуг, а литературу низвели до уровня бизнес-проекта, где фундаментом всего является даже и не рубль, а доллар, что уже хуже и не придумаешь. Свобода, понимаемая постмодерном буквально как свобода от всего человеческого, от нравственности, морали и высоких идеалов, – это не свобода, а уничтожение духовных основ общества, к тому же сознательное. И народ, долго молчавший и как бы наблюдавший за вакханалией свободы и потребительского обжорства маленькой кастой «элитарников» со стороны, уже вполне внятно высказался: не очередями в чёрные пятницы, как это происходит на продвинутом Западе /когда в Америке эти пятницы превращаются в день всеобщей свалки, массовых жесточайших драк и даже убийств, ради пятидолларовой скидки/, но очередями на выставки Серова и Айвазовского. Бессмертный полк – вот мощный ответ народа, в этом надежда на выздоровление общества. И государству, и деятелям Культуры пора призадуматься, да и услышать наконец народ, пока не закончилась эта «эпоха свободы и демократии» очередной кровавой драмой. И первыми жертвами, как это и бывало в нашей истории, можно предположить, станут сами деятели культуры. Эксперименты с русским народом заканчиваются всегда плачевно для экспериментаторов.

– Как вы считаете, а западные «ценности» привели к упадку нравов и моральных принципов в современной Р.Ф. ?

– В своём предыдущем ответе я отчасти уже затронул эту тему. Чтобы понять, нанесён ли вред, надо понять, что такое «западные ценности». Взглянем беспристрастно на них, где во главе угла – успех через конкуренцию в бизнесе, «человек человеку – друг, товарищ и брат», но с волчьим оскалом, свобода меньшинства за счёт прав большинства,

гонения на церковь, уничтожение института семьи, ювенальный террор, родители – 1 и 2, разращение детей под видом сексуального воспитания в школах и прочая муть. Толерантность – как индульгенция от любого надругательства над личностью и её правами. Конечно, Запад, с его отдельными героями и яркими типажам, не может не влиять на нас, определенная деградация произошла, мы это видим, двадцать пять лет не прошли даром. Однако этим процессом духовной девальвации в основном затронуты центры: города-миллионники, мегаполисы, а основная Россия как жила тягловым методом, так и выживает, сохраняя своё вековое, так и продолжает жить, её – глубинки – это всё-таки коснулось в меньшей степени, что радует. Слишком велика Россия, чтобы так просто можно было ею овладеть и попользоваться. Да и сам русский человек по природе своей непокорен, терпелив, но непокорен, т.е. молчит, но о своём молчит, своё посконное как любил, так и любит, как и все предыдущие столетия.

– Я не открою ничего нового, если скажу, что многие издательские проекты занимаются обмена в подборках своих основных авторов или основных участников проектов. Считаю это даже правильным, ибо любой застой ведёт к болоту, где только кулик хвалит кулика, но нет реального течения и свежих истоков в этом же вдохновении. Можете ли вы рассказать, с какими изданиями, конкурсами, фестивалями, библиотеками и лито вы сотрудничали или надеялись на активное сотрудничество?

– Ну, Сергей, на этот вопрос я мог бы ответить слишком просто. Да, сотрудничаем, обмениваемся авторами, полезной информацией и прочее. Имеем дружеско-творческие связи с многими российскими и зарубежными литературными изданиями (журналами, альманахами), библиотеками, литобъединениями, лит.клубами многих городов России (всех перечислять, думаю, нет необходимости), в том числе и Москва, и Петербург. В каждом таком городе, где есть дружественные нам издания и формы литературной общности, есть и наши представители, члены творческого совета журнала «Северо-Муйские огни». Они и занимаются разного рода вопросами по поддержанию полезных дружественных контактов с журналом, пропагандой нашего творчества, отчасти распространением издания, презентациями (одна из которых состоялась вот совсем недавно в Твери, в центральной библиотеке им. Герцена). О каждом таком событии, как презентация журнала в какой-либо из библиотек городов и поселений российских, выходит информационная статья в местных СМИ, а также публикуется статья и в нашем журнале.

Конкретно могу назвать наших новых друзей – это литобъединение города Усолье-Сибирское, Иркутская область, и международная литературно-публицистическая газета «Интеллигент-Магадан». Их представители, ведущие писатели и поэты, будут представлены общими лит. подборками на страницах очередного номера нашего журнала, а именно №1 (январь-февраль) 2017 года.

– Как вы оцениваете наше издание «Интеллигент-Магадан» и в целом наш проект, конечно, если вы его хотя бы просматривали?

– О литературной газете «Интеллигент-Магадан» могу сказать, что это весьма перспективное издание, с утончённым вкусом и широкой направленностью, определённым литературным форматом (что очень важно для издания выходящего и за рубежом), качественным подбором произведений и высоким профессиональным уровнем авторов. Я очень рад, что наш журнал имеет возможность творческого сотрудничества с вашим «Интеллигентом». Мы приветствуем Вас, Магадан!

– Мне импонирует то, что у вашего издания есть серьёзные спонсоры, тогда как наши издания печатаются за счёт средств самих же авторов, хотя и нам иногда помогают. Однако меня всё время удивляет одна особенность, что современная власть кричит о якобы помощи творческим людям, СМИ, но все это растекается по поддержке как бы уже признанных изданий или закупленных лицензионных на этом же Западе, а на новые издания мало кто обращает внимания, хотя уже созданы серьёзные издания русской словесности международного уровня.

В чём вы тут видите проблему, может, вы считаете, её вовсе и нет?

– Проблема, Сергей, безусловно, есть, и немалая. По большому счёту, современным представителям власти нельзя доверять, потому как литература для них лишь удобное средство достижения своих целей (вот только цели эти пока не известны народу), и рассчитывать на поддержку власти – всё равно, что ступать по болоту. Надо рассчитывать только на свои силы, на людей, способных ценить творчество. Мы так и делаем. Поэтому собираем вокруг себя людей одухотворённых, свободных мыслителей и художников, желающих жить иначе, чем нам диктует «купи-продажное» общество. Находятся, конечно, и в этом

обществе люди, способные не только ценить русскую словесность, но и прокладывать путь для неё, помогая финансово некоторым литературным сериальным изданиям. И мы благодарим нашу творческую судьбу, что рядом с нами нашлись и живут именно такие люди, для которых Россия и духовность не просто слова и звуки, указывающие на определение того или иного, но и составляющие единого целостного понятия – Отечество.

При этом всё же хотелось бы отметить, что и при поддержке правительства РФ в центральной части России уже появились такие литературные центры, которые заинтересованы в продуктивной профессиональной работе по созданию связи современного писателя с читателем. Могу назвать известный мне Русский литературный центр, занимающийся созданием профессиональной писательской среды. Их цель – сделать литературу неотъемлемой частью жизни каждого гражданина России.

Что из этого получится – покажет время.

– Желаю вашему проекту успехов и высокого вдохновения вашим авторам!

– Спасибо и взаимно!

Беседу провёл Сергей ПАШКОВ
Далее представлены стихи и рассказ
Виталия КУЗНЕЦОВА

«ПОЦЕЛУЙ» МЕДВЕДИЦЫ

В один из тёплых весенних дней, когда уже растаяли снега и вскрылись воды озёр и рек, меня неудержимо потянуло в тайгу. Я решил, что несколько дней у таёжного костра развевут мою застоявшуюся зимнюю хандру.

Заранее договорившись с приятелем о предстоящей рыбалке, я с нетерпением ожидал этого дня. Когда же он наступил, мы, прихватив с собой пару небольших сетей для верности рыбацкого успеха, отправились на одно из безлюднейших и многочисленных озёр нашей Северомуйской долины.

Первозданные красоты тайги вокруг придавали особую прелесть выбранному нами озеру. Соединяясь весенней полноводной протокой с рекой, озеро впускало в себя огромное количество разной рыбы. Нам без труда удалось изловить несколько некрупных щучек для нашей вечерней ухи. Затем, уже в ночь, поставив сети в устье протоки, мы дожидались утра.

Обычные походные разговоры о приключениях в жизни незаметно скрадывали наше время у ночного костра. Но таёжная обстановка была не совсем обычной: весенняя пора, пора тревог и волнений среди лесных обитателей, придавала шумную суетность ночи. Всплески воды на поверхности озера, неизвестные всхлипы у берегов, вскрики и встревоженные посвисты болотных куликов; писк свадебно настроенной ондатры, подзывающей к себе самца; лай гурана – таёжной косули, раздающийся у отдалённых от озера сопков, и ещё множество всевозможных звуков вызвали некое тревожное чувство. Однако, постепенно привыкнув к окружающим нас звукам и шорохам, мы успокаивались и незаметно погружались в сон.

Расположившись на прогревом солнцем склоне полового бугра, головою к лесу и ногами к костру, и запахнувшись в куртку из шинельного сукна, я через какое-то время уже не слышал всей этой какофонии ночной таёжной жизни. Не слышал и приближения к нам подраненной, как выяснилось позже, медведицы, переправляющейся через протоку, и то, как шумно она потом отряхивалась от воды.

Скрываясь от преследования настигающих её охотников, раненная медведица уходила в горы. Встретив на своём пути водную преграду, она, возможно, выбрала самое удобное место для переправы через полноводную протоку, не подозревая о расположении людей, то есть нас, на том берегу: влажный и плотный воздух, поднимаясь от поверхности воды, преграждал поток запахов, идущих с нашей стороны.

Оказавшись на противоположном берегу, медведица, конечно же, не могла не учуять нас, а значит, её дальнейший подход к нам не был вызван дружелюбным любопытством.

Под бледным светом луны, в тени деревьев и кустов, осторожно ступая по хрустким мелким веткам, чёрный огромный зверь неотвратимо приближался к нам. Но, уже завидев нас, лежащих у потухшего костра и не пытающихся даже сдвинуться с места, чтобы убежать или оказать какое-либо сопротивление, медведица на время замерла. Принюхиваясь к человеческому духу и не обнаруживая в нём явно угрожающих для себя запахов, она, возможно, раздумывала, решая, как поступить дальше.

В тот момент я находился ближе к ней. Ни о чём не подозревая, не чувствуя стоящего рядом зверя, я продолжал так же спокойно «посапывать», уткнувшись в мягкую от сухой травы землю.

Когда же медведица склонилась надо мной и прикоснулась своим носом к моему затылку, я почувствовал, как кто-то будто взъерошивает мне волосы. Это прикосновение неожиданно пробудило меня. Резко приподняв голову вверх, я увидел перед собой огромную округлую личину медведя. Ещё не совсем понимая, что это – явь или сон, я взирал на то, что никак не воспринималось моим сознанием. В каком-то полугипнотическом состоянии, застыв от поражающего зрелища, я в упор всматривался в медведицу. И она тоже застыла в недоумении, не ожидая подобного. Её маленькие, глубоко засевшие за узкой переносицей, округлённые глаза, казалось, даже с неким любопытством взирали на меня; и уж точно, в тот момент злобы я в них

не почувствовал. Широкая морда медведицы, словно со сказочной картинки, уставилась на меня, и потому, не веря в её действительность, я довольно спокойно взирал на неё. Возможно, это были какие-то мгновения, но мне показалось тогда, что время остановилось.

И вдруг я вижу, как медведица вытянулась вперёд и медленно потянулась к моему лицу. Только тут, почувствовав прикосновение к моему носу её холодной, влажной мочки на конце морды, я осознал весь ужас происходящего. В тот же миг моё сознание, не выдержав невероятного напряжения, как бы взорвалось, истошный резкий крик вырвался из моей груди прямо в пасть медведицы.

О том, что произошло далее, можно говорить лишь предположительно, исходя из биологических особенностей «медвежьей болезни»: вероятно, медведица, забыв, зачем подходила к нам, уносила прочь без оглядки.

Очнувшись я уже под утро. Напарник мой всё ещё находился во власти сна. Лишь после нескольких моих громких окликов его по имени он, нехотя приоткрыв глаза, уставил на меня свой заспанный взгляд. Я спросил его, что слышал он ночью? Он ответил, что ничего, добавив, что вообще крепко спит. Тогда я довольно спокойно рассказал ему о произошедшем ночном эпизоде. Но он отмахнулся, выказывая этим своё неверие и снова погружаясь в сон. Действительно, в мой рассказ поверить было невозможно.

Спустя какое-то время, когда уже заметно рассвело, я отошёл чуть в сторону того места, где видел зверя. Буквально в метре от моей ночной «лёжки» заметил на земле глубокие рваные следы, оставленные медведем: клочки серого мха с корневищами брусничника, вырванные когтистой лапой из земли, лежали поодаль от широких углублений. Следы подтверждали: медведица действительно подходила к нам; но её заставил сорваться с места мой резкий неожиданный крик.

Ближе к полудню на противоположной стороне протоки мы заметили приближение людей. Это были местные охотники во главе с охотоведом нашего района. Мой товарищ знал их в лицо и вышел им на встречу. Переправившись через протоку на лодке, он долго беседовал с ними. Уже возвратившись, рассказал, о чём поведали ему охотники и что поведал он им. Оказалось, это они явились причиной ночного появления у нас «в гостях» раненой медведицы. Накануне они стреляли её, как говорят охотники, когда преследуют цель – убить зверя; но убили лишь её единственного медвежонка. Медведица же, раненая и глубоко напуганная, хотя и озлобленная, ушла по направлению к сопкам северной гряды. Идя по её следу, охотники вышли на нас.

Узнав, что этой ночью медведица была рядом с нами, но мы остались невредимы, они сильно удивились; и всё же, спустя время, ушли в сторону, указанную моим товарищем.

После встречи с охотниками, когда мы уже узнали, что медведица была ещё и ранена, то наши впечатления от события стали куда более «потрясающими», ведь раненый зверь становился опаснее вдвое. К тому же медведица, потеряв своё единственное дитя, могла лишиться и рассудка. В подобном случае исход встречи был бы совершенно непредсказуем, вернее – совершенно очевиден... И не пришлось бы мне уже делиться с вами впечатлениями о своём ночном «поцелуе» с медведицей.

Не захмелею от любви,
Как конь копытом не ударю,
Но, посмотрев в глаза твои,
За дали уведу, за мари.

Срублю кедровую избушку,
Как терем в сказке возведу.
И на зелёной на опушке
Разложим души на виду.

Пусть видят Небо, Солнце, Ветер
Любви чистейшую исподь.
И сохранить на этом Свете
Её поможет нам Господь.

ПРИЗНАКИ РОССИИ, ИЛИ РУССКИЕ КАРТИНКИ

Луга. Ромашки. Васильки.
Река. Изгибы. Перелески.
Берёзки. Ивы. Родники.
Россия... Избы. Занавески.

Овраги. Ласточки. Стрижи.
Поля. Подсолнухи. Тропинки.
Покосы. Прудики. Ужи.
Всё это русские картинки.

Дороги. Камни. Ковыли.
Осот. Пустырьник. Лебеда.
Разруха... Вдовы. Бобыли.
Погосты – русская беда.

ЛАЕЧКА

Сытая, довольная
– счастливая,
Рядышком с хозяином, у ног.
Мелкая, скулящая,
пугливая –
Не собака, но пока щенок.
Солнца луч весенний

греет шёрстку,
Развалилась на террасе –

тихо спит
Маленькая лаечка, подросток,
–

Пусть не человек, но ум – велик!

Что-то проурчит себе спросонок –
Сон, видать, приснился
ей большой.

Спит как человечек,
как ребёнок,
Господа творение, с душой.

Вот на душе возникла смуга,
И повалилось всё из рук.
И взгляд – рассеянный и мутный.
И сердца – нездоровый стук.

Беру свой рюкзачок походный –
В нём котелок, сухарь и чай,
И ухожу тропой в горы:
Природа, вновь меня встречай!

Ласкай, залечивая раны,
И наставляй на верный путь.

Уйду в тайгу я спозаранок,
Там сердце сможет
отдохнуть.

Всё станет ясно, жизнь –
понятной,
Исчезнут передрыги дней.
И духом, прикасаясь к тайне,
Я стану чуточку сильнее.

Два билета
в бабье лето
Мы приобрели.
Два куплета
до рассвета
Пели о любви.

Осень нас
крылом накрыла,
Шёпотом берёз.
Мы забыли всё,
что было
В окружении звёзд.

Всё изменилось:
мир – другой;
И дней своих мне – не узнать;
И годы – встали за спиной;
И сердцу ближе стала мать.

Черту природа подвела,
Таким означив мой итог:
Душою вывернут до дна.
И по-иному я не смог.

Распорядился жизнью так:
Не для себя жил –
для других.
В кармане гнутый
лишь пятак –
Опорой стал мне
вольный стих.

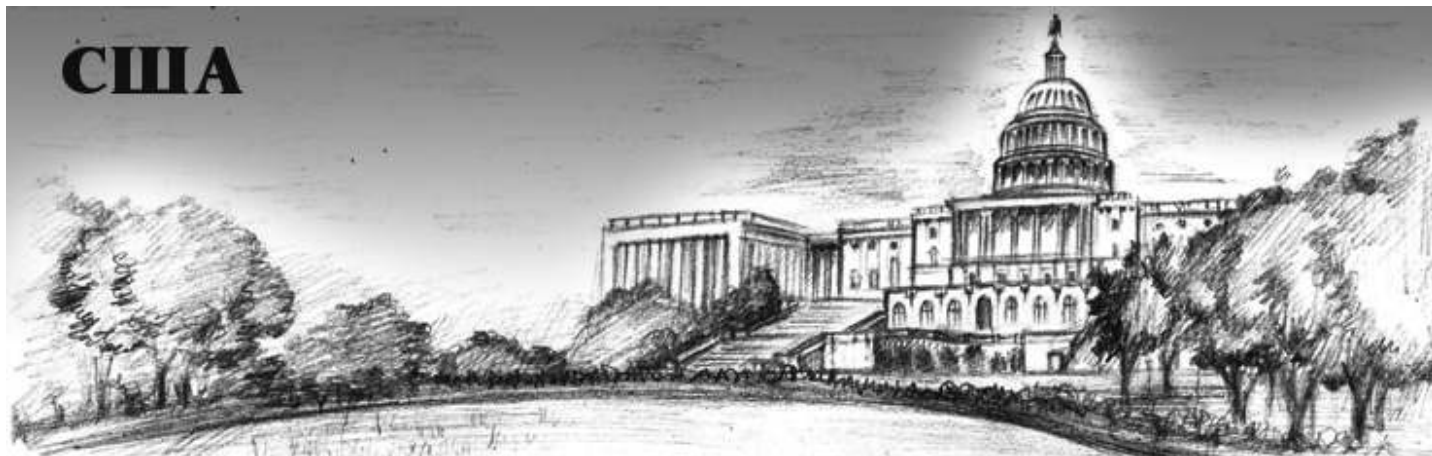
Не страшны ни горы, ни моря.
Не пугают дикие просторы.
Мы с тобою
встретились не зря.
Ни к чему пустые разговоры.

Сотворить, любовью
вдохновенно,
Главное нам – добрые дела!
Вся другая цель –
второстепенна.
Не печалься, милая моя.

Не печалься, милая моя,
Вся другая цель –
второстепенна.
Главное нам – добрые дела
Сотворить, любовью
вдохновенно!

Ни к чему пустые разговоры,
Мы с тобою
встретились не зря.
Не пугают дикие просторы,
Не страшны ни горы, ни моря.

США

МЕТАФОРА ВОЛКА

Писать в стол было для меня почти сакраментальным актом. Нет, не потому что в ранней юности меня не публиковали, и писать в стол – единственное что оставалось. Как раз наоборот. Моя писательская судьба складывалась довольно удачно. На заре моих поэтических писаний меня заметили и поддержали маститые одесские писатели и журналисты, которые, к слову сказать, оставались благосклонны ко мне всегда.

Когда моя подборка попала на стол к замечательному, добрейшему Ивану Рядченко, тонкому поэту, бывшему в то время секретарём одесского союза писателей, он очень даже похвалил её, сказав, что через год у меня непременно должна выйти первая книжка. Я, конечно же, воспряла духом, но мне было сказано, что для этого нужно написать другие стихи, которые отражали бы действительность, были бы ближе к современности и её проблемам. «По этим стихам невозможно сказать, из какого вы времени», – говорил мне Иван Иванович. И это была сущая правда. Так что он попросил меня прийти через месяц с новыми стихами для обсуждения.

Я, конечно, не посмела возразить Ивану Ивановичу, которого уважала и любила, но придя домой, сообщила отцу, ожидавшему результата встречи, что больше в Союз Писателей не пойду. С современными темами, какими бы они ни были, у меня не складывались отношения. Смолоду мне неимоверно скучно было читать плоские рифмованные (искусно или безвкусно) очерки о событиях в стране и мире. А о том, чтобы писать нечто подобное, и речи быть не могло. Иван Иванович прекрасно понимал это. Он ведь был первоклассным профессионалом, но он искренне хотел, чтобы у меня вышла книжка. Он также понимал, что внутренне я восстала против его предложения, и он попытался

популярно объяснить мне, что, когда первая книжка выйдет, я уже смогу сделать вторую по своему вкусу. «Но ведь мне придётся с этой книжкой жить всю жизнь!», – сказал ему мой взгляд. Он только вздохнул и выразил надежду, что через месяц я появлюсь.

Со столом всё было куда строже. Во-первых, ни о каких компромиссах и речи быть не могло: чуть что – сразу в корзину. В столе жили классики, и это было их посмертное Переделкино. Тленку они не принимали. А то, что принимали, проходило спецобработку и возвращалось назад для дальнейшей переделки. Если стол оставался доволен, то отправлял доработанный вариант в долгий ящик, откуда путь к публикации был равен блужданиям иудеев по пустыне. Это было самой большой наградой, равносильной признанию.

При всём уважении к столу, я с ним спорила время от времени.

- Ты представляешь, что бы случилось с литературой, если бы Ахматову не знали её современники? Или Пастернака? Или Цветаеву? Ведь литература стала бы развиваться совсем в другом направлении, и история литературы была бы другой. А когда бы их вернули через десятилетия, они так и остались бы на обочине литературного процесса. Им-то, может, было бы даже легче стоять в стороне, меньше вреда и проблем с властями, а вот читателю и культуре ущерб был бы нанесён непоправимый. Так что ты, конечно, сейф первоклассный, рукописи в тебе не горят, но дело не только в сохранности рукописей.

Тут, разумеется, Булгаков начинал возражать, а я, студентка первого курса филологического факультета ОГУ, приводила в пример имена поэтов, которых даже и прочесть толком не могла, оттого что их не публиковали.

Из таких препираний со столом и родился цикл «Стихи о волке». Кто

он, этот волк, и к кому обращается моя лирическая героиня, только столу одному известно. Он принял цикл в свой долгий ящик, и я даже представить себе не могла, что через несколько лет Белла Ахмадулина собственноручно отнесёт его в «Смену» вместе с другими стихами и со своим предисловием к моей будущей книге, которое она написала по собственной инициативе. Известие о том, что мои стихи появились в «Смене», было для меня полной неожиданностью – Ахмадулина ни словом не обмолвилась о своих планах. Из четырёх стихотворений было опубликовано три, а полностью цикл появился в журнале «День и ночь» (№ 4 за 2014 г.).

Публикация в «Смене» имела грандиозный успех. Редакция неустанно пересылала мне письма читателей, большинство из которых были военные и уголовники. Один из них пообещал, что после зоны сразу нагрянет ко мне. Наверное, он как-то по-своему понял метафору волка...

Вера ЗУБАРЕВА

СТИХИ О ВОЛКЕ

1

Я думаю, ты всё же постучишься:
Ближайшее соседство — за версту,
А вечер погрузил моё жилище
Почти по окна в темень и листву.

Сползает со столба лианой провод,
И в лампе на исходе керосин.
И это ли не долгожданный повод,
Чтоб постучать без видимых причин?

Невесело, запущенно и дико
Мой дом произрастает из земли,
И вытоптана кем-то ежевика,
Которую собрать мы не смогли.

А слева от чернеющей дорожки
Наткнёшься ты, когда придёшь ко мне,
На скользкое негодное лукошко,
Где ягоды подгнившие на дне.

Тут без труда я приручила волка —
Всё оттого, что сходно с ним живу.
Его глаза — зелёных два осколка —
Пускай сверкают по ночам во рву.

Хоть изредка скорблю, что не волчица,
Но не ропщу. Что, думаю, с того?
В конце концов, ведь кто-то постучится —
В твоём обличье он, иль ты — в его.

2

Уже декабрь. Тверда земля в саду.
Её свело морозами без снега.
Печально, у растений на виду,
Замёрзло детство позднего побега.

Все ночи так привычно холодны,
Что забываю сетовать на холод,
Как забываю многое — и город,
И прежний ракурс ледяной луны.

У маленького низкого окна
Сутулюсь, сжав концы платка локтями,
И мне то ночь безбрежная видна,
То я сама в оконной дряхлой раме.

Там продолжает комната моя
Своё житьё-бытьё полупрозрачно
И тонет в перспективе декабря,
И в ночь произрастает многозначно.

И в отражённый дом помещены
Деревья, ров у сломанной калитки
И тощий волк, что воет вдоль луны,
Претерпевая полнолуныя пытки.

И я сутулюсь посреди дорог,
Озвученных той литургией волчьей.
И в руки, плечи с каждой новой ночью
Врастает серый подданный платок.

3

Да, пишу. Негодная хозяйка,
Я не запасла на зиму дров.
Чаще стынет ручка-наливайка,
Ставя кляксы на начала слов.

В том ли грусть, что буква исказится,
И дрожит чернильная строка?
Ты ещё когда придти решился,
А всё медлишь, будто жизнь — долга.

Что ж ты медлишь! Иль боишься волка,
Что на перепутье двух миров
С первобытным чувством злого долга
Ни на миг не покидает ров?

4

Волк бродил и бродил по обочине
В поисках человеческих слов.
На снегу следы многоточиями
Огибали гибельный ров.

Не писалось. Листы пустовали
На чёрном дощатом столе.
Первый снег, наконец-то, издали
И слали, и слали к земле.

Ты читал этот снег прошлогодний,
Нам обещанный на год вперёд?
Ах, какие погибли корни
В тот, из снега изъятый год!

Ничего, победила природа,
Хоть слегка повредила в уме.
И какая юрдовость всхода
Удивить нас готова к весне?

Что-то я разболелась не в шутку.
Не заводится в печке огонь...
Погоди, не мерещься минутку
И горячечный лоб мой не тронь!..

Я твоя только в мыслях, а в теле —
Тот огонь, что ушёл из печи.
Поскорей бы прижились метели,
Чтоб не слышать — кричи, не кричи.

Отсырели проклятые доски.
Израсходован зло коробок.
Вы сегодня — читатели-тёзки,
Ты и поиском занятый волк.

У, как близко ты ходишь, как внятно,
Как сухой распяляешь мой бред!..
Только снег вами понят превратно,
А листы — это белые пятна
В родословной азав, буки, вед.

Зиновий Коровин

Президент Клуба поэтов Нью-Йорка, член Академии поэтов Америки, Международного сообщества поэтов, 5-кратный лауреат Международных конкурсов «Пушкинская лира»

АВТОПОРТРЕТ

Мой мир — бег новостей хороших и не очень.
Мой ток былых страстей свершеньем обесочен.
Подчас впадаю в грех,
но всё ж не рекрут ада.
Я странный человек,
не знающий, «как надо».

Я криком не кричу,
не наделён отвагой,
старательно молчу,
а говорю — с бумагой,
которая всё стерпит,
всё снесёт
и внятно это всё
произнесёт.

ДОМ ЛЮБВИ

*«Сколько б не было в жизни разлук,
В этот дом я привык заходить.
Я теперь слишком старый твой друг,
Чтоб привычке своей изменить».*
Константин Симонов

Этот дом мне покоя не сохранит,
возбудив даже издали дрожь.
Он и телу, и мыслям моим магнит
потому лишь, что ты в нём живёшь.

Я приду, ты накроешь, лучась, на стол.
Будем мы с тобой только вдвоём.
Нет на свете прекраснее песни той,
что с тобою мы вместе споём.

Может, встречу я радость, а может, беду,
и тогда под грозой, под пургой
поделиться я ими, спеша, приду
в этот дом, никакой ни другой.

Я приду и непрошенный, комкая стыд,
в час, когда совершенно не ждёшь...
Я приду, расцелую в ночи кусты
перед домом, в котором живёшь.

Я живу тем, что жду
новой встречи с тобой,
и её притяжение, поверь,
поднимает во мне нестерпимый прибой,
как у входа в заветную дверь.

ЧЁРНЫЙ

*«Чёрный аист московский
На чёрную землю спустился»*
Булат Окуджава

Птицы стали летать так низко,
а мне не странно.
Видать, на душе у них каменисто,
видать, песчанно.
Мчусь по трассе с воронами вровень,
времени вором.
Это неважно, что я Коровин,
я тоже ворон.
Летаю низко, земли касаясь,
не огорчённый.
Пусть не московский, пускай не аист,
но тоже чёрный.

ГРУСТНАЯ ПЕСЕНКА

Давно это было, давно.
Давно и пришло, и ушло.
И было светло и темно.
И было темно и светло.

В небе светлячок.
На полу — волчок.
В темноте
напевает песенку
старенький сверчок.

И тяга-колдунья была.
Хватала двоих на лету.
Устала она и ушла,
оставив взамен пустоту.

За окном огни.
Мы с тобой одни.
Мы одни,
только месяц к месяцу
складывали дни.

Давно это было, давно.
Мы были с тобою вдвоём.
И вдруг мы вдвоём узнаём,
что более мы не одно...

Не гляди с тоской.
Не грусти и пой.
Я поймал
тебе тараканчика —
маленький такой!

НА СМЕРТЬ НЕДРУГА

Вот умер недруг. В сердце — облегченье,
но радости и ликования нет.
У недругов своё предназначенье:
уйдёт один — другой ногою в след.
Не то печалит, что не поредело
у них в рядах: такой уж быть судьбе;
а то, что ставит жизнь свои пределы
не только недругам. Другам твоим. Тебе.

НЕ СУДИ ТАК СТРОГО!

Прости меня за пятна фальши
на полотне моей души.
Они не расползутся дальше,
и быть указкой не спеши.
Ведь мы не ищем денег залежь,
у нас не бизнес, а роман.
Ты прячешь возраст не «для замуж»,
и твой простителен обман.

НЕЗАБЫТОЕ

Мне привиделось давнее, прежнее —
Приоткрыли чуть-чуть облака
«Несказанное, синее, нежное»,
Ах, Россия! Ты так далека...
Не забыты Война во спасение,
Ни родные, что в ней полегли,
Ни свидания в ночи весенние,
Что и мир пережить помогли.
Не забыты прозренья-понятия,
Отчего никудажны дела;
Пусть, бывало, срывались проклятия,
Но ведь жизнь та моею была.
Пусть я жил под суровою тучею,
Но и в ней открывалось окно...
Всё, что в юности — самое лучшее,
А другой мне, увы, не дано.
Не забылись толпа безответная,
И её знаменосцы — вожди,
Но зато и сердечность приветная,
И снега, и грибные дожди.
Не забыты хмельные отдушины
И непьющих задумчивый круг,
Незатейливых песен жемчужины
И улыбки друзей и подруг;
Ни просторы, ни небо высокое,
Ни морской неумолчный прибой...
Ой, ты юность моя синеокая,
Как же трепетна встреча с тобой!

ВЕСЕННИЙ МАРШ

Под солнцем апреля, под небом апреля
я рядом с любимой иду.
Над нами весенние птицы запели,
и мысли с погодой в ладу.

Юнцы обгоняют друг друга азартно,
а мы никуда не спешим.
Нас радует март, одаривший внезапно
апрельским сюрпризом большим.

И чудится — голос в тиши раздаётся:
Себе и другим не вреди!
И в нас отзовётся, как в песне поётся,
что лучшее ждёт впереди.

Как сон, отлетели уколы метели.
Шагаю в теплыни земной
под солнцем апреля, под небом апреля.
Любимая — рядом со мной.

СТАРЫЕ ПЕСНИ

Тем, кому за...

Жизнью забыты песни и танцы
хмурых, неласковых лет, —
те, что без грома, треска и глянца
в душах оставили след.

Многие песни были наивны.
Часто бывали и вы.
Это проходит. Но неизбывны
песни с Днепра и Невы.

Их распевали и слушали вместе
вы и... советская власть.
Если б дала она жизнь, как песни,
ей бы вовеки не пасть.

Их перенять не сподобятся внуки:
что им «пещерный» досуг,
прежде спасавший от тягот и скуки
добрых друзей и подруг?

Но, отшагавши годы и мили,
плешь и недостаток взрастив,
вспомните песни те, что любили,
магию слов и мотив.

Песням былого молвишь «спасибо»,
спутникам трепетных дней,
что заглушат новомодные, ибо
глубже, напевней, родней.

Новое время — новые песни.
Это извечный закон.
Что же ворчать неуживчиво, если
ныне в почёте трезвон?

Верю, вернётся содружество звуков,
полных мелодии, но
жаль, до ворчания стареньких внуков
вряд ли дожить нам дано...

СУДНЫЙ ДЕНЬ

Неизвестность таит тишина.
Убегают секунды, минуты
и часы. Но недвижна она.
И неведомы вести маршруты.
Нет вестей. Ни одной. Ни одной
в тишине. А сверху, надо мной,
где-то Б'г. Я не слышу Его...
Никого наверху.
Никого. Ничего...
Но внезапно мерещится
явственно мне
чей-то голос в надмирной
глухой тишине.
Он с волшебной и дивной
звучит высоты.
Он исполнен святой,
неземной красоты.
Он и пение, и, вместе с тем —
разговор.
Знаю, чувствую я:
это мне приговор.
Это эхо от записи,
сделанной Им
в Книге судеб, в которой
сегодня судим
так, чтоб слов приговора
не смог разобрать,
чтоб не ведал, когда
суждено умирать.
Чтобы жил и не думал
в ночной тишине,
сколько жить и любить
предназначено мне...
Голос смолк.
И опять наступила она —
тишина. Тишина.
Тишина.
Тишина...

ПРЕДРАССВЕТНЫЕ ДУМЫ

Тёмное время суток.
Кружим, не видя солнца,
став к нему не своею —
нашего шара спиной.
Темени не до шуток:
время к рассвету клонится.
Жду, чтоб он ночь скорее
вытеснил надо мной.

Вот рассветает — вскину
руки ему навстречу:
— Здравствуй,
рассвет мой добрый,
здравствуй, начало дня!
Дай позабыть причину
дум, что в ненастный вечер
тихой, зловещей коброй
жалят из тьмы меня.

Дум, что осталось мало
жить в этом дивном мире,
всё уж, что было, — сплыло,
вакуум впереди!

Что расцвело — увяло,
словно сирень в квартире.
Где вы, задор и сила? —
В зеркало погляди!

— Дай тебе Бог здоровья,
идеалист. Не старит
зеркало лишь кривое, —
скажут гурэ-умы.
Пусть говорят. С любовью
встречу рассвет, что дарит
свежесть душистой хвои
думам моей зимы.

КАТЮША

Как не любить мне Катю?
Катя — всего лишь кошка.
Но это вам «всего лишь»,
мне же — на вес ферзя.
Утром она приходит,
чтоб приласкал немножко,
ткнётся мордашкой в ухо,
знает, что в глаз нельзя.

Смотрит вовсю младенцем
прямо в глаза мне, молча.
Видя, что я проснулся,
«мяу» — проговорит.
— Здравствуй, моя Катюша,
как почивалось ночью?
Хочешь уже покушать?
Будет твой стол накрыт!

Здравствуй, моя Катюша!
Утро встаёт весною,
радостною весною,
и на троих — одно.
Ты нам с женой, Катюша,
пусть хоть и баловное,
словно дитя родное,
выросшее давно.

ПОДСОЛНЕЧНОЕ

Солнце в комнате, утром в комнате.
Как прекрасно с ним быть вдвоём!..
Вы, наверное, тоже помните
солнце в раннем гнезде своём.

Зайчик солнечный, зайчик благостный,
будь подольше, не уходи!
Освети мне путь в пору радостей —
тех, что сбудутся впереди.
Будут песенки, будут зайчики,
будут девочки — выбирай!
А для девочек будут мальчики,
и для тех, и для этих — рай.

Будет радостей неистраченность,
и зазноба, чтоб к ней приник,
и семья, и успех, и значимость,
и крушения — как без них?..

...Всё сбылось, отшумело, схлынуло,
но неслышно осталось мне,
не покинуло, не отринуло —
солнце в комнате, на стене.

Сергей Гора

Родился и учился в г. Ленинграде. Окончил ЛГУ. Филолог-лингвист. Имеет учёную степень из СПбГУ, а также ряд научных публикаций в США, куда переехал как приглашённый специалист. Публикует стихи в семи странах, в среднем 16-17 раз в году. Профессор одного из ведущих мировых центров прикладной лингвистики. Постоянный прихожанин русских православных церквей. Известен как один из первых и наиболее удачливых пост-советских менеджеров потребительского рынка СНГ, а также как один из первых русских ведущих телевизионных ток-шоу. Стихи пишет с юности, хотя никогда не ставил перед собой задачи их коммерческой публикации. Многочисленные читатели и слушатели его стихов называли его поэзию летописью конца XX-го начала XXI века, написанную истинно русским человеком, уникально оставшимся неангажированным какими-либо властными или корпоративными структурами.

Фантастика

Чудовищ лихих не боюсь я ужасика
Гримасы реальности спать не дают.
И вижу во сне я простую фантастику
По имени «Наш, человеческий, уют».

Фантастики виденье —
Впрямь, безграничное:
Реальность творится в её мираже.
Кино с телевиденьем — сплошь
фантастичные,
А оные книги — всегда в тираже.
В ней тайные Хогварты
И brave хоббиты,
Где звёздным разборкам конца не
видать.
Без ханжества-ропота
Добро на все опыты.
Где люди, где роботы —
Не разгадать.

В ней нету почти негативных эмоций
Скорее спортивный к беде интерес.
Не зря говорил нам распятый
Гоноций,
Что гнев для людей —
разрушительный стресс.
Мерцают как искры сюжеты
пьянящие:
Секрет Дэ-эН-Ка и Адама ребро,
Тарелки летящие,
Звёзды блестящие.
А мне как фантастика снится добро.

Герои земли и пришельцы позорные
Должны примириться. Тот час недалёк.
Ведь дружат дневные с ночными
дозорные.
И ангелы демонов ждут на чаёк.
Фантазия — буйственна,
Хоть богохульственна.
Стремление к счастью — порой суета.
Пусть истина — умственна,
Сознание чувственно.
И мне как фантастика снится мечта.

А если серьезно и несвятотатственно:
Нельзя перейти через Арктику вплавь.

Фантастика нынче всё ближе и
явственней.
Всл реже она подпадает под навь.

Распущено веером
Всесилие змеено.
Текут материнские слёзы рекой.
Фантазии геймера...
Лечение Альцгеймера...
А мне как фантастика снится покой.

Цветочки - лепесточки

Распускаются в природе,
Увядают в блеске ваз.
До чего ж цветы походят
На беспечных смертных нас!
Вкус побед и бед отсрочки, —
Счастья меряный венец.
Эх, стебли да лепесточки (!),
Где цветению конец?

Гимны юности — обманы.
Пели всем, кому не лень,
Розы, астры и тюльпаны
И, конечно же, сирень
Эти ночи да денёчки
Были праздничными все.
Эх, стебли да лепесточки,
Ах, да цветики в росе!

На удачу без промашки,
Соблюдается обет:
Незабудки и ромашки
Собираются в букет.
Для любовного наркоза
Шлют дурманные слова
Грёз весенняя мимоза,
Летних лилий кружева.

Типажи страны цветочной
На дарение легки, —
Ведь за свадьбой будут точно
Похоронные венки.
Не прорвутся к свету почки
В злую мертвую пургу.
Эх, стебли да лепесточки (!),
Ах, да цветики в снегу!

Правды участи печальной

Не затмить, не приодеть,
Ведь по логике банальной
За расцветом будет смерть.
Впрочем, прочь гнилые темы.
Вечным будь цветенья миг!
Эх, фиалки, хризантемы (!),
Пафос траурных гвоздик!

Гой еси...

В древних сказках, мифами
прозванных,
Всех неузнанных, нераспознанных
Лишь один вопрос привлекал;
Гой еси, на счастье ли посланный?
Кто ты, молодец, отвечай.

Были дни с иными устоями.
Заселялся мир лишь героями.
Не звучал вопрос: гой еси?
Потому что все были гоями —
Сотворцами вед и Руси.

Но затем от холода адова
Заварила каша Мидгардова
И гостям вменили отчёт:
Гой еси, спеша нас обрадовать,
Бог послал тебя или чёрт?

Отступил мороз ледников-оков.
Канул гой-вопрос в забытье веков.
Зря под молодца не коси.
Нет чертей, поди, и людей-богов,
Ни к чему теперь Гой еси...

Будто слабость сиюминутная
Тешит сказки быть недоступная.
И любого нынче спроси:
«Отчего судьба столь беспутная?
Гой еси, мой друг, гой еси...»

Чудеса, как всегда, неслучайны

Мы напрасно разгадок от вечности ждём.
Чудеса, как всегда, неслучайны.
И порой, засыпая под летним дождем,
Вспоминаем заветные тайны.
Как яичница жарилась на корабле
У внезапно погибшей команды;

И про то, что гремели всюду по земле
Межпланетных боёв канонады.

Зря твердят дарвинисты, что всё это
чушь,
У свидетельств подметив изъяны.
Мол, душа — субпродукт эволюции
душ.
А они суть плоды обезьяны.
Но каких бы идей не шумел ураган,
Вряд ли скроют циничные тени
Треугольник Бермудский, Триполья
курган,
Юкотана крутые ступени.

Неземными рисунками Коско рябит. —
Вся долина в загадочных стрелках.
А в Шанси отыскивали следы пирамид
От пришельцев в небесных тарелках.
И, видать, неспроста нас стремятся
отвлечь
Те, кто правду не выявил в чуде.
Плащаница Христа, в камень
воткнувший меч
Вдруг напомним, что всё же мы люди.

Впрямь, наука с религией — хуже
врагов.
Впрочем, обе про веды забыли.
Монтесума испанцев встречал, как
богов —
Значит боги до этого были.
Не судья я, — короче, судить
подождём —
Отдохнём от реляций победных.
Но порой, засыпая под летним
дождём,
Я купаюсь в историях древних.

О предвечном

Кто волшебной мантрой звонкой
Мне внушает вещей ом,
Над Земллей, кружась позёмкой,
Стелет правду о былом?

Чьи небесные приметы
Проступают из молвы? —
Йерофанты и адепты
Мастера, жрецы, волхвы...

Я учу и рад стараться, —
Брахма — мой экскурсовод;
Мысли — череда вибраций;
Смерть — всего лишь переход.

Знаний не пьянит настойка.
Дарвинизма — пресен бред.
Все религии — надстройка
Над основой сущих вед.

Время выглядит понуро —
Чаша выпита до дна.
Герметической культуры
Полуистина видна.

Нету истин стопроцентных, —
Донеслось из синевы...
Йерофанты и адепты
Мастера, жрецы, волхвы...

Когда уральский таёт снег

Когда уральский таёт снег,
На оголённые твердыни
Нисходят боги и богини,
Спеша откуда-то извне
В края, заброшенные ныне...

Как много тысяч лет назад,
В доледниковые эпохи,
Свидетельств оставляя крохи,
Они сажались на Мидгард,
Истории суля подвохи.

Межзвёздный путь. Полет стрелой
Вайтмары, прежде именованной.
В бою кощесами подбитой.
Находки Кали-Юги злой --
Лишь тень от истины сокрытой.

Страна хозяек медных гор,
Бессмертных штурманов вселенной
Мерещится свечой нетленной,
Всё согревая до сих пор
Земной мечтой благословенной.

Когда-то в яви — не во сне
Спадут неведенья вериги
И вещи найдутся книги.
Когда уральский таёт снег,
Я не ищу чужих религий.

Казино

Казино... казино... казино...
Не устанут рекламы гореть.
Где когда-то крутили кино, --
Черно-красных полей круговерть...

Злого риска отвергнув табу,
Ставлю всё на единственный шанс.
Мне рулетка подкажет судьбу,
Отобрав или выдав аванс...

...Зеркалами поманет стена,
Отражая волнующий вид:
Как чулочком коснётся сукна
Сладконогая фея любви.

К откровенью себя приготовь,
И ответит пронзительный взгляд:
Сколько стоит сегодня любовь:
Ровно сто или сто пятьдесят...

Казино... казино... казино...
Разноликих эмоций аврал.
Кто-то ставит соседям вино,
Кто-то пулю в висок проиграл.

Кто-то громко закатит сейчас
Сумасшедший банкет «на двоих».
А у входа во фраках, толпясь,
Ждут швейцары своих чаевых...

Сцена... рампа...

(Исповедь ведущего ток-шоу)

Сцена... Рампа... Бортики реклам...
Лиц и ламп цветущий колумбарий...
Я хочу в объятья устремиться к вам,
Но в моих словах иной сценарий.
Сотни чутких глаз смотрят мне в глаза,

Миллионы сохнут у экрана.
Только буре чувств разойтись нельзя:
Я герой печального романа.
Ровным полотном речь свою стелю,
Заглушая «персональный фактор»,
И когда хочу прокричать: люблю, —
Уважаю, — говорит редактор.

...Вдруг настал момент:
вот, могу сказать
Всё, что дарит шанс импровизаций!
...Как теперь слова правильно связать?
Где найти рисунок интонаций?
Паузу держа, вглядываюсь в зал,
Склеивая памяти фрагменты.
Что-то говорю ...Хорошо сказал! —
Отвечают мне аплодисменты.
По рядам пошёл возбужденья гул.
Но внезапно — в настроеньи смена:
Милые мои, я вас обманул...
Извините, это просто сцена.

Сцена... Рампа... Мокрый микрофон...
Как судьба — витиеватый провод...
Я, признаюсь, в вас больше
не влюблён.

И не нужен к откровенью повод.
Отчего сейчас людям хорошо,
Глядя на рекламу дребедени?
Бросьте ваш запал — это только шоу.
Sorry, я работаю за деньги.
Скучно и легко продолжаю текст,
Прежнюю мечтой не озаримый.
Таёт в облаках мой актёрский крест,
Словно след расставившего грима.

Танец-мираж

Мы танцуем, танцуем,
и бурного ритма каскад
Отражают летящие над головой зеркала.
И себе удивляясь,
легко попадаю я в такт.
Танцевальная сцена,
увы, мне сегодня мала.

Мы танцуем, танцуем
под сводом мерцающих ламп,
Посылая друг другу
приветы танцующих глаз:
Неуёмный мужчина
и юная женщина-вамп
Выбивают танцующей
азбукой Морзе экстаз.

Нежным снегом пьянит,
осыпая, серебряный шар,
Зажигает улыбку свечением
луч голубой.

Вся Земля — дискотека
красиво танцующих пар!
И не важно, что где-то чуть
лучше танцует другой.

Мы танцуем, танцуем
и входим всё более в раж.
И пускай этот вечер —
судьбы мимолётный фрагмент.
Наш горячий стремительный
праздничный танец-мираж —
Самый лёгкий любовный
сюжет фантастических лент.

САИР ЗАЙНЕДДИН

Высшее образование он получил в России. Выпускник Электро-механического факультета, Университет Дамаска, 1986 г.

- кандидат технических наук, Москва, 1993 г.

Удостоин Премий:

- Орден алжирской Национальной библиотеки, 2008 г.

- Орден ливо-русского дома, 2009 г.

- премия журнала «литературная позиция», 2005 г.

- Поощрительная премия перевода, Союза арабских писателей Сирии, 2011 г.

- Поощрительная государственная премия по литературе в 2013 году.

- Медали им. Л.Н. Толстого и диплома им. Шекспира на Национальной литературной премии Золотое перо Руси 2016 г.

ПОСЛЕДНИЕ ТРЕВОГИ МУТАНАББИ

Ты потерял мечту
Эмиром стать.
Ты потерял
Года.
И кубок выпит...
Ты заставлял себя переезжать
с Ирака — в Сирию,
из Сирии — в Египет.
Кто продает перо за Эмират?
И кто подарит меч тебе, став ближе?
Но ведь мечом он станет угрожать!
Бросай же пыль дороги!
Отдохни же!
Пронзая одиночество пустынь,
Ты вытираешь вновь и вновь от
праха
Клинок мечты.
И сумасшедший Рим
На Севере беснуется от страха!
И наши оккупанты, привязав
Коней своих у пальмы в
святотатстве,
Их ужасают!
Ужасаюсь я
Царей на каждом метре видя
рабство.
Считаешь ты спасителем себя?
Но будь почтительней. Ты —
главный из поэтов!

И страны те, поэзии не зная,
Твоим пером талантливым воспеты,
Тебя распяли.
И изрек Султан: «Господь лишь я!»
Вернись же друг к поэме!
Динары принцев,
золота обман
Оставь все это, радуясь измене!
Ты будешь дальше двигаться быстрее
Стремительного огненного шага,
И мыслью сна пленять красавиц всех,
Сердца людей пронзишь глагола
шпагой.
И к путнику, что постучится в дверь,
Вином и пищей станешь благодатной.
Бросай же злато злобных королей
К поэме возвращайся необъятной.
Её ты станешь истым королём,
Строителем полей, садов и храмов,
Она не выдаст, не пронзит мечом
Предателя,
в ночи у балагана.
И пепел тела твоего в степях
Однажды рано утром
не рассеет.
Не переспит с рабами во дворцах,
И честь поэта сохранить сумеет.
Вернись же друг к поэме!
Лишь она
дороже злата и богатств несметных.
Все царства эфемерны, но в веках
Одна страна поэзии бессмертна!

УЕЗЖАЙ, ПОЕЗД!

Секрет уходящего поезда
В душе моей на платформе.
Узлом затянувшего пояса -
Волнение где-то у горла.
Разлуки часы не затягивай,
Неси к тополям белолиственным.
От ран застаревших не вздрагивай,
От глаз и родных и таинственных.
Мы вдаль унесемся от той весны,
От юношеского максимализма.
От самых прекрасных и сладостных
Мгновений стремительной жизни.

Секрет уходящего поезда
В его бессердечной утробе.
О! Если бы я с той же скоростью
Забыть мог о тех, кто мне дорог!

И пристрастился бы к скитаниям,
На снежной искрящейся замяти,
К разлукам и расставаниям,
В пространствах мятежной памяти.
Но только душа моя соткана
Огнями, страстями в терниях.
Секрет уходящего поезда
В разбрасывании нас по времени.

В утробе вагонов медленных
Объятия и желания
Утонут в пролетах ветряных

И в поцелуях пламенных.
Секрет уходящего поезда
В крови моей переберется.
Разлукою сердце вскроется
Раскромсанным полумесяцем.

Сосуды души воспенятся
кровавым вином страдания,
и через край расплещется
в раскаяниях душа моя!

Я выйду на первой станции,
О! Если бы сердце было бы
Твое не стальной субстанцией,
Почувствовала б слёзы, милая.
Разорванные объятия
Тайгой, городами, странами,
Языческими проклятиями,
Не смоются океанами
На острове необитаемом.
Секрет уходящего поезда
Не защитит страдания.
И сердце не успокоится.

Секрет уходящего поезда
В полете сокола гордого.
В обмене ума и совести.
В обмене любви на Родину.

Отчизна песен и подвигов,
Трагедий и бед бесчисленных
Дамасской ты стали Родина,
Султанов, ничтожных мыслями.

Конфликтами ты расколота.
Измучена силой черною.
К курьезам нужды и золота
Вернусь я сыном покорным.

Вернусь!

Чтобы мама хвасталась
Соседкам моим дипломом.
Прошепчет: «Он справился с
ласками
Блондинок в дали от дома!»
И пыль вымывая дорожную
Очистит меня от страдания.
Неси меня поезд на Родину!
В прозрение осознания,
А та, что тенью идет за тобой, -
Глупейшая из всех женщин,
Не видит, за взглядом араба — боль,
Не чувствует бесконечность!
Гнездятся лишь пчелы в ее душе,
Упрямыми фуриями,
Как кошка дикая в мираже!
Умнейшая или дура?
Ведь знает, конец меня ждет!
Конеч!
Болотная топь! Неволя!
Красавица! Мода — ее венец,
А мне — от костра уголья!
Она как всегда в сад цветущий свой
Войдет, улыбаясь ветру,
Она нарядится в наряд златой,
И выйдет на оперетту.
Она улыбаясь оденет шаль
И выпорхнет бабочкой милой.
Ах! Если бы только моя печаль
На сердце ее отразилась!
Но я бы хотел, чтоб она, как тень
Печаль мою бросив в мусор,
Решительно затворила дверь
Пред птицей любовной музыки.

А я, закаленный, как сталь, вернусь
С победой в город детства

Друзей созову, и скрывая грусть,
Отпразднуем радость вместе.
Оденусь, как принц, в золотой хитон,
У жертвенника остыну.
И постарею от боли той,
Портьерой любовь задвинув.

ТВОЙ ЛИК

Твой лик
— дождливый день и сердца крик,
загадка старых окон, песни яркой,
и майская гроза, и снов ледник,
и ветра проводник -
твой лик...

Твой лик
среди походов и интриг -
Исход народов из пустыни жаркой
И чаек над волной в полете миг,
И наслаждения тупик -
твой лик.

Твой лик — судов за океаном пик,
Языческое таинство гадалки,
И вечность концентрирующий сдвиг,
Луны язык —
Твой лик.

Твой лик,
к могуществу богов приник.
Он сделает меня царем вселенной!
Благодаря ему и я достиг
Блаженства напрямик...
Твой лик -
Прозрачный дух
Младенцев и старух -
Луну и солнце соберет в ладонях.
Надменность в сердце бедном
похоронит,
Не разрывая круг,
Где наслажденье двух!

Твой неземной волшебный чудный
лик -
В любви чарующей, суровой, зримой,
вечной!
Божественно-прекрасной, человеческой,
он неожиданно воздвиг
сонета штрих.

Как я люблю его, твой лик!
Пусть он уйдет и возвратится
свободным,
Заставит снова трепетать тростник,
И молодости стих.

ОН ВЕРНЕТСЯ ЕЩЕ РАЗ

Ты проснешься с утра — и изменится всё:
Как жасмин, распутившийся от
сновидений,
Вдруг улыбка осветит сияньем лицо,
Ты посмотришь вокруг вдохновенно.
Моё имя тихонько слетит с твоих губ,
Как молитва, как вздох синей
сказочной птицы,
И вспорхнет от постели к балкону в
снегу,
И обратно слетит на ресницы.

Если б ты принесла, как и раньше в
постель
Чашку кофе, и стол на двоих нам
накрыла...
Только пепел от тех сигарет прогорел,
И в окурках мечтаний остыл он.
Тот, кто клятву нарушил — предаст
снова в ночь

Обещания воспоминаний забытых.
Отрицай, я смогу эту боль
превозмочь.
И тебя никогда я не выдам.
Провоцирует пусть деканат, институт,
И учебный процесс, нарушая меж
плясок,
Твои непослушания позовут
в мир пролившихся слёз из-под
масок.
Эти слёзы, как темные птицы потом
Приземлятся на тОполя ветви
печально,
Ветер снимет с тебя элегантно пальто,
Грустью высушит необычайной.

Политических прений бесплоднейший
бред
Удлиняется дорогою тусклой и
дальней.
Но ты помни — я близко, твой
верный поэт,
Расстоянием - в два мечтанья.
Поневолу уехавший, время дробя,
Уничтоженный пламенем искренно-
нежным.
Но дыханье мое окружает тебя,
Как вуаль из любви безнадежной.

Позовешь, я вернусь, как пиратский
корабль,
Точно вождь диких доисторических
греков,
Я добуду тебя, словно золото Синдбад,
У разбойников смелым набегом.
Позовешь и послушный влюбленный
слепец
Из источника адова, сна невозврата,
Прилетит, и вернется к себе, наконец,
Прикорнув на плече у Евфрата.

ТЫ ЛУЧШЕ

Ты лучше
Нежной сбывшейся мечты,
Ты лучше
Лжи, прочтенной во спасенье,
Ты лучше,
Чем весенние цветы,
Ты лучше,
Чем подарок в день рождения.
Ты лучше
мудрых песен старика,
Ты лучше
Соловьиных звонких трелей,
Ты лучше
В зной спасенья ветерка,
И голубя урчание в апреле.
Ты лучше
Восхитительной Звезды,
Что в небе летнем со всем миром
спорит.
Ты лучше
Редких устриц красоты
Коралловых дворцов в глубине моря.
Ты лучше
Бабочек, что пьют росу.
Брюнетка! -
Точно одержим тобою,
Я, как олень мечусь - один в лесу,
Прострелянный стрелой любовной боли.
Как будто из охотников заслон,
Или волками загнан я в неволю.
Смогу ли выплыть я в реке времен,
Растерзанный, раскромсанный тобою?

НЕМНОГО АРАБСКОЙ ПОЭЗИИ

Что для нас арабская поэзия? Автор книги «Абра-кадабры. Декодировка смысла» Николай Вашкевич утверждает, что русский и арабский разошлись когда-то из одного корня и являются системными языками мозга. Всякое непонятное слово или выражение надо написать арабскими буквами, получившееся найти в толковом арабском словаре и прочитать толкование.

Что же касается поэзии арабского мира – она таит в себе скрытые смыслы и глубинные понятия, удивляя и восхищая. Наиболее выдающимся поэтом арабов считается Абу-т-Тайиб Ахмад ибн аль-Хусейн аль-Мутанабби. Он родился в Куфе (современный Ирак) в семье водноноса. Когда карматы напали на Куфу в 924 году, он ушёл с ними и жил в пустыне, изучив их диалект арабского, близкий к классическому арабскому. В 932 году он возглавил восстание карматов, выдавая себя за пророка; после поражения восстания попал в тюрьму. За это он получил прозвище, Аль-Мутанабби. В 935 году его освободили из тюрьмы, и он стал странствующим поэтом, зарабатывая деньги стихами. В 948 году был принят ко двору халебского князя Сайф ад-Даулы. Многие его произведения написаны под покровительством князя. Покинул двор в результате интриг и в 957 году поступил ко двору Абу аль-Миск Кафура в Египте. Пытался стать губернатором Сидона, но не был назначен, и в отместку написал сатирическое стихотворение на Кафура и вынужден был бежать в 961 году. До 965 года был при дворе в Ширазе, затем в сентябре 965 года совершил путешествие в Куфу, где и был убит, предположительно в результате мести за оскорбление.

От аль-Мутанабби до нас дошли свыше ста од (касыд) и до двухсот мелких стихотворений и фрагментов. Его язык богат, а композиция поэзии содержит новшества. Лирический герой аль-Мутанабби чрезвычайно горд; в одном из стихотворений он утверждает, что его поэзия столь мощна, что даже слепые могут её читать, и слова столь наполнены значением, что даже глухие их слышат.

Его перу принадлежит диван, состоящий из 289 касид и небольших поэтических отрывков (мактуат). Касыды делятся на 5 циклов: «Шамият», «Сейфият», «Кяфурият», «Амидийат», «Ададийат».

Специалисты называют Мутанабби поэтом - новатором, который завершил длительный процесс развития средневековой арабской поэзии. Традиционные для доисламского периода сдержанность и суровость сменились в его касыдах красочностью описаний, насыщенных гиперболами и космическими сравнениями. Стихи Аль-Мутанабби совершенны в звуковом отношении. Аль-Мутанабби был убит неким Фатихом аль-Асади за сатиру, высмеивающую его сестру.

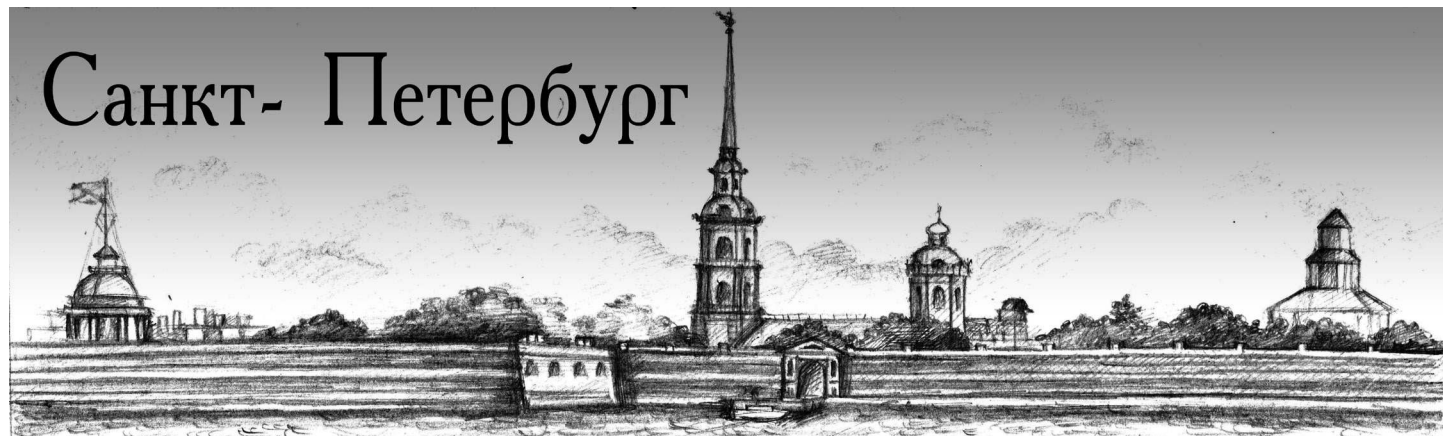
Перевернув страницы тысячелетий, мы находим следы Аль-Матанабби в современной поэзии. Писатель, поэт и переводчик Саир Зайнеддин, который сейчас живет и работает недалеко от Алеппо посвятил любимому поэту Сирии оду.

В Дамаске выпущено 7 книг его стихов. И множество книг переводов русских авторов Булгакова, Есенина, Брюсова, Достоевского – всего около 20, и множество работ по литературной критике.

Поэму Саира Зайнеддина, посвященную Аль-Мутанабби, мы представляем нашим читателям.

Перевод и рисунки Светланы Савицкой

Санкт-Петербург

«УЧИЛКА» ПОБЕЖДАЕТ

Асмус и Купченко

Российский фильм «Учитель», премьера которого состоялась в Выборге на фестивале «Окно в Европу» в августе 2015 года, сразу вызвал огромный зрительский интерес. Жюри фестиваля наградило исполнительницу главной роли – народную артистку РФ Ирину Купченко главным призом – «Золотой ладьей». Затем были победы и в других конкурсах российского и зарубежного кино, за полгода с небольшим «Учитель» приобрела 16 наград. И вот, снова победа – 2 апреля 2016 года Ирине Купченко была вручена премия «Ника». Когда-то Ирина Купченко уже играла учительницу. И в картине Ильи Авербаха «Чужие письма». И в венгерском фильме 1990 года «Хомо новус». Выступая на фестивале в Выборге, Ирина Купченко сказала, что ее отношение к профессии учителя не изменилось. Но изменилось время: «Сейчас месседж такой, что учитель — это менеджер по знаниям, а ведь учитель — это святое, это очень высокое звание, и отношение у меня именно такое».

Полгода назад, сразу после пер-

вой победы на Выборгском фестивале, мы беседовали с автором сценария кинокартины – писательницей Екатериной Асмус.

— Екатерина, с чем, на ваш взгляд, связан успех «Учительки»?

— Когда я работала над сценарием, то хотела показать не просто школу. А школу как срез нашего общества. Подробности сюжета я рассказывать не могу. Потому что кто ж будет смотреть матч, если заранее известен счет? Но суть в том, что в классе оказывается пистолет, который участники конфликта, как мяч, перебрасывают друг другу. И только тот, кому удастся завладеть на какое-то время пистолетом, получает возможность высказаться и, что особенно важно, — заставить слушать себя.

— Вспоминается знаменитое высказывание Аль Капоне: «С помощью пистолета и доброго слова удастся добиться значительно большего, чем с помощью одного только доброго слова»...

— Есть еще хорошая цитата из фильма «Злой, плохой, хороший». «Люди делятся на две категории – те которые копают и те, у которых пистолет заряжен...» А если

серьезно, то в нашем классе и в нашем обществе в целом люди практически не слышат друг друга. И как можно в таком случае договориться о чем-то?

— Конфликт в фильме развивается между учениками или между классом и учительницей Аллой Николаевной, которую так блистательно сыграла Ирина Купченко?

— Ситуация очень сложная. Там конфликт всех со всеми. Но начинается все с противостояния учительницы и класса. Наша учительница должна пройти аттестацию. У нее с этим проблемы, она — пожилой человек. Возникает конфликт с молодой директрисой школы, кстати, ее бывшей ученицей. Сорок лет Алла Николаевна считала, что профессия учителя — это призвание, а в наши времена ее низвели до менеджера образовательного процесса.

Так что на урок Алла Николаевна приходит уже «накрученная», на нервах. А там — ученики, которые сидят, уткнувшись в свои гаджеты, болтая, не проявляя никакого интереса к уроку. Важно, что Алла Николаевна — учитель истории. Сегодня это, пожалуй, самый сложный предмет для преподавания в школе. Вокруг столько разночтений в трактовке тех или иных событий. Ученики получают через Сеть огромный поток информации — достоверной, недостоверной, фейковой. Как во всем этом разобраться? Объективной истины нет и, наверное, быть не может. Ведь на любой исторический факт можно посмотреть с разных точек зрения. Допустим, революционные события выглядели совсем по-разному для красных и белых. И те и другие будут жестко отстаивать свои позиции.

— А наша учительница должна придерживаться официального мнения, принятого на данный момент государством?

— С одной стороны, да, должна. Но с другой стороны, она интеллигентный, мыслящий человек, проживший длинную жизнь, имеющий свой опыт, свое мнение. И она четко понимает, что, как бы ни складывались внешние обстоятельства, какая бы ни выпала судьба, человек должен в идеале обладать внутренним стержнем. Должен подвергать чужие мнения, даже авторитетные, сомнению, пытаться мыслить самостоятельно, чтобы не становиться пешкой в чужих играх.

А вот для этого нужно быть образованным человеком. И она всеми силами пытается донести до своих учеников мысль, что образование очень важно. Ученики спрашивают ее: «Зачем оно нужно?» Она убеждена, что все беды — от невежества, что необразованный человек не может строить будущее: ни свое собственное, ни общее. И зрители не могут с этим не согласиться.

Еще одна проблема, которая затрагивается в нашем фильме, — одиночество. Мы эгоистичны, разобщены и сами же страдаем от этого.

— Одиночество — проблема пожилой учительницы?

— Не только ее, но и учеников. В фильме есть монологи детей, которые буквально кричат о том, что никто никому не интересен.

— Но все же фильм венчает хеппи-энд. Почему? Многие критики сочли такой финал искусственным.

— Нам важно было не только поставить острые вопросы, но и дать

ответы, рекомендовать, что нужно делать, чтобы ситуация изменилась. У меня была другая концовка, гораздо менее позитивная, но продюсер убедил меня переписать ее. В чем-то я его понимаю, люди сейчас и так очень напряжены, перегружены негативом. Мы намеренно ушли от трагедии в трагифарс, не желая концентрироваться на черноте.

— Что за роль в фильме у Андрея Мерзликина?

— Он играет полковника спецназа, которого вызывают, когда выясняется, что в закрытом классе, где находятся ученики и учительница, есть пистолет. Приезжает полиция, спецназ, пытаются вести переговоры. Это не удается. Полковник спецназа думает, что там находится террорист. В итоге он принимает решение взорвать дверь и пойти на штурм. Это происходит, когда внутри класса люди все же сумели договориться.

— Расскажите, пожалуйста, о ребятах, которые сыграли учеников...

— Зрители, которые смотрели фильм, были убеждены, что снимался действительно класс.

На самом деле мы собирали ребят долго, несколько месяцев. Все-таки было требование, чтобы у потенциальных актеров была какая-то подготовка — театральная студия, кружок. Потому что роли сложные. Действие фильма происходит в закрытой локализации, где нет никакой сценографии, перемены места. А работать так всегда гораздо труднее.

Съемки фильма должны были начаться в ноябре прошлого года. А в декабре грянул кризис. И все уже сомневались в том, что фильм вообще удастся снять. Но так случилось, что кризис сработал на нас. Пока ждали

разрешения финансовой ситуации, режиссер продолжал заниматься с ребятами, они общались друг с другом, сдружились, стали сплоченной командой.

А Ирина Купченко за это время успела прочитать сценарий. И — Андрей Мерзликин, у которого параллельно было еще три проекта. Но когда он узнал, что съемки будут проходить в Королеве, в той самой школе, где он когда-то учился, сразу согласился. Причем его герой тоже оказывается в похожей ситуации — спецназ вызывают в школу, где он учился.

— Фильм уже показывали на многих российских фестивалях. Как его принимают зрители?

— Фильм вызывает интерес, задевает за живое. После просмотра на сцену выходит вся съемочная группа, готовая ответить на любые, самые острые вопросы. Зрители благодарят, делятся своим опытом. Приходили учителя, которые говорили, что многое показанное в фильме им близко. Что порой в класс заходишь, как в клетку с хищниками. Приходится укрощать учеников, укрощать и себя — потому что учитель всегда, в любой ситуации должен «держат лицо», сохранять достоинство. Особенно трудно учителям, преподающим предметы, от которых не зависит будущее поступление в вуз. Скажем, довольно легко преподавать математику в математической школе. А если географию? Или, как в нашем фильме — историю?

Беседу с автором сценария
вела журналист
Зинаида АРСЕНТЬЕВА

На съемках «Училки»

Страница памяти

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛИЛИИ МИХАЙЛОВНЕ ШВЕЦКОЙ

Когда я задумалась, что можно рассказать о нашей дружбе с Лилией Михайловной Швецкой — талантливым человеком и художницей, в первую очередь, мне захотелось поделиться какого масштаба это была личность.

*Ты, Герострат, что разрушивши
храм Артемиды,
Бесславное имя прославил,
Ты на земле нам потомков —
Фашистов поганых оставил.
Имя своё не созданием прославил ты,
А разрушением,
Храм сей, в руины повергши,
А мы занялись возрождением...*

Л.М.Швецкая

Скульптор-реставратор Л.М.Швецкая родилась 2 августа 1929г. Закончив ЛВХПУ им.В.И.Мухоморова в 1954 году, она получила по окончании диплом «Художника декоративно-прикладного искусства» и «Учёного рисовальщика». Всю свою жизнь она посвятила воссозданию Красоты. В реставрационной деятельности она работала в самых разных направлениях. Участвовала в воссоздании художественных чугунных решёток Зимнего и Мраморного дворцов Петербурга, восстанавливала рельефы на фасаде Казанского собора, работала в создании декоративного убранства молельной комнаты в Большом Кремлёвском дворце, много работала с пудожским камнем, создав серию портретов и разных декоративных композиций. Но самым большим её увлечением была барочная скульптура. По окончании обучения в ЛВХПУ Л.М. Швецкая работала над проектами реставрации разрушенных дворцов в пригородах Ленинграда, потом была направлена в Петергоф, там она начала лепить, и решила, что это то, чем она будет заниматься. Реставраторскую деятельность Л.М.начала во дворце «Монплеизир», где впервые

соприкоснулась с гением Ф.-Б. Растрелли. Дружба с архитекторами А.Э. Гессен, В.М.Савковой, Е.В.Казанской помогли ей вникнуть в особенности авторских стилей 18-19 веков. В 1958 году скульптор Швецкая пришла в Екатерининский дворец, попав в дружный коллектив реставраторов во главе с архитектором А.А.Кедринским. У Кедринского была группа архитекторов, разрабатывающих чертежи восстановления залов дворца. Научный отдел дворца собирал сохранённые фотографии довоенных интерьеров. Иногда фотографии были плохого качества, приходилось додумывать самой то, что было трудно разглядеть. «Я живу в восемнадцатом веке» — говорила она:

Буду я дам

*и орнаментных мальчиков
Вновь возрождать из руины,
Руки иль ноги лепить, всю фигуру,
Коль нет её вовсе...
Есть фотографии,*

*что собирались в народе
(архивы ж пустыми остались),
Или по сыну проверю*

*амура движенье,
Объём ли...*

Мастерство реставратора заключается в максимальном воссоздании оригинала, — и ничего от себя! Так, до последнего времени жизни, Лилия Михайловна и проработала в Царском Селе. Она много трудилась над возрождением интерьеров Екатерининского дворца, парковых павильонов и скульптур Екатерининского и Александровского парков. Наиболее ярко её талант проявился в воссоздании скульптуры Кавалерийского зала, Янтарной комнаты, Зелёной столовой, Картинного и Большого залов Екатерининского дворца. Все её работы трудно перечислить, им посвящено много книг и передач в СМИ. (Н.Г.Коршунова, М.И.Кротова, Э.В.Трускинов, А.Г.Раскин совместно с Л.Н.Митрохиной и многие другие авторы посвятили свои литературные труды исследованию творчества художницы)

Но я не ставлю задачу в воспоминаниях о дружбе перечислять всё, что сделали маленькие женские руки во имя воссоздания разрушенных шедевров искусства. Лилия Михайловна была и есть одна из легендарных людей Царского Села. Ещё при жизни, о ней написано много хороших статей и исследований творчества, был даже снят фильм, где прототипом героини была Швецкая.

Если закрыть глаза и представить

себя идущей по нашему городу со всеми его пригородами, представить чёрные от копоти стены дворцов без крыш, с разбитыми окнами, изуродованные войной и человеческой глупостью величественные парки (я всё это видела своими глазами, так как после войны моя семья проживала в г. Пушкине, ныне — Царском Селе), то можно подумать, что некий волшебник махнул серебряной палочкой над осколками и руинами, оставшимися после войны. И дворцы — засверкали свежей лазурью и позолотой, в божественные залы прилетели нимфы и амуры, зазвенели лиры в руках музыкантов, прекрасные античные женщины заслушались, чуть наклоня изящные головы, двери встали на своё место, изумляя резными узорами, заиграла солнечными бликами Янтарная комната Екатерининского дворца.

Лазурный высится дворец!

Он, словно небо, лёгкий, ясный...

Не меркнет даже в день ненастный,

Похож на сказочный ларец

С волшебной комнатой внутри...

Там всех оттенков янтари

Горят и излучают свет

На амарантовый паркет.

В других диковинных палатах

Темнеют яшмы и агаты.

А за дворцом — тропинка сада

С его божественной прохладой,

Гостям мечтательным улада,

Особенно в осенний день,

Неспешно пробираться в сень

И слушать тихий шелест рядом

Медлительного листопада.

Л.Егорова

Волшебник, конечно, был не один, но Лилия Михайловна внесла гигантский вклад в возрождение многих и многих памятников культуры. Трудно поверить, что эта маленькая женщина сделала столько, сколько под силу было бы целой бригаде реставраторов.

Вспоминая Царское Село и свои юные годы, я написала цикл стихов, посвящённых городу детства:

Откинут надоевший шарф зимы,

И к солнцу травы выбрались из тьмы.

На лодочке весны — держи весло!

Мы улываем в Царское Село.

На встречу с парком радостно-зелёным,

К аллеям и газонам обновлённым.

Пусть ветер будет нам экскурсовод,

Окажемся среди озёрных вод,

Причалим к берегу, ступив на гравий,

Взойдём к «барокко» в северной оправе,

Прочтём из камня и цветов узор

И медленно вольёмся в коридор

Ветвей дубовых, перевитых светом,

Деревьев вековых, не раз воспетых!

Л.Егорова

Назывался сборник – «Когда в тиши твоей встречаю муз». И муза отозвалась в образе Лилии Михайловны Швецкой, совершенно случайно, на одном из выступлений в библиотеке Царского Села. Она пригласила меня вместе с друзьями, выступающими тогда в музыкально-поэтической программе, в свою мастерскую. Надо сказать, что Лилия Михайловна любила записывать в стихах впечатления по поводу реставрации, реставраторов и просто людей, повстречавшихся на пути в долгой творческой жизни. Бесчисленные листочки, записочки даже на клочках бумаги, попавшейся ей под руку в момент желания зафиксировать свою мысль, у неё были хранимы на полках рядом с гипсовыми грифонами, головами нимф, «Пастушек», пластилиновыми подготовительными работами знаменитых и малоизвестных людей, бюстами для Большого зала Екатерининского дворца, рельефами и ангелочками и т. д. Позднее, когда она ушла из жизни, друзья собрали все её раздумья (а это именно так) в одну папку.

*Мне возрождающей дворец,
так много лет.
Какой о творчестве подарите буклет.
Ведь не чиновник, а творец
Из непа поднимал дворец.
Рабочие, студенты, пионеры,
Разрушенные расчищали интерьеры.
Чего мне стоило в работе
красоты добиться.
Теперь по праву этим я могу гордиться...*
Л.М.Швецкая

Все, кто дружил с Лилией Михайловной, непременно чувствовали её нежное, материнское участие. Она любила жизнь, любила, когда к ней приходили друзья, а дружить умела почти породственному. Встречая, трогательно радовалась и, вытирая «белые» ручки, вечно в гипсе, всматривалась в лицо пришедшего гостя, поглаживала по лицу, по плечам, осызала (как и положено скульптору), обнимала и усаживала за свой заваленный самыми разными предметами «шведский стол». В мастерской царил «художественный беспорядок», шляпки, платочки, кофточки, перчатки, новогодние игрушки, свечи, тарелочки – вазочки – всё это «богатство» соседствовало с гипсовыми, большими и малыми скульптурными работами. Кто-то предложил ей навести порядок в мастерской, на что она твердо отчеканила – «Я не люблю порядок!» Лилия Михайловна ставила чайник и начиналась беседа. Ей было интересно всё; ваши мысли, встречи, дети, дружбы. Делала она это не из светских приличий, а так, как делает мать, к которой пришло её дорогое чадо. Лилия Михайловна была светлым и очень весёлым человеком. Трогательно

она любила поэзию и музыку. Могла даже плакать над стихами. Или притихнуть если нравилось, и, вздыхая, прошептать своё – «божественно...», или просто вникая задуматься на несколько минут. Такого благодарного, внимательного слушателя стихов трудно было найти. Она умела вдумываться в каждое слово, в каждую паузу, и всегда точно выражала своё впечатление. Скульптуры прекрасных дам и китайцев, живущие в её последней мастерской, заботливо укрывались шарфиками, чтобы им было тепло, (в мастерской было весьма прохладно). От неё всегда исходило человеческое тепло, участие и заботливость. И все работы для неё тоже были живыми, в этом и заключалось огромное мастерство скульптора. Работы не просто стояли на полках и столах – а, казалось, разговаривали между собой, или прислушивались внимательно к нашим беседам. Помнится, Лилия Михайловна говорила, что когда она впервые стала воссоздавать в Екатерининском дворце одну из женских скульптур, ей показалось, как та «искалеченная бедняжка» тянет к ней руки, просит о помощи! При всей простоте общения Л.М. была человеком глубоко образованным. Знала она много. Кого любила – любила беззаветно. Но были и такие, которые причиняли ей боль своей черствостью и любовью к стяжательству.

*– Лилия Михайловна! Вы так много
трудились, так много сделали для
искусства, для города, что должны жить
во дворце и ездить в карете – говорю я.*

Лилия Михайловна улыбается, но совершенно равнодушна к такой перспективе. Главное для неё – творчество. Без творчества она не представляет себе жизни. Когда при рождении нам выдают билет, многие ли думают на что можно потратить жизнь? Выбирать или проживать без особых смыслов? Обидно потратить отпущенное время на мишуру. Но это не про неё. Корабль скульптора Швецкой никогда не отклонялся от выбранного курса. И она была на нём хорошим капитаном, знающим, куда плывёт и зачем. Даже в свои почтенные годы у нашей Лилички были молодые глаза и озорная душа девчонки. Она иногда затевала такие розыгрыши, когда мы собирались на праздники в мастерской, что все в её ауре сбрасывали серьёзность и становились абсолютными детьми. Искренне могла радоваться, удивляться, никогда я её не видела мрачной и не влюблённой в жизнь. «Ой! Кто ко мне пришёл!» – радуется Лилия Михайловна и бежит навстречу входящему:

*Что нам альфа и омега.
К нам на встречу едет Нега!
Да с душой-голубою,
С поэтессой Любою!
С поэтессой милою,
Митрохиной Людмилою!*

*Даже гору Эверест.
Покорил бы наш Эрнест!
Нет красивей паньча,
Алексей Иванович!
Мы простим ему грехи,
Лишь бы он писал стихи!
Уважаем Лилию,
За ее фамилию!
С ее вечною заботой,
Увлеченною работой!
Будем рады видеть гостя,
Николаевича Костю!
Пусть он удивит всех нас
И расскажет, про Кавказ!
Принесет нам света, мира,
Архитектор, Свет наш, Ира!
Расскажет, про коварную,
Комнату Янтарную!
Нет, милей и краше нашей,
Свет Геннадьевны, Наташи!
Митрофановны, Наташи!
Фомичевой, Свет Наташи!
Мы всегда друг другу рады,
Наша дружба – нам награда!*
Л.Швецкая

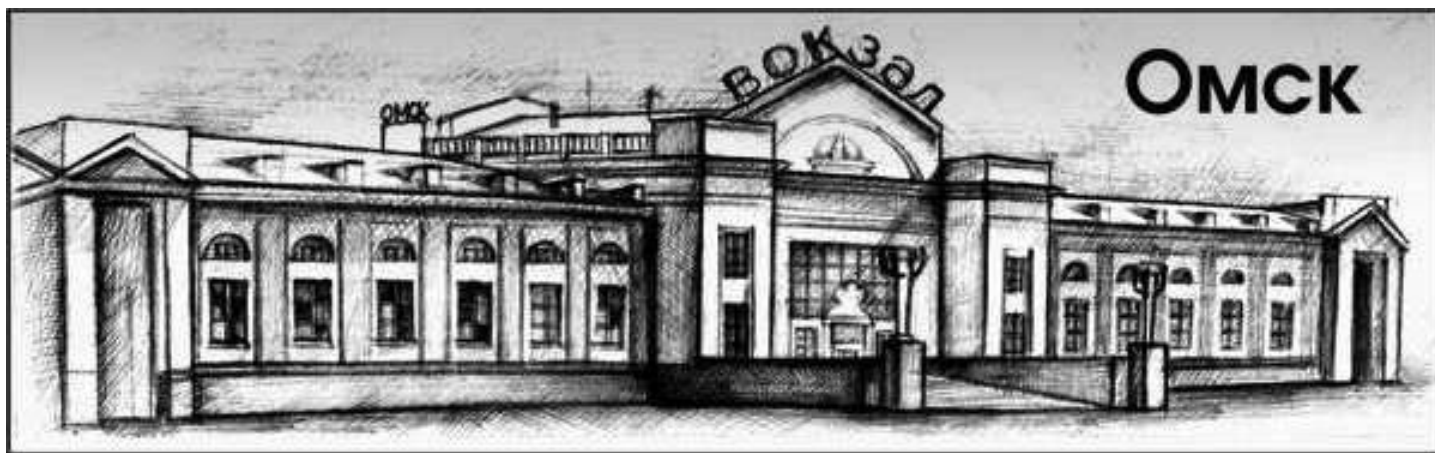
*Я разделяю века бремя,
И продолжаю жизнь любить.
Мне б только память сохранить
И с миром не порвать бы нить.
Коль плохо вижу свет и цвет
И коль другой дороги нет,
Наощупь, пальцами лепить.
Объёмы манят красотой,
И коль не будет силы той,
То чем наполнить жизнь свою...
Допустим – чудо. Я в Раю...
Многолетний воссоздатель
Екатерининского дворца
И её подпись: Лилия Швецкая*

*И снова как тесто,
Замешана глина тугая,
Теплом человеческим согрета,
Замешана густо...
Я верю в бессмертье,
Оно существует, я знаю,
Оно существует,
Пока торжествует Искусство!*

Примечание...

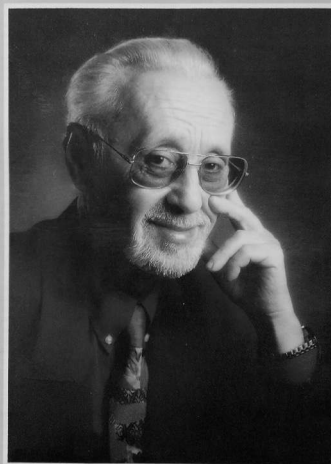
Лилия Михайловна любила друзей одевать в шляпки и шали, чтобы фотографии не были скучными. Лилии Михайловне в 2011 г. было присвоено звание «ПОЧЁТНЫЙ ГРАЖДАНИН ГОРОДА ПУШКИН». Награды: Орден «Знак почёта» (1973 г.) Бронзовая и Серебряная медали ВДНХ СССР (1972 и 1984г.). Медаль и орден «За заслуги перед Отечеством» 2-й ст.(2006 г.)

ВОСПОМИНАНИЯ О КОМПОЗИТОРЕ ВЛАДИСЛАВЕ УСПЕНСКОМ

Народный артист России
ВЛАДИСЛАВ УСПЕНСКИЙ

The People's Artist of Russia
Vladislav USPENSKY

Владислав Александрович Успенский — композитор, народный артист России, профессор Санкт-Петербургской консерватории, заместитель председателя Союза композиторов Санкт-Петербурга. Родился 7 сентября 1937 года в Омске. Окончил Ленинградскую консерваторию у Б. А. Арапова и аспирантуру у Д. Д. Шостаковича. Скончался в Петербурге в июне 2004 года на шестьдесят седьмом году жизни.

«НАЙДИ МЕНЯ...»

Название «Найди меня» — это образ песни Владислава Успенского на стихи Лидии Смоленской. В течение тридцати лет Эдита Пьеха, а вслед за ней и другие певцы, исполняют это произведение, вкладывая в него мечту о том, как найти себя в любви, творчестве, жизни...

Мальчик из Омска Владик Успенский искал себя всю жизнь — сначала в детстве ему в этом помогала мама — прекрасный человек Вера Павловна Успенская, известная в своём городе как певица и пианистка, работавшая в Омском

радиокомитете. Она мечтала, чтобы её маленький сын, рано лишившийся отца — талантливого тромбониста, учившегося в Московской консерватории, тоже стал музыкантом. С детства обучала его игре на рояле, приучала к ежедневным упражнениям и этюдам.

Владик не был увлечён музыкой, и, чтобы не огорчать маму, прилежно «отсиживал» свои «рабочие часы» у пианино, но нередко поверх нот ставил интересную книжку, а в это время под пальцами рождались первые импровизации.

Маленький деревянный домик в Омске стоял близ Успенского собора, его дяди и тёти с материнской стороны были регентами на церковных службах. Владик Успенский буквально с трёх лет приучился слушать «Всенощные» и «Литургии». Неслучайно, спустя десятилетия, он сам напишет в девяностые годы XX века духовный триптих: «Всенощная», «Литургия», «Панихида». Эта музыка будет исполнена одним из лучших хоровых дирижёров — художественный руководитель Санкт-Петербургской капеллы, народным артистом СССР Владиславом Чернушенко. А в зале на премьере будут присутствовать уникальные слушатели — народные артисты СССР Евгений Лебедев и Владислав Стржельчик, народная артистка России Валентина Толкунова, один из любимых учеников Владислава Успенского Игорь Корнелюк и композитор Игорь Резников. Слушатели встретят аплодисментами премьеру духовного сочинения композитора...

Интересно и то, что эти сочинения были исполнены в лучших соборах Петербурга — Казанском и Исаакиевском соборах дирижёрами — Владимиром Столповских и прекрасным молодым музыкантом Михаилом Голиковым, буквально открывшим для себя мир музыки композитора, с которым он даже не был знаком. Однако за последние пять лет его оркестр «Таврический» создал несколько

авторских вечеров этого музыканта, а также неоднократно представлял его последнее сочинение «Анна Каренина». Знаменательно то, что прощание с Владиславом Успенским состоялось именно в том Казанском соборе, где впервые прозвучала его «Литургия». Совпадение или знак судьбы?

Я — в течение 45 лет ближайший друг, жена, а по профессии музыкант и режиссёр — была свидетелем того, что каждый раз музыка Владислава Успенского будто попадала в «лунку» души каждого слушателя! Практически все его премьеры завершились скандированными аплодисментами — была ли это опера «Интервенция» в Кировском — ныне Мариинском театре под руководством талантливейших дирижёров Симеонова и Федотова, или балет «Летят журавли» по сценарию знаменитого фильма в Малом оперном театре — ныне Михайловском театре, или его авторские вечера в переполненном четырёхтысячном Большом концертном зале Октябрьский с такими исполнителями, как Лариса Долина, Иосиф Кобзон, Эдита Пьеха, Эдуард Хиль, Ирина Понаровская, актёры — Ирина Мирошниченко, Евгения Симонова, Николай Караченцов...

Знают ли жители родного ему Омска, как любили музыку Владислава Успенского не только в Ленинграде, ныне — Петербурге, но и в Москве, во Франции, Италии, Японии, на Кипре и в Перу, где он давал свои мастер-классы, а в Германии один из лучших издателей Сикорский издавал его сочинения наравне с лучшими композиторами XX-го века — Мессианом, Шнитке, Губайдуллиной, Шедриным. Очевидно, что композитор Владислав Успенский оказался любим и востребован исполнителями и слушателями. Вспомним, как это было.

Мальчик из Омска Владик Успенский «искал себя» в своём родном городе Омске, где ему

повстречалась замечательная учительница Ольга Семёнова, давшая способному ученику первые уроки композиции. Спасибо ей за это! А затем Владик Успенский закончивший школу с золотой медалью, понял, что ему интересно самому писать музыку.

Так случилось, что в шестнадцать лет мама привезла его на каникулы в Сочи, где отдыхал замечательный композитор Дмитрий Борисович Кабалевский, создавший немало талантливых произведений: оперы «Кола Брюньон», «Семья Тараса», много музыки к известным кинофильмам и театральным спектаклям. Он был удостоен множества наград, но главной наградой было выявлять талантливых детей в разных концах страны и направить их на путь музыки. Вера Павловна Успенская показала композитору сочинения своего сына, и Дмитрий Борисович тут же сказал: «Ему обязательно нужно учиться в Москве, у него большие способности, и я, конечно, дам ему рекомендательные письма!».

Казалось бы, это невероятное стечение обстоятельств. Поиск начинающим композитором Владиславом Успенским самого себя продолжился уже в шумной и гостеприимной Москве, где он — мальчик из Омска — сначала чувствовал себя «чужаком», но, поступив в Музыкальное училище им. М. М. Ипполитова-Иванова к азартному педагогу Фриду, влюблённому в современную музыку, он сразу почувствовал, что выбрал профессию композитора не зря. За два года, закончив с отличием обучение в Москве, он мог бы успешно работать в столице, где почти каждому «пришельцу», обладающему талантом, трудолюбием и творческой энергией удаётся войти в жизнь этого мегаполиса. Но, волею судьбы Владислав оказался в Ленинграде, куда из Омска командировали его отчима Георгия Павловича Ситникова — прекрасного человека и инженера.

Замечу, что отчим Георгий Павлович тоже очень любил музыку и участвовал как любитель в русском народном оркестре, а мама Вера Павловна продолжала работать пианисткой. У будущего композитора появились проблемы: после шумной и яркой Москвы, где он, казалось бы, уже нашёл своих учителей, друзей, пришлось привыкать к совершенно другому городу. Ленинград осенью показался ему неприветливым и сумрачным, по ночам семнадцатилетний Владик плакал и грустил по прежней жизни в Москве. Ленинградская государственная консерватория радостно и гостеприимно приняла талантливого юношу. На вступительных экзаменах он встретил своих будущих друзей, ставших позже яркими и интересными музыкантами, — Бориса Тищенко,

Бориса Архимандритова, Георгия Фиртича, Эллу Фрадкину... Все они учились на одном курсе. Народный артист СССР, ректор консерватории и превосходный пианист Павел Серебряков, услышав сочинение Владислава Успенского «Зарисовки к поэме Гоголя «Мёртвые души»», тут же включил это произведение в свой репертуар, играл в лучших залах страны и записал на радио!

Когда я, спустя три года, поступила в консерваторию, то один из лучших студентов этого вуза Владислав Успенский — ленинский стипендиат — принимал у меня коллоквиум. Помню, как в течение сорока минут он задавал мне вопросы об искусстве и политике! С моими однокурсниками он беседовал значительно короче. Позже талантливый композитор рассказал мне, что увидел мою фотографию в Личном деле и решил держать «курс на любовь»! Я, правда, гордо ответила, что собираюсь идти своим собственным курсом, но, придя домой, включила радио и услышала: «Владислав Успенский «Зарисовки к поэме «Мёртвые души», исполняет народный артист России Павел Серебряков»! Я была удивлена и восхищена, что музыку этого скромного юноши исполняет такой крупный мастер! А годом позже это произведение вошло в обязательный репертуар всех пианистов второго курса консерватории.

Так Владислав Успенский обрёл себя как музыкант и в Ленинграде. Он писал очень интересные и разные по жанру сочинения, при этом был избран секретарём комсомольской организации сначала своего факультета, а затем и всей консерватории. Ах, сколько интересных дел он придумывал и организовывал! Вместе с талантливыми композиторами Сергеем Слонимским и Борисом Тищенко, музыковедом Сергеем Сигитовым они создали замечательный творческий клуб, куда приходили молодые и авангардные Михаил Шемякин и Иосиф Бродский, мы присутствовали на интересных выставках и слушали стихи поэтов — шестидесятников.

К нам приходила сама АННА АХМАТОВА с молодыми поэтами, которых она поддерживала. Это было интереснейшее время, когда по коридорам консерватории запросто ходили «титаны» двадцатого века — Евгений Мравинский, Мстислав Ростропович, Дмитрий Шостакович, на каждой кафедре работали подлинные Корифеи мирового искусства. А мы студенты не только впитывали это время «оттепели», увлекаясь стихами Евтушенко, Ахмадулиной, Вознесенского, Рождественского, но и слушали новую музыку, а также произведения композиторов, которые ещё недавно были под запретом, таких, как Рахманинов, Гречанинов так и Стравинский, Барток, Малер...

Мы открывали для себя удивительный мир искусства, а Владислав Успенский как один из настоящих лидеров продолжал искать себя ещё и в общественной жизни. Он являлся прекрасным руководителем молодёжи, одним из организаторов студенческого остроумного театра — капустника «Фантик», где мы позволяли себе шутить и смеяться над официальной жизнью, острить по поводу великих жанров искусства, даже сказочка «Волк и семеро козлят» могла стать поводом к яркому спектаклю, в котором мы воплощали в жанре оперы и балета, трагедии и комедии известный сюжет. На наши спектакли буквально «ломались» студенты из всех вузов, и, казалось бы, жизнь омика Владислава Успенского всегда будет яркой и насыщенной, но ... внезапно сгустились тучи!

«ТУЧКИНЫ ШТУЧКИ!»

Это название вокального цикла Владислава Успенского на стихи Владимира Маяковского. Оно имеет прямое отношение к тому времени, когда успешному ленинскому стипендиату, ученику прекрасного педагога и композитора Бориса Арапова — потомка Пушкина вновь пришлось искать себя, так как известные композиторы и педагоги Вадим Салманов и Орест Евлахов неожиданно начали буквально вредить творческому росту молодого композитора. В консерватории отмечался столетний юбилей, и я, тогда юная пианистка, будучи невестой молодого композитора, предложила ему написать ораторию на стихи молодого и дерзкого поэта Евгения Евтушенко. Владислав с удовольствием подхватил эту идею, а ректор консерватории Павел Серебряков, услышав музыку, решил исполнить её на главном юбилейном концерте в большом зале Филармонии с участием замечательных певцов — Ирины Богачёвой, Валерия Малышева, прекрасного дирижёра Елизаветы Кудрявцевой и консерваторского хора.

Премьера прошла прекрасно, зрители горячо приняли новое сочинение, но члены композиторской кафедры углядели черты карьеризма, так как одна из частей была посвящена отцу поэта, у которого на фронте пульей пробито партийный билет. Евгений Евтушенко писал эти стихи как исповедь о своём времени, о своём отце, но профессора кафедры композиции сочли, что секретарь комсомольской организации из карьерных побуждений ввёл эти стихи в ораторию.

Сегодня это кажется бредом, но талантливого композитора, в течение пяти лет являвшегося гордостью факультета и консерватории, стали буквально «шельмовать» как карьериста и вместо рекомендации в композиторскую аспирантуру

предложили в музыковедческую! Кроме того, на распределении внезапно посоветовали ехать ему в один из малых городов России. Почему?

Бывают интриги и среди педагогов, но мой будущий муж буквально плакал на моём хрупком плече, спрашивая меня, почему я посоветовала ему именно эти стихи? (А ведь этими стихами потом зачитывалась вся страна).

История юноши из Омска могла бы закончиться неожиданно и печально, так как слухи о его «карьеризме» начали распространяться с неслыханной быстротой. Педагоги будто забыли о его успехах, удачах, произведениях в разных жанрах! Их вдруг стала волновать только его общественная деятельность. Замечу, что Владислав, воспитанный в Омске в уважении к церкви, всегда обладавший нравственными ценностями, был так далёк от карьеризма, как жёны декабристов от народа. И тут вновь сыграл роль случай — Владислав Успенский время от времени показывал свои сочинения Дмитрию Борисовичу Кабалеvскому, который направил его на композиторский путь.

Когда этот известный композитор приехал в Ленинград на премьеру «Реквиема» на стихи Роберта Рождественского, то он попросил у Владислава последние ноты и записи, а в Москве решил показать их своему соседу по площадке Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу.

Это внезапно изменило ситуацию. «Легенда» русской музыки, удивительный и тонкий человек Дмитрий Дмитриевич Шостакович отправил телеграмму ректору консерватории: «Я познакомился с сочинениями молодого композитора Владислава Успенского, он очень талантлив, и я хотел бы, что бы он был в моём аспирантском классе. Если это будет соответствовать и его желанию, то буду рад».

Судьба Владика решилась самым неожиданным образом, он стал одним из любимых учеников Дмитрия Дмитриевича и буквально «летал» от счастья, когда приходил на занятия. Сколько сочинений он написал за три года обучения! Это и «Концертино для тромбона», получившее первую премию на Всесоюзном конкурсе, и первый в Советском Союзе «Концерт для двух фортепиано с оркестром», написанный специально для превосходного дуэта Любви Брук и Марка Тайманова (названного фирмой «Филипс» лучшим фортепианным дуэтом XX века). Владислав создал кантату на стихи Леонида Поля «Всегда человек» и оперу на сюжет Карела Чапека «Война с саламандрами», которую посвятил учителю Дмитрию Шостаковичу, а мне посчастливилось ставить её в замечательном театре

оперы и балета Уфы, где дирижёром и художественным руководителем был превосходный музыкант Валерий Руттер. Ах, какое это было счастье — ставить оперу-памфлет в таком неожиданном жанре. Когда Дмитрий Дмитриевич Шостакович каждую неделю поддерживал нас своими телеграммами и глубокой верой в то, что эта одна из лучших опер двадцатого века, и мы сможем создать хороший спектакль.

У нас не было выхода! Мы обязаны были это сделать за двадцать четыре дня. Это была моя первая дипломная режиссёрская работа, которая позже была показана и в Волгограде и на теле-форуме в Москве, затем в родном театре оперы и балета Ленинградской консерватории, где зал стоя аплодировал премьере. Аплодисменты были неоценимой наградой этой работе. Затем последовали рецензии во всех главных журналах: «Театр», «Советская музыка», «Музыкальная жизнь», «Театральная жизнь», а также во многих газетах Уфы, Волгограда и Ленинграда.

Как современна сегодня эта опера, и как жаль, что о ней не знают режиссёры! Это и моя вина. Я поставила этот спектакль в конце восьмидесятых на телевидении Ленинграда с лучшими артистами наших оперных театров и получила подлинную творческую радость от этой новой версии. Ах, если бы сегодня в родном городе Владислава Успенского Омске вспомнили, что помимо выдающегося художника Михаила Врубеля, талантливого поэта Роберта Рождественского и других одарённых омичей есть ещё одно имя, заслуживающее внимания и благодарности города, его взрастившего. Владислав Успенский навсегда до последних дней жизни сохранил преданную любовь своим учителям — и Борису Арапову, удивительному Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу. Но даже его замечательные успехи в аспирантуре не сняли завистливого отношения к его творчеству нескольких музыкантов, которые ещё долгое время мешали его творческой дороге.

«Я ДЕЛАЮ СЕБЕ КАРЬЕРУ ТЕМ, ЧТО НЕ ДЕЛАЮ ЕЁ!»

Эти слова Евгения Евтушенко из вокального цикла Владислава Успенского стали девизом молодого композитора. Несмотря на несомненные удачи: премьеру оперы «Интервенция» по пьесе Славина в Мариинском театре (тогда в Кировском), многих камерных сочинений, талантливой музыки к кинофильмам. Его в течение трёх лет не принимали в Союз ленинградских композиторов! Как интересно, что позже он стал на протяжении тридцати семи лет творческим заместителем и другом

председателя Союза композиторов Андрея Петрова, который вначале всячески противился его приходу, а затем полюбил навсегда, горячо и искренне поздравлял его с каждой премьерой.

О Владиславе Успенском немало спорили, но, когда он вступил в Союз композиторов, процитировал строки Евгения Евтушенко: «Я делаю себе карьеру тем, что не делаю её!»

Так, сложилось, что профессора консерватории — знаменитые теоретики Привано и Тер-Мартirosян попросили молодого композитора стать деканом этого факультета в возрасте двадцати шести лет. Несколько поколений с благодарностью и юмором вспоминают, как один из самых молодых деканов Советского Союза подсказывал им на вступительных экзаменах и помогал в творческой деятельности.

А сколько полезного он успел сделать в Союзе композиторов! Являясь творческим директором фестивалей «Музыкальная весна», «Брат и сестра», непременным участником множества конкурсов, где он был членом жюри, являлся председателем музыкального совета Санкт-Петербурга, профессором консерватории, воспитавшим целую плеяду ярких композиторов: Лору Квинт, Игоря Корнелиюка, Евгения Иршаи. Его ученики возглавляют Союзы композиторов в разных городах и странах, достойно проявляют себя и зарубежные музыканты в Греции, на Кипре, в Перу, в Германии, в Америке.

Он оставил после себя огромный след благодарной памяти и любви слушателей. Сегодня, когда прошло уже более десяти лет с того дня, как Владислав Успенский ушёл из жизни, продолжает звучать его музыка. Прекрасный мюзикл «Анна Каренина» стал мировой премьерой в Финляндии, где прошёл сто один раз за один сезон! А позже в 2003 году, к юбилею Санкт-Петербурга нам удалось поставить его и в родном городе, где он продолжает жить и сегодня. Уже более двадцати лет на петербургской сцене идёт мюзикл «Казанова в России», а совсем недавно юные артисты сыграли премьеру спектакля «Элиза» по пьесе Бернарда Шоу «Пигмалион».

Спустя несколько лет с момента ухода из жизни Владислава Успенского, по первому каналу прошёл фильм «Адьютанты любви» с его музыкальными темами. Я со слезами на глазах в течение месяца слушала я эту музыку — лиричную и тонкую. А совсем недавно по каналу «Культура» демонстрировался фильм Леонида Квенихидзе «Крах инженера Гарина» с Олегом Борисовым в главной роли и яркой, запоминающейся музыкой Владислава Успенского. В Петербурге постоянно проходят его творческие вечера. На фестивалях «Музыкальная

весна» исполняется его музыка. В классах и залах консерватории звучат его произведения для тромбона и скрипки, для меццо сопрано и квартета. Совсем недавно молодые певцы Анна Золотова и Алан Старовойтов трогательно и убедительно исполнили один из лучших циклов Владислава Успенского «Два солнца стыннут» на стихи Марины Цветаевой и Бориса Пастернака.

Из разных стран мне пишут письма с вопросами о Владиславе Успенском, а молодые музыковеды защищают диссертации о духовной музыке и о мюзиклах композитора, то есть его произведения продолжают жить и остаются востребованными новым поколением слушателей и музыкантов!

В чём же секрет дарования, таланта Владислава Успенского? Прежде всего, его произведения узнаваемы. Владиславу Успенскому удалось обрести свой собственный мелодизм, присущий именно его индивидуальности, и, как не странно, вводил мелодизм в авангардные сочинения, в современной музыке объединять доступное с элитарным. Он много экспериментировал, изучая музыку авангардистов. Так, он написал «Абзацы для препарированного рояля», где использовал современные приёмы, предав роялю клавишинное звучание, а также использовал струны и деку этого королевского инструмента как аналог ударных. Музыканты, интересовавшиеся новыми приёмами, были удовлетворены, а секретарь Обкома КПСС товарищ Толстиков, выступив с высокой трибуны, заклеил молодого декана за то, что он положил внутрь рояля бумагу и колокольчики. Владислава Успенского едва не уволили с поста декана, и только вмешательство ректора консерватории спасло его творческую судьбу. Позднее композитор не раз использовал приёмы современного письма в таких сочинениях, как «Музыка для скрипки и камерного оркестра» в замечательном «Квартете», в «Симфонии памяти матери». Но это не мешало писать ему яркую вокальную музыку для солистов и хоров, и поэтому так востребованы его литургические и камерные сочинения — они полны искренней, глубокой, мелодичной музыки, на которую откликается сердце слушателей.

По складу своего дарования Владислав Успенский лирик, его музыка обращается к слушателю «от первого лица», чему способствует его прирождённый талант драматурга и мелодический дар. Профессионал, владеющий всем арсеналом современной композиторской техники, он смело соединял разные жанры, добиваясь остроты симфонического развития с помощью своеобразного монтажа,

соединял приёмы киномузыки, а помпезной оратории придавал лирико-драматическую сферу, любил эксперименты и одновременно отдавал дань традиции. Кроме того, Владислав Успенский — необычайно театральный композитор, ярко проявивший себя в музыке к спектаклям Маяковского, Гоголя, Толстого, Жоржа Сименона. При этом пронзительно лиричен в своём обращении к творчеству Бунина.

Как сочеталось в нём умение написать мощный триптих в жанре церковной православной музыки, создавать острые и экспериментальные сочинения и удивительно лиричные, а порой и публицистические песни-новеллы. Его вокальные произведения исполняли и театральные актёры: Ирина Мирошниченко, Евгения Симонова, Эра Зиганшина, и прославленные артисты эстрады Иосиф Кобзон, Эдита Пьеха, Лариса Долина, Эдуард Хиль.

Владислав Успенский не был обделён успехом, но каждый раз выходил на сцену скромно и застенчиво, будто не имел прямого отношения к исполнению музыкальных произведений. Ему было чуждо самолюбование, но в жизни этот человек умел любоваться другими — всегда быть внимательным к друзьям и коллегам. Интересно и то, что скромный юноша из Омска, выросший в семье без большого достатка, сумел в жизни и творчестве стать образцом стильности и элегантности. Он любил красиво одеваться и с удовольствием за границей подбирал цветовую гамму и детали для своего образа. Но это было не легкомысленное увлечение одеждой, а поиск собственного стиля, собственной индивидуальности.

Говорят, человек — это стиль. Владислав Успенский сохранил свой стиль и в творчестве, и в жизни. Если вспомнить знаменитую чеховскую цитату «В человеке всё должно быть прекрасно: и лицо, и душа, и одежда, и мысли», то он соответствовал этому определению во всём.

Город Омск по праву может гордиться своим соотечественником. Его произведения исполняли многие выдающиеся музыканты мира, его музыка звучала в лучших залах Европы и Азии, о нём с уважением вспоминают ученики, коллеги. Я — режиссёр, журналист, музыкант, снявшая на телевидение концерты, где исполнялись все его произведения, сыгравшая на рояле его фортепьянные сочинения, поставившая на сцене его спектакли, считаю, что настоящий успех и признание его музыки ещё впереди!

Один из классиков современной музыки народный артист России Сергей Слонимский недавно написал о Владиславе Успенском прекрасную аналитическую статью и посвятил ему своё произведение, а другой замечательный музыкант Борис

Тищенко не задолго из своего ухода из жизни на мой вопрос: «Нужна ли сегодня музыка Владислава Успенского?», повернувшись ко мне, почти яростно сказал: «Его музыка будет нужна всегда! Она глубокая, чистая и высоко профессиональная. А уж какие у него лирические темы — это мало кто забудет!..». Сегодня уже нет в живых Бориса Тищенко, но я никогда не забуду страстный монолог друга и коллеги Владислава Александровича, в котором было подлинное признание его личности и таланта.

Пока я могу, буду делать всё, чтобы эта музыка звучала — в спектаклях и концертах, по радио и телевидении. Надеюсь, что в его родном городе Омске об этом человеке тоже помнят и тем самым продлевают его творческую жизнь...

Р.С. Среди многих замечательных мест Петербурга есть мемориальный музей под открытым небом — «Литераторские мостки». Там нашли свой последний приют Радищев, Тургенев, Гончаров, Гаршин и другие известные писатели, а так же артисты, художники, режиссёры, учёные, знаменитые юристы, политики. И совсем рядом — имена музыкантов: Ильи Мусина, воспитавшего лучших дирижёров России, Карла Элиасберга, оставившего след в истории (он дирижировал оркестром, исполнившим седьмую симфонию Д. Д. Шостаковича в блокадном Ленинграде), прекрасных певцов — Галины Ковалёвой, Бориса Штоколова, и композиторов Валерия Гаврилина, Исаака Шварца, Андрея Петрова и Владислава Успенского. Память о них поддерживает и тех, кто приходит сюда, чтобы помнить...

Профессор
Санкт-Петербургской
Консерватории
им. Н. А. Римского-Корсакова,
залуженный деятель искусств
России, режиссёр

Ирина ТАЙМАНОВА